

Министерство образования и науки Российской Федерации

**Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

И. В. Вовк, И. А. Шебалин

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ВОСТОКА

Учебное пособие

2-е издание, доп. и перераб.

Орск 2016

УДК 94
ББК 63.3(0)6
В61

Печатается по решению редакционно-издательского совета Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ

Научный редактор

*Алимова Л. Б., доктор исторических наук,
профессор кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук
Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ*

Рецензенты:

*Казакова-Апкаримова Е. Ю., доктор исторических наук,
профессор Уральского государственного экономического университета,
ведущий научный сотрудник Института истории и археологии
Уральского отделения Российской Академии наук;*

*Сорокина В. И., кандидат философских наук, доцент кафедры
общеобразовательных и профессиональных дисциплин филиала
Самарского государственного университета путей сообщения
в г. Орске*

В61 Вовк, И. В. История Новейшего времени стран Востока
: учебное пособие / И. В. Вовк, И. А. Шебалин. – Орск : Издательство
Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ,
2016. – 2-е изд., доп. и перераб. – 175 с. – ISBN 978-5-8424-0815-3.

Учебное пособие предназначено для студентов среднего профессионального образования, высшего образования исторического профиля, учителей курсов переподготовки и может использоваться как учебный материал для спецкурсов и дисциплин специализации.

ISBN 978-5-8424-0815-3

© Вовк И. В., 2016
© Шебалин И. А., 2016
© Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, 2016
© Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Индия и Пакистан в Новейшее время	6
1.1. Национально-освободительное движение в Индии. Ганди и гандизм	6
1.2. Эволюция Индии и Пакистана за годы независимости (1947-2005)	13
2. Китай в XX веке	35
3. Япония в Новейшее время	58
3.1. Япония между двумя мировыми войнами: на путях милитаризации	58
3.2. Японская модель развития в современном мире	89
4. Страны Среднего Востока в Новейшее время	113
5. Дидактические материалы	159
5.1. Планы семинарских занятий	159
5.2. Тесты	163
5.3. Вопросы к экзамену	167
Библиографический список	173

ВВЕДЕНИЕ

История Новейшего времени стран Востока является завершающим этапом развития всеобщей истории. Она изучает основные направления политического, социально-экономического и культурного развития стран Азии на протяжении XX – начала XXI вв.

Задачей курса является раскрытие сущности тех коренных изменений, которые произошли на протяжении указанного периода: демократизация политической жизни, социализация государства и всей системы общественных институтов, развитие информационного пространства, стремительное наращивание научно-технического потенциала, более сложная дифференциация социальной структуры и как следствие постепенная трансформация индустриального общества и формирование современной постиндустриальной, информационной цивилизации.

Лекционный курс составлен с учетом новых требований, предусмотренных стандартом нового поколения для студентов, обучающихся по программе бакалавриата, а также учителей курсов переподготовки и студентов среднего профессионального образования. Он направлен на формирование основных навыков, которые должен иметь специалист историко-политологического профиля для работы в системе образования, общественно-политической сфере и других социокультурных средах современного общества:

- иметь представление об основных закономерностях историко-политического развития стран Востока в новейшее время;
- приобрести навыки сравнительного анализа государственно-правового устройства, политической культуры, моделей гражданского поведения рассматриваемых стран и регионов;
- иметь представление о сущности процессов, происходящих на протяжении столетия в рамках различных политических течений: либерализма, консерватизма, социализма, правого и левого радикализма;

- уметь соотносить зарубежный политический опыт с развитием социально-экономических и политических процессов в современной России;

- знать персоналии политических лидеров, политических мыслителей, деятелей культуры;

- свободно владеть современной политической лексикой.

При использовании лекционного курса нужно иметь в виду, что изложенный материал не может дать исчерпывающих знаний по курсу, а лишь закладывает фактологическую основу, которая нуждается в постоянном обновлении и переосмыслении в связи с развитием всеобщей истории как научной дисциплины.

1. ИНДИЯ И ПАКИСТАН В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

1.1. Национально-освободительное движение в Индии.

Ганди и гандизм

Индия второй половины XVIII – первой половины XIX в. – типичная колония, подвергавшаяся 200 лет мощному воздействию европейской культуры. Господствовавший в Индии индуизм не представлял собой единого комплекса верований, состоял из множества культов и не служил сплачивающим фактором. Индусская община была неоднородна также и потому, что состояла из тысяч каст, причем некоторые из них считались «неприкасаемыми» (не менее 1/6 индусов), и с ними «кастовые» индусы не могли общаться. Большинство индуистских культов пронизывает идея непротивления злу (*ахимса*). Это существенно ограничивало развертывание насильственных методов антиколониальной борьбы. Наконец, Индия отличалась большой конфессиональной гетерогенностью. Наряду с индусским большинством в ней жили мусульмане (примерно четверть населения), а также христиане, сикхи и джайны.

Британская политика в области организации управления колонией выглядит как настойчивое прививание начатков демократии и парламентских форм. Возникающее представление, что англичане осуществляли четкий план подведения Индии к самоуправлению и независимости, конечно, совершенно обманчиво. Каждый шаг на пути демократизации был вызван (или даже вырван) борьбой. И каждый шаг запаздывал. Но все же особенность Индии в том, что демократическая система утвердилась.

Индийский национальный конгресс (ИНК), впервые собравшийся в 1885 г. и затем собиравшийся каждый год, первоначально видел свою задачу в обсуждении колониальной политики и предоставлении советов британским властям по улучшению управления колонией. Он предлагал расширить участие индийцев в управлении, предпринимать меры по экономическому развитию Индии, прекратить выкачку

средств из страны. Методами Конгресса на протяжении первых 20 лет его деятельности были петиции по конкретным вопросам, направляемые правительству вместе с резолюциями, в которых выражалась его полная лояльность Британии.

Однако власти не обращали на эти петиции почти никакого внимания. Уступки в отношении демократизации режима, о которых говорилось выше, совершенно не соответствовали требованиям Конгресса и чем дальше, тем больше вызывали растущее раздражение индийского общественного мнения. Английские колонизаторы, по существу, сами оттолкнули от себя либеральную индийскую интеллигенцию, которая могла бы стать их союзником.

Появились и настоящие экстремисты – подпольные террористические организации, организовавшие несколько нападений на английских чиновников. Впрочем, надо сказать, что эти организации не получили массовой поддержки. Насильственные методы борьбы, практиковавшиеся и позже, не стали существенным фактором в национально-освободительной борьбе, остались на ее обочине.

Первое обострение взаимоотношений индийской политической элиты с колониальным режимом произошло в 1905-1908 гг., когда лорд Керзон разделил провинцию Бенгалия на две части, в результате чего появилась провинция Восточная Бенгалия с преобладанием мусульманского населения. Борьба против этого раздела велась под лозунгами *сварадж* («самоуправление») и *свадеш* («отечественное» – имелась в виду пропаганда отечественных товаров). «Сварадж» был вскоре расшифрован как предоставление прав доминиона. Конгресс превращался в политическую партию – со своим уставом, руководящими органами, местными комитетами, оформленным членством. В это же время начинается самостоятельное политическое движение мусульман – образовалась партия Мусульманская лига.

Как говорилось, реформа 1909 г. не удовлетворила Конгресс, и его позиция в отношении режима становилась все более критичной. Во время Первой мировой войны «экстремисты», отколовшиеся от

Конгресса в 1907 г., вновь влились в него и заняли в нем доминирующие позиции. Наметившееся было расхождение между движением под руководством Конгресса и Мусульманской лигой во время войны практически исчезло. Обе партии собирались на свои съезды одновременно в одном городе и принимали идентичные резолюции.

После Первой мировой войны начинается брожение: митинги, демонстрации, забастовки, нападения на европейцев. Власти принимают решительные меры. Вводятся законы, которые разрешают арестовывать лиц, заподозренных в антиправительственной деятельности, и держать их в тюрьме без суда. Национальный конгресс резко радикализуется. Умеренные либералы выходят из него и создают отдельную Федерацию либералов. Вождем Конгресса становится Мохандас Карамчанд Ганди.

Ганди получил известность, когда служил адвокатом одной из индийских фирм в Южно-Африканском союзе. Он возглавил там движение за равноправие индийцев в стране, уже выработывавшей концепцию *апартхейда*, согласно которой представители различных рас должны были жить, почти не соприкасаясь друг с другом, при этом белые обладали всеми политическими правами, а африканцы и азиаты подвергались дискриминации. Ганди предложил невиданные тогда методы борьбы – ненасильственные. Индийцы демонстративно нарушали законы, которые они считали несправедливыми, подвергались репрессиям, но не сопротивлялись полицейским акциям, охотно шли в тюрьму, а затем продолжали действовать вопреки законам. Гандистские методы борьбы оказались успешными. Многие дискриминационные законы были отменены.

Вернувшись в Индию, Ганди разработал философские основы своего учения и уточнил тактику политической борьбы. Тогда же он принял облик индусского аскета – едва прикрытого одеждой, воздерживающегося от всех радостей жизни, – и получил наименование Махатма («Великая душа»), которое стало его как бы основным именем. Основной принцип действий он назвал «ненасильственным не-

сотрудничеством», а форму, в которую облекались объявляемые им кампании, – *сатьяграхи* («упорство в истине»). Призывая к исключению из арсенала освободительной борьбы насильственных действий, он подчеркивал, что его методы – это оружие сильных. Участник сатьяграхи не отвечает на провокации и репрессии, потому что он ощущает свое моральное превосходство над противником. Концепция ахимсы, лежавшая в основе его учения, находила отклик в глубине религиозного сознания широких масс и в то же время оказалась привлекательной практически, поскольку предлагала не самопожертвование, а лишь некоторое страдание (попадание в тюрьму).

Целью своей деятельности Ганди считал не просто достижение Индией независимости, но воспитание масс в ходе борьбы и построение, в конце концов, в Индии общества всеобщего благоденствия (*сарвадаши*). Его идеалом была индийская сельская община, самоуправляющаяся и свободная от социальных конфликтов. Будущая Индия должна была стать федерацией таких общин, государством, не прибегающим к насилию, или, по крайней мере, применяющим насилие «в минимальной степени». В этом государстве капиталисты и помещики должны «опекать» рабочих и крестьян, а те, в ответ, должны добросовестно работать.

Апелляция к религиозным чувствам не ограничивалась идеей ахимсы. Агитаторы в сельской местности призывали к *свараджу*, представляя борьбу за национальное освобождение продолжением битвы Пандавов с Кауравами, ссылаясь на «Махаб-харату», древнюю эпическую поэму, имеющую в Индии сакральный характер.

Обращение к массам и апелляция к индуистским ценностям оттолкнули от Ганди и от Конгресса Мухаммада Али Джинну, руководителя Мусульманской лиги, и, в конце концов, раскололи национальное движение на индусское и мусульманское. Ганди же считал, что политика без религии безнравственна. Несмотря на все усилия установить и укрепить дружественные отношения между индусами и

мусульманами, предпринимавшиеся Ганди, его религиозность привела к разрыву этих отношений.

Дадим краткую хронологическую канву этапов борьбы за независимость Индии.

1919-1922 гг. – подъем национально-освободительного движения. Главным методом объявлялся бойкот. Он должен был иметь несколько стадий: отказ от титулов и званий, бойкот английских товаров (свадешы), бойкот административных учреждений и судов, бойкот учебных заведений, наконец, неуплата налогов. Делались попытки мобилизовать крестьян и рабочих. Возникают первые профсоюзы.

Одновременно разворачивалось халифатистское движение, то есть движение за восстановление халифата (турецкий султан был лишен титула халифа всех суннитов). Ганди поддержал это движение и даже формально его возглавил. Халифатисты приняли гандистскую тактику ненасильственного сопротивления. Но религиозная подоплека лозунга «халифата» привела в конце концов к обострению индуско-мусульманских противоречий. Кампания была прекращена решением Ганди после одного из кровавых столкновений. Он заявил, что «народ не готов» следовать путем ненасилия.

1923-1928 гг. – период стабилизации и политических маневров, углубление серьезных расхождений между ИНК и Мусульманской лигой, возникновение самостоятельного движения «неприкасаемых» под руководством Б. Р. Амбедкара, рост влияния индуских «коммуналистских» (религиозно-общинных) организаций, вспышка индуско-мусульманских погромов, выдвижение новых лидеров – Субхаса Чандры Боса и Джавахарлала Неру. Они воспринимались традиционными лидерами Конгресса как два руководителя «левого» крыла, однако были глубоко различны по своим взглядам. Неру был равнодушен к проблемам религии, был убежденным сторонником демократии и именно в этот период пришел к идеям социализма. Бос стремился к революционному свержению колониального строя, был не

чужд религиозной риторики и считал, что Индия нуждается в диктатуре. Ему импонировали идеи фашизма и национал-социализма.

1929-1933 гг. – новый подъем движения. Ганди объявляет основным направлением движения борьбу с соляной монополией. Отмены монополии добиться не удалось, но начинаются переговоры между английским правительством и лидерами индийских партий о будущей конституции Индии. Основным вопросом, дебатировавшимся в ходе переговоров, был вопрос об обеспечении прав меньшинств (мусульман, христиан, сикхов, «неприкасаемых») после передачи власти индийцам.

1934-1937 гг. – борьба вокруг проекта новой «конституции», которая должна была расширить участие индийцев в управлении страной. Все политические партии Индии сумели отвергнуть «федеральную схему», которая не давала индийцам серьезных позиций во власти, но приняли раздел о «провинциальной автономии». На выборах 1937 г. Конгресс победил в большинстве провинций и образовал правительство.

1937-1939 гг. – период конгрессистских правительств в провинциях. Конгрессисты показали, что, придя к власти, они не намерены щадить чувства мусульман и уважать их интересы. Выборы 1937 года дали Конгрессу ложную уверенность в том, что только он представляет индийский народ, а Мусульманской лиге преподали урок: без обращения к массам они не могут ничего достичь. Джавахарлал Неру после выборов заявлял: «В Индии есть только две партии – Конгресс и правительство».

1939-1945 гг. – период войны. Конгресс высказал «сочувствие» странам антигитлеровской коалиции, но отказался сотрудничать с властями до решения вопроса о независимости. По сути, его позиция сводилась к саботажу военных усилий.

Один из прежних лидеров Конгресса С. Ч. Бос сотрудничал с Германией и Японией, готовил вместе с японцами вторжение в Индию из Бирмы во главе «Индийской национальной армии». Конгресс

отмежевался от него, но позиция Ганди, призывавшего не сопротивляться японцам, если они вторгнутся, тоже рассматривалась англичанами как предательская.

9 августа 1942 г. – решение о начале движения «Вон из Индии» («Quit India»). Руководители Конгресса на следующий же день были арестованы. Конгресс лишил себя возможности воздействовать на ситуацию в самый ответственный период. Однако все же началось широкое массовое движение, далеко вышедшее за рамки гандистских методов, получившее в литературе название «Августовская революция». В ходе столкновений 940 чел. было убито, 1630 ранено, 60 тыс. арестовано, в том числе 18 тыс. – до конца войны.

1946-1947 гг. – решение вопроса о предоставлении независимости. Мусульманская лига еще в 1940 г. выдвинула требование о выделении провинций с большинством мусульманского населения в отдельный доминион, который потом получил название Пакистан. Попытки сохранить единство Индии как конфедеративного государства окончились безрезультатно из-за упорства то той, то иной стороны.

М. Джинна объявил 16 августа 1946 г. «Днем прямых действий» за Пакистан. Начались кровавые столкновения, которые правительство уже не имело сил остановить. Английское правительство поняло, что ему нужно как можно быстрее передать власть любым силам в Индии, чтобы не нести ответственности за все, что там может произойти.

3 июня 1947 г. английский парламент принял Акт о независимости Индии, предусматривавший раздел на два государства, которым предоставлялись права доминионов. Передача власти состоялась в полночь с 14 на 15 августа 1947 г. Более 10 млн. чел. бежали из Индии в Пакистан (мусульмане) и обратно (индусы и сикхи). В ходе сопровождавшей все это резни погибло не менее 500 тыс. чел. Вопрос о границах двух государств не урегулирован до сих пор. Спор идет из-за княжества (ныне штата) Джамму и Кашмир, которое каждое из

государств считает своей территорией. Эта проблема много десятилетий отравляет отношения между двумя странами.

Во главе Конгресса и доминиона Индийский союз (с 1950 г. – Республика Индия) встала группа Д. Неру – западники, либералы, секуляристы и социалисты. Но основная масса верхних эшелонов партии оставалась на почве традиционных ценностей. Поэтому в Индии постепенно побеждает индусский шовинизм.

Пакистан создавался группой М. Джинны тоже как светское государство. Мусульмане понимались им не как религиозная общность, а как нация. Но сама мобилизация на основе религиозной принадлежности вызвала после смерти Джинны мощную волну исламизации. Так что теперь мы имеем Исламскую Республику Пакистан.

Раздел Индии показал крах гандистских идей. Несколько позже оказалось, что и идеи Джинны не востребованы пакистанским обществом. Ганди был убит индусским коммуналистом. На Джинну было совершено покушение исламским фундаменталистом. Оба лидера сошли со сцены почти одновременно. Они не узнали, что их идеи и цели забыты их «последователями», «учениками» и почитателями.

1.2. Эволюция Индии и Пакистана за годы независимости (1947-2005)

Раздел колониальной *Индии*, произошедший одновременно с уходом англичан из колонии в августе 1947 г., был вызван комплексом причин. Нельзя обвинять в этом событии только британских колонизаторов, хотя немалую долю вины за раздел они, несомненно, несут. Столь же неверно возлагать всю ответственность на представителей мусульманского потока в движении за независимость от англичан. Вместе с тем именно они, разумеется, были главными сторонниками образования не одного, а двух государств. Косвенно виноваты в разделе и лидеры основной политической силы, олицетворяющей национально-освободительное движение, – Индийского национального конгресса. Разумеется, они настаивали на передаче

власти в руки одного общеиндийского руководства, но при этом недостаточно учитывали глубину раскола между различными общественно-политическими течениями, сложившимися в стране к периоду после окончания Второй мировой войны.

Таким образом, Индия после длительного периода европейского господства обрела независимость, но одновременно с этим была расчленена на два государства, одно из которых в дальнейшем (в 1971 г.) разделилось еще раз. Ныне на месте прежней, управляемой британцами территории существуют три страны: Республика Индия с более чем миллиардным населением, в основном индусским (на 83%), Исламская Республика Пакистан, чье население (свыше 160 млн. человек) на 97% состоит из мусульман, и Народная Республика Бангладеш, численностью превышающая 130 млн, где почти 90% жителей также мусульмане. Из отмеченного следует, что раздел произошел по религиозному принципу – Пакистан образовали те области колониальной Индии, в которых большинство населения принадлежало к широкой, внутренне гетерогенной (неоднородной), но осознающей перед лицом внешнего мира свое единство общине мусульман. Поэтому подоплекой раздела явилось существование на обширной территории исторической Индии (более 4 млн кв. км) отдельной крупной группы мусульманского населения, отличающейся от большинства, – индусов или индуистов, носителей более ранних религиозных представлений, связанных с культурой появившихся на индийском северо-западе в конце II тысячелетия до н.э. арийских племен, а также с еще более ранними местными традициями.

Итак, подоплекой раздела обширной и важнейшей для Англии колонии на юге Азии (исторически сложившегося региона под названием Индия) явилась культурно-религиозная неоднородность населения, а базовым фактором – формирование особого движения в рамках борьбы за политический суверенитет, которое поставило перед собой целью получение независимости в рамках государства, где мусульмане не составляли бы меньшинства.

Решение об уходе было, без сомнения, вынужденным шагом и получило полную поддержку в истерзанной войной Англии. В Индии англичане также теряли почву под ногами и торопились снять с себя ответственность. Однако для значительной части индийского населения скоропалительный раздел обернулся трагедией. Ведь компромисса между лидерами Конгресса и Мусульманской лиги удалось достичь благодаря решению о двойном разделе не только Индии, но и двух ее важнейших и плотно населенных провинций – колыбели британской Индии Бенгалии – на востоке и житницы страны – Пенджаба – на северо-западе.

Дальнейшее историческое развитие индийских территорий можно разделить на три крупных этапа, каждый протяженностью примерно 20 лет. Первый из них начинается с конца 40-х и завершается в конце 60-х годов. Рубежом между вторым и третьим служит конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века.

Главной проблемой первых лет эволюции было становление государственности. В течение двух с половиной лет, вплоть до 26 января 1950 г., Индия имела статус независимого доминиона, входящего в состав британского Содружества наций. После вступления в силу конституции она превратилась в республику без выхода из Содружества. Конституция действует до сих пор, хотя в нее внесено более ста поправок. В соответствии с ней страна является парламентской демократией, имеющей унитарно-федеративный характер. Она состоит из относительно автономных штатов и союзных территорий, которые, однако, образуются по решению центральных органов власти и не имеют права покинуть федерацию.

Основу политической системы составляет парламент, нижняя палата которого «Локсабха» (Народное собрание) избирается прямым тайным и всеобщим голосованием на срок в пять лет. На тот же срок взрослое население штатов (первоначально старше 21 года, ныне – 18 лет) избирает свое законодательное собрание. Последние участвуют в

формировании верхней палаты парламента «Раджья сабха» (Совет штатов).

В ходе первых выборов в парламент и собрания штатов, которые состоялись в 1951-52, 1957 и 1962 гг., утвердилась многопартийная система. В то же время победу на этих выборах неизменно и с большим отрывом от остальных партий одерживал Национальный конгресс. Центральное правительство Индии с 1947 г., вплоть до смерти в 1964 г., возглавлял лидер ИНК Дж. Неру.

Стремясь обеспечить свободу внешнеполитического маневра и укрепить самостоятельность в экономическом развитии, Индия обратилась к опыту пятилетних планов СССР и с середины 1950-х годов приступила при его поддержке к проведению курса на форсированную индустриализацию, создание базы тяжелой промышленности. Успех второго пятилетнего плана (1955-1960), привел к тому, что задания третьего плана оказались завышенными. Форсированное развитие индустрии «опередило» эволюцию аграрной сферы и вызвало кризисные явления в середине 60-х годов. Курс на замещение импорта товарами местного производства, ориентация на самодостаточность национальной экономики имели результатом замедленную интеграцию в общемировые хозяйственные процессы. Доля Индии в мировой торговле падала.

Вместе с тем престиж Индии в мире был при Неру весьма велик. Основами ее внешней политики были антиколониализм и антирасизм, то есть поддержка борьбы азиатских и африканских народов за независимость от господства европейцев с их высокомерным отношением к населению в колониях и зависимых странах. Кроме того, Неру решительно выступал за мир, против угрозы всеобщей войны и распространения атомного оружия. Дж. Неру воспринимался в мире как бесспорный лидер освободившихся государств, не желающих слепо следовать в фарватере политики сильнейших в экономическом плане государств Запада – США и Англии. Индия добилась немалой самостоятельности при проведении внешней политики, что прояви-

лось в период Корейской войны (1950-1953), Суэцкого кризиса 1956 года и ситуации на Ближнем Востоке в 1957-1958 гг. В 1961 г. на конференции в Белграде Индия выступает в качестве одного из основателей движения неприсоединения.

Однако с конца 1950-х годов нарастают и трудности в осуществлении избранного Индией под руководством Дж. Неру курса. Они связаны с неудачей в ориентации на союз с Китаем. Умозрительные представления творцов индийской внешней политики о родстве двух великих государств-цивилизаций Востока – Индии и Китая – разбились о конфликт по поводу пограничных территорий и вопрос о судьбе Тибета. После возникшего там антикитайского восстания бежал в Индию духовный глава тибетцев-буддистов Далай-лама XIV. После этого с весны 1959 г. отношения двух великих соседей неуклонно ухудшались.

Это привело осенью 1962 г. к пограничной индийско-китайской войне. Китайская армия одержала полную победу. Горечь поражения бросила Индию на какое-то время «в объятия» США и Англии, но не привела к отказу от самостоятельной и сбалансированной внешней политики.

После смерти Неру на фоне внешнеполитических и экономических неудач (голода в отдельных штатах в 1965-1967 гг.) резко обострилась борьба внутри ИНК, который остался ведущей политической организацией, несмотря на ослабление позиций на выборах 1967 г. Хотя дочь Неру, Индира Ганди, возглавила правительство еще в начале 1966 г., ей удалось утвердиться в качестве бесспорного лидера партии и страны только после раскола в партийных рядах в 1969 года, сдвига политики организации влево от центра и убедительной победы возглавляемого ею Конгресса на внеочередных выборах в начале 1971 г.

Второй период развития суверенной Индии ознаменовался сохранением некоторых прежних и появлением новых тенденций. В экономической области государство, как и ранее, ориентировалось на

создание в значительной степени самодостаточного национального хозяйства, прибегая к поощрению импортозамещающих отраслей. Национализация крупнейших коммерческих банков и страховых компаний в 1969 г. усилила государственный контроль над экономикой. Быстро создавался мощный госсектор в промышленности за счет направления туда бюджетных ассигнований на цели развития. Смешанная государственно-частная экономика стала воплощением социал-демократической модели, получив название индийского социализма.

Исключительно важное значение для дальнейших судеб Индии имел успех «зеленой революции», обеспеченный повышением урожайности главных продовольственных культур, прежде всего пшеницы и риса. Применение высокоурожайных семян, а также увеличение количества поливной воды, рост используемых минеральных удобрений и средств защиты растений наряду с повышением трудоинтенсивности земледельческих работ помогли решить сразу две «вечные» проблемы Индии – голода и хронической сельской неполной занятости.

В 1971 г. Индии удалось кардинально решить крупную задачу в области региональной внешней политики. Она воспользовалась слабостью пакистанского военного режима и, оказав содействие борьбе восточнобенгальских националистов за отделение от Пакистана его восточного «крыла», добилась устранения угрозы своей безопасности, до того исходившей как с запада, так и с востока Южноазиатского субконтинента. Военно-политический успех объяснялся достижениями в области укрепления вооруженных сил. Особую роль при этом сыграла помощь СССР, который не только продавал оружие, но и содействовал созданию развитого военно-промышленного комплекса.

Столкнувшись с превращением КНР в державу, обладающую ядерным оружием (первый взрыв китайцы произвели в октябре 1964 года), Дели пересмотрел политику в ядерной области. Он отказался

присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, вступившему в силу в 1970 г., и провел подземное испытание ядерного устройства в мае 1974 г. Но после смены правительства в 1977 г. Индия публично отказалась от работ по созданию атомной бомбы.

80-е годы XX века для независимой Индии были в целом нелегким десятилетием, изобилующим драматическими коллизиями. Они происходили в основном из-за стремления отдельных политических сил к автономии и сепаратизму. Противоречия между сикхами и индусами в Пенджабе вылились в вооруженную борьбу за создание сикхского государства Халистан. Центральное правительство в 1984 году было вынуждено отдать приказ о штурме цитадели сепаратистов, святыни сикхов, Золотого храма в г. Амритсар. Результатом была гибель экстремистских лидеров и большого числа их сторонников. Ответом сикхских радикалов было убийство премьер-министра И. Ганди в октябре того же года, за которым последовала волна массовых погромов сикхов в Дели и ряде других городов севера Индии.

Сын Индиры, Раджив Ганди, «унаследовав» бразды правления в ИНК, привел старейшую партию к новой бесспорной победе на внеочередных выборах декабря 1984 г. Новое правительство, продолжая использовать сильные стороны традиционного или ИНК курса, добились некоторых успехов на внешнеполитическом поприще и внутри страны. Началось, в частности, движение к нормализации обстановки в Пенджабе. Зато на юге Индии Раджива ждала неудача. В 1987 г. он согласился на ввод индийских регулярных частей в Шри Ланку в надежде, что они помогут местному правительству справиться с сепаратизмом тамильских экстремистов, но просчитался. Через три года завершилась эвакуация с острова последних индийских солдат (их численность на пике операции достигала 50 тысяч), а позже, в разгар предвыборной кампании 1991 г., Р. Ганди погиб от рук тамильских мстителей за акт вмешательства.

Во второй половине 80-х годов Индия сделала несколько шагов по пути реформирования централизованной госкапиталистической

системы хозяйствования, проявила заинтересованность в развитии контактов с Западом в области передовой техники и технологии. Однако, несмотря на увеличение темпов экономического роста, на очередных выборах 1989 г. ИНК потерпел второе поражение. Этому предшествовал еще один раскол в его рядах и громкие скандалы с обвинениями высших правительственных чиновников в коррупции.

На втором этапе экономико-политической эволюции Индии ее образ морального лидера «третьего мира», символа демократической Азии, несколько потускнел, зато укрепился авторитет умеющей постоять за себя нации. На рубеж 80-90-х годов приходится начало третьего, текущего периода в развитии Индии. Смена вех происходит из-за глобальных перемен, распада СССР, отказа Дели от военно-стратегической опоры на Москву и постепенной переориентации на связи с Западом, в первую очередь с США.

Разразившийся в 1991 г. валютный кризис (истощение золотовалютных резервов) сопровождался ухудшением всех макроэкономических показателей и подготовил почву для принятия программы либеральных преобразований. На протяжении 1991-1996 гг. федеральное правительство контролировалось вновь победившим на выборах, но уже далеко не бесспорно, Индийским национальным конгрессом. С именем министра финансов в этом кабинете министров, Манмоханом Сингхом (с 2004 года возглавляющим индийское правительство), связывают переход от политики относительной изоляции от мирового рынка к интеграции в него путем снижения протекционистских импортных пошлин и других мер защиты внутреннего рынка. Экономический курс намечал также денационализацию и поощрение частных иностранных инвестиций. Результаты новой экономической политики начали сказываться уже в 1993 г. За последующие четыре года существенно выросли размеры иностранных инвестиций, стабильными темпами, на уровне 6% прироста в год, увеличивался национальный доход, заметно вырос экспорт.

На фоне экономических реформ в 90-е годы наблюдались заметные подвижки в социальной сфере, повышение статуса традиционно низких кастовых групп, особенно на севере страны, в самом сердце индуистского массива. В социополитическом плане это нашло отражение в выходе на первые роли в управлении ряда штатов (прежде всего крупнейшего в стране – Уттар-Прадеш) представителей верхушки сельских и полугородских слоев в таком явлении, как «кастеизация» (борьбе расслоившихся по кастовому признаку сил и организаций), а также в растущей специфичности ситуации в разных штатах и регионах страны, углублении полицентризма и регионализма, усилении религиозного, в первую очередь индуистского, фундаментализма.

Следствием всех этих процессов был «патовый» результат очередных всеобщих выборов 1996 г., формирование коалиционного правительства меньшинства, смена премьер-министра в 1997 г., новый политический кризис и еще одни, четвертые по счету, внеочередные выборы февраля-марта 1998 г. Наибольшего успеха на них добилась партия индусского национализма – «Бхаратия Джаната Парти» (БДП, Индийская народная партия). Созданное ею коалиционное правительство приступило к выполнению предвыборных обещаний сделать Индию ядерной державой. В мае 1998 г. оно отдало приказ о проведении подземных испытаний пяти ядерных боезарядов. Добившись своих целей, индийское правительство объявило о моратории на проведение новых испытаний и пошло на улучшение отношений с соседями – Китаем и Пакистаном.

Террористическая борьба, поддерживаемая из Пакистана, усилилась осенью 2001 г., что привело к новому опасному противостоянию двух обладающих ядерным оружием государств Южно-азиатского региона в мае-июне следующего года. Здравомыслие их руководителей и давление мирового сообщества помогли разрядить обстановку. Весной 2003 г. начался процесс поиска «способа существования», разрешения спорных вопросов путем проведения регу-

лярных двусторонних переговоров на разном уровне, вплоть до самого высокого. Хотя он не завершился достижением договоренностей по крупным проблемам, передышка укрепила позиции Индии в регионе и мире.

Еще одним содействующим этому фактором были нарастающие успехи в экономической области. Азиатский кризис 1997-1998 годов почти не затронул Индию. Победа возглавляемой БДП коалиции Национальный демократический альянс на внеочередных выборах осенью 1999 г. обеспечила внутривнутриполитическую стабильность (очередные выборы состоялись в 2004 г.) и непрерывность либерального социально-экономического курса.

Достижением правительства А. Б. Ваджпай нужно признать качественное изменение отношения к Индии со стороны США. Проведение ядерных испытаний омрачило американо-индийские связи лишь на короткий срок. Дели сумел продемонстрировать Западу возросшую военно-технологическую мощь, доказав одновременно, что его политика носит независимый характер, вполне предсказуема, исходит из национальных интересов, которые хорошо согласуются с императивами глобализации.

Нужно подчеркнуть, что при правительстве А. Б. Ваджпай усилились вместе с тем тенденции укрепления индийско-российских и индийско-китайских взаимосвязей. Отношения между Индией и Россией отличались совпадением внешнеполитических курсов, доверительностью контактов на высшем уровне, однако страдали известной асимметричностью. В сфере торговли и экономики главную роль играли поставки российских вооружений, в области научно-технического сотрудничества лидировали Военно-промышленные комплексы (ВПК) двух государств, а также атомная энергетика – началось строительство с российской помощью АЭС в Куданкуламе на юге страны. Объем взаимной торговли (помимо военно-технического сотрудничества) оставался на уровне не выше 1,5 млрд долл. в год.

Торговля между Индией и Китаем за первые четыре года XXI века, напротив, стремительно выросла – с 2 до 15 млрд долл. Существенно сблизились и внешнеполитические позиции двух азиатских гигантов. Им удалось разрешить ряд проблем, долгое время омрачавших двусторонние отношения (Пекин, по сути, признал присоединение княжества Сикким к Индии, состоявшееся в 1975 г.), а некоторые спорные темы (Тибет, неурегулированность границы) стороны решили не актуализировать.

Несмотря на несомненные успехи, достигнутые Индией за шестилетний период правления БДП, избиратели не оказали ей достаточной поддержки на выборах апреля-мая 2004 г. Неожиданную победу одержал Индийский национальный конгресс, который возглавляла вдова бывшего премьер-министра, итальянка по происхождению Соня Ганди. ИНК впервые выступал на выборах в коалиции с рядом других партий, возглавив Объединенный прогрессивный альянс (ОПА). Для образования правительства ОПА потребовалась поддержка коммунистических партий, чьи позиции традиционно сильны в крупных штатах востока и юга Индии (прежде всего в Западной Бенгалии и Керале). Возглавивший кабинет М. Сингх продолжил внешнюю политику своего предшественника, что свидетельствует о сложившемся в Индии общенациональном консенсусе по главным внешнеполитическим проблемам.

И то же время внутренняя политика нового правительства характеризуется более заметным популизмом, стремлением удовлетворить запросы и потребности не только среднего класса, но и более широких слоев в городе и деревне. Именно их недовольство привело к поражению правительства БДП, и кабинет ИНК стремится к проведению социально ориентированного курса внутри страны.

Несмотря на нищету низов, а также некоторые иные недостатки, встроенные в экономическую и социальную сферы, прогресс Индии представляет собой один из самых заметных феноменов международной жизни рубежа веков и тысячелетий. Стране удалось добиться

стабильного экономического роста на протяжении более 15 лет – в 1990-2003 гг. среднегодовой прирост составлял 5,8%, в 2000-2004 гг. – 6,2%, а в 2005 г. – 7,6%. Заметно изменился не только привычный замедленный темп роста экономики, но и ее характер. Если два первых цикла независимого развития прошли под знаком ориентации на потребности главным образом внутреннего рынка, то последний цикл отличается повернутостью вовне. Как следствие этого, доля Индии в мировой торговле, упавшая с 2,5% в конце 40-х годов XX в. до 0,5% к началу 90-х, выросла до 1% в середине 2000-х гг. Руководство страны ставит задачу довести в ближайшие годы удельный вес индийской внешней торговли до 2% общемировой.

Хотя Индия по-прежнему принадлежит к группе низкодоходных государств (менее 700 долл. на душу), размеры ее валового внутреннего продукта (ВВП) достигли в 2005 г. 720 млрд долл. При учете почти в 5 раз более высокой покупательной способности индийской валюты на внутреннем рынке, по сравнению со способностью доллара США на американском рынке, подушевой доход оценивается в 3,4 тыс. долл., а ВВП – в 3,7 трлн долл. По такой методике Индия выходит на 4-е место в мире по экономическим масштабам, хотя нельзя не отметить присущие таким подсчетам ограничения.

Особенно заметно он сказывается в сфере электронных технологий, прежде всего в разработке и применении компьютерных программ (software). Участие Индии в международном разделении труда в этой области проявилось в середине 90-х годов.

Опираясь на широкое применение труда индийских программистов, инженеров и менеджеров в США (в Силиконовой долине), Индии удалось создать свои аналоги высокотехнологического производства. Лидеры мирового бизнеса в этой отрасли, в первую очередь компания Б. Гейтса «Майкрософт», вложили немалые средства в поощрение индийского образования и подготовку квалифицированных кадров. С конца 90-х годов стоимость информационно-технологической продукции и связанных с ее эксплуатацией услуг возрастала

по экспоненте. В 2005 г. она достигла 36 млрд долл.; из этой суммы на экспорт пришлось почти 24 млрд. Вклад сектора электронной информации в ВВП Индии поднялся до 4,8%.

В целом Индия может сохранить высокие темпы продвижения вперед, опираясь на достаточно прочный и сбалансированный социально-экономический фундамент. Внутренние опасности для нее кроются в отставании с реформами, засильем бюрократии, усилением коррупции. Извне ей угрожает нестабильность по всему периметру ее границ – в Бангладеш, Непале, Шри-Ланке, наконец, в Пакистане. Эта «стена нестабильности» может серьезно осложнить прогресс Индии, усугубив внутривнутриполитические проблемы в пограничных, окраинных районах, таких как Кашмир, северо-восточные штаты и др.

Пакистан в 2007 г. отметил 60-летие. Он унаследовал от колониальных времен смешанную, авторитарно-демократическую форму правления, которая в различных вариациях сохранялась на протяжении всех этапов развития. На *первом* из них в ее рамках решалась проблема интеграции княжеств Белуджистана (обширной области на юго-западе современного Пакистана, который тогда был одной из двух его территориальных частей), разрабатывалась конституция, которую удалось принять только в 1956 г. В соответствии с ней страна стала называться Исламской Республикой и долгое время оставалась единственной в мире, где ислам занял положение государственной религии.

Страх перед Индией, стремление не утратить право на самостоятельное существование заставили Пакистан следовать в глобально-политических делах иной, чем Индия, дорогой. Сначала это был курс на культивирование отношений преимущественно с мусульманскими государствами Ближнего Востока, а с середины 50-х годов, под влиянием отказа Индии присоединиться к политике США по сколачиванию антикоммунистических блоков, ведущей составляющей внешней политики стало участие в них и наращивание военного потенциала.

В результате этих подвижек усилилась политическая роль армии, ее место в правящих кругах. Внутри страны нарастала волна протестов против «проимпериалистической» политики властей. Наряду с другими факторами это подорвало социальную стабильность, способствовало правительственной чехарде и перманентному политическому кризису. Осенью 1958 г. власть перешла в руки военных, которые объявили об отмене конституции и введении чрезвычайного положения. Президентом страны стал главнокомандующий армией генерал (с 1959 г. – фельдмаршал) М. Айюб Хан.

Второй этап, с 1958 по 1969 г., был в целом одним из наиболее благоприятных в экономическом развитии страны. Режим Айюб Хана провел назревшие аграрные реформы и, опираясь на поддержку западных государств, прежде всего США, и международных организаций, сумел начать успешную реализацию комплексной программы развития бассейна Инда путем сооружения ирригационных и гидроэнергетических объектов. Использование достижений агробиологической науки способствовало повышению урожайности зерновых и технических культур. Правящий режим в то же время предоставил значительную свободу действий предпринимателям и стимулировал вложения частного капитала в промышленность, главным образом текстильную.

Развитие экономики сопровождалось усилением социальной и региональной неравномерности, что послужило фоном для обострения политической борьбы. Авторитарный режим, возглавляемый военной бюрократией, использовал методы непрямой демократии для легитимации власти. Они состояли в избрании населением органов местного самоуправления, члены которых выбирали на альтернативной основе президента и парламент. Система, получившая название «основы демократии», вводилась второй конституцией 1962 г.

Война с Индией в августе-сентябре 1965 г. серьезно подорвала силы режима. В конце 1968 г. в стране начался политический кризис, который в марте следующего года привел к отставке Айюб Хана, де-

монтажу прежней системы управления и утверждению у власти генералитета во главе с А. М. Яхья Ханом. Новому режиму пришлось отказаться от методов непрямой демократии.

В конце 1970 г. в Пакистане прошли первые всеобщие выборы в национальный парламент. Они обнажили глубину противоречий между элитой и массовыми слоями западной и восточной части страны. В Восточном Пакистане победила партия «Авами лиг» (Народная лига), выступавшая за создание конфедерации либо реальное перераспределение властных полномочий в пользу представителей восточной провинции (бенгальцев). Консолидированное голосование за «Авами лиг» сделало ее по итогам выборов численно преобладающей силой в парламенте. Переговоры с военными и победившими в западной части политическими лидерами зашли в тупик и 26 марта 1971 г. в столице восточнопакистанской провинции Дакке было провозглашено создание *Бангладеш* (страны бенгальцев). За этим последовала расправа пакистанских военных над «изменниками», аресты и расправы. Продолжавшиеся несколько месяцев репрессии привели к бегству почти всей политической элиты в Индию. Туда же стали перемещаться через, по сути, неохраямую границу массы мирных жителей, прежде всего индусов, спасавшихся от погромов и расправ пакистанских военных и полицейских, а также отрядов из говорящих не на бенгали, а на урду мусульман-беженцев времен раздела Индии.

Внутриполитический кризис в Пакистане завершился в конце 1971 г. попыткой правящего военного режима решить проблему силовым путем. Война с Индией закончилась для него полным поражением. 16 декабря почти 100-тысячная пакистанская армия сдалась индийской, заодно с которой действовали восточнобенгальские «силы освобождения». Капитуляция означала раздел просуществовавшего почти 25 лет государства и образование на месте его восточного «крыла» Народной Республики Бангладеш.

Проиграв индийцам не только на восточном, но и на западном фронте (в частности, в Кашмире), пакистанская военная верхушка

предложила пост президента лидеру крупнейшей политической партии З. А. Бхутто. Ему удалось достаточно быстро улучшить морально-политический климат в стране и заключить мирное соглашение с Индией (в Симле в июле 1972 г.).

В 1973 г. парламент Пакистана одобрил третью, ныне действующую конституцию парламентского типа. Бхутто стал премьер-министром, но не смог долго удержаться у власти. Вторые парламентские выборы в марте 1977 г., как и первые, привели к политическому кризису. Патовой ситуацией воспользовались военные, вновь захватившие власть в начале июля. Бывший премьер был обвинен в организации политического убийства и казнен в апреле 1979 г. Возглавивший режим генерал М. Зия уль-Хак в течение двух с половиной лет играл в демократию, обещая провести новые выборы, но затем объявил о запрете политической деятельности и введении исламских форм и норм правления.

Таким образом, третий этап в развитии Пакистана, с 1969 по 1977 или 1979 гг., отмечен исключительным драматизмом борьбы за власть, расколом страны, частой сменой режимов власти при общей неудаче демократического эксперимента, замедленными темпами экономического и социального развития.

Следующий этап был прерван гибелью в авиакатастрофе Зия уль-Хака в августе 1988 г. Первые годы военного правления проходили под знаком кампании по исламизации всех сторон жизни – политической (создание вместо парламента совещательного органа – маджлис-ишура), экономической (введение исламских налогов – заката и ушра), юридической (расширенное применение норм шариата), образовательной (введение обязательных предметов по исламу в школах, колледжах и университетах) и бытовой (запрет танцев, занятий йогой, обязательное совершение намаза, молитвы во время работы государственными чиновниками и т.п.). Диктаторские установления достаточно сильно изменили строй жизни и мыслей значительных слоев населения, в первую очередь городского, до того испытывав-

шего воздействие демонстрационного эффекта западной культуры, а также сохранившего элементы синкретической, общеиндийской традиции.

Режим Зия уль-Хака в полной мере воспользовался выгодным геополитическим положением страны в связи с начавшейся в соседнем Афганистане междоусобной войной. Проходя под идеологическими лозунгами, она втянула в себя, с одной стороны, СССР, который поддержал силы, пришедшие там к власти в апреле 1978 г., а с другой – США, мусульманский мир (Саудовскую Аравию, Египет) и КНР. Преследуя свои цели, они объединились в борьбе против военного участия Москвы в афганских делах (с декабря 1979 г.). Пакистан превратился в «прифронтовое государство», предоставив право убежища беженцам из Афганистана (свыше 3 млн человек) и военно-политическим группировкам, объявившим «джихад» (священную войну) «коммунистам», правившим страной из Кабула. Пакистан в результате получил значительную военно-техническую помощь из США, финансовую поддержку Саудовской Аравии и оружие из Китая.

Благоприятная для Пакистана в период правления Зия уль-Хака внешняя обстановка позволила стране экономически развиваться довольно высокими темпами. Однако за фасадом успехов углублялись неблагоприятные социальные процессы – коррупция, криминализация бизнеса, разрастание не контролируемой государством теневой сферы производства товаров и услуг, в частности образовательных. Исламизация сверху привела к усугублению противоречий внутри мусульманского сообщества – между суннитами и шиитами, а внутри суннитов – между последователями различных идейных и правовых школ и направлений. Соседство с охваченным войной Афганистаном создало целый класс посредников, торговцев оружием и наркотиками, массовый слой коррумпированного чиновничества, в том числе в структуре военной бюрократии. Разложение общества, начавшееся при Зия уль-Хаке, сдерживалось условиями военного и чрезвычайно-

го положений. Эти условия несколько смягчились после декабря 1984 года, когда власть провозгласила генерала переизбранным на пятилетний президентский срок по итогам организованного ею референдума. В 1985 г. состоялись выборы в парламент на непартийной основе. У Пакистана появился демократический фасад, правительство, ответственное перед парламентом. Политическая жизнь оживилась после возвращения в страну из эмиграции весной 1986 г. до того преследуемой властями дочери З. А. Бхутто Беназир.

Гибель Зия уль-Хака застала военных врасплох. Они предпочли на этот раз передать власть в руки гражданской бюрократии, которая организовала четвертые всеобщие выборы уже на партийной основе. В конце 1988 г. по их итогам было сформировано правительство Б. Бхутто, ставшей первой женщиной-премьером в мусульманской стране. Однако измененная в годы военного режима конституция не позволила кабинету министров пользоваться полнотой власти. Наряду с ним ею обладала гражданская бюрократия, группирующаяся вокруг президента Г. Исхак Хана, и армия.

Противоречия внутри «треугольника» привели к смещению правительства, роспуску парламента и новым выборам. Военные активно вмешались в расстановку политических сил и способствовали победе на выборах в 1990 г. партии Пакистанская мусульманская лига, наследующей «линию Зии», хотя и не во всем. Премьер-министром стал выдвиженец погибшего диктатора Н. Шариф.

Весь *четвертый период* в истории Пакистана, с 1988 по 1999 г., отмечен борьбой корпоративных групп, военной, бюрократической и политической и, как следствие этого, – частой сменой кабинетов после внеочередных выборов. В 1993 г. к власти возвращается кабинет Б. Бхутто, а в 1997 г. – ее сменяет Н. Шариф. Роспуску парламента и внеочередным выборам всякий раз предшествовал трехмесячный период правления переходного кабинета, так что на посту временных премьер-министров побывало еще четыре человека.

Несмотря на демократические декорации, авторитарный характер власти сохранялся, однако она не смогла справиться с многочисленными внутренними проблемами. Десятилетие 90-х было временем низких темпов экономического роста, который происходил на фоне сохраняющегося высокого прироста населения и увеличения удельного веса его молодых, наименее устроенных в жизни и наиболее беспокойных людей. Среднегодовые темпы роста экономики снизились до 3,7, а доходов на душу населения – до менее 2%. Скопление людей в городах, в том числе «сельских», лишенных промышленности, вело к социальной апатии и консервации традиционных взглядов и настроений. На этом фоне наблюдался подъем религиозной пропаганды, увеличилась роль ислама в общественном сознании и государственной идеологии. Осенью 1998 г. Н. Шариф добился одобрения нижней палатой парламента законопроекта, провозглашавшего шариат высшим законом страны. Однако сенат (верхняя палата) не успел его одобрить.

С рубежа десятилетий, вследствие вывода советских войск из Афганистана, выгоды геополитического положения Пакистана уменьшаются. В Вашингтоне начинают уделять все больше внимания его амбициям в ядерной области. Начатая еще в 70-х годах программа создания ядерного оружия опиралась на незаконные технологические заимствования и помощь Китая. Стремясь предотвратить превращение Пакистана в ядерную державу, США в 1990 г. прекратили программу военно-экономического содействия. Это, однако, не остановило Исламабад, который сделал еще больший акцент на связях с ВПК Китая и Северной Кореи. В мае 1998 г., спустя две недели после индийских ядерных испытаний, Пакистан провел свои. Введенные США и Японией санкции больно ударили по экономике страны и способствовали усугублению ее тяжелого состояния.

В октябре 1999 г., понимая неминуемость столкновения с военными, разногласия с которыми выявились в ходе проигранной мини-войны в Кашмире, Н. Шариф попытался сместить главу военной

иерархии начальника штаба армии Первеза Мушаррафа с его поста. Однако премьер просчитался, был арестован, впоследствии осужден на пожизненное заключение, помилован и выслан из страны. Военные вновь стали управлять страной непосредственно и смогли за прошедшие семь лет существенно улучшить ситуацию. Идя по стопам таких своих предшественников, как М. Айюб Хан, П. Мушарраф провел ряд либеральных реформ, взялся за борьбу с коррупцией, сумел покончить с массовыми проявлениями анархии и беззакония.

Успеху способствовала и международная обстановка. Атака террористов на объекты в США 11 сентября 2001 г. и объявленная Вашингтоном война с укрывателем террористов режимом «Талибан» в Афганистане позволила Мушаррафу отказаться от поддержки Кабула. Более того, Пакистан оказал ценное содействие силам антиталибской коалиции. Сделав правильный выбор на западном для себя, афганском направлении, Пакистан попал в тяжелую ситуацию на восточном, индийском. Исламистские организации усилили террористическую активность в Кашмире, а также в других районах Индии, что подвигло ее на оказание серьезного давления на Пакистан. Противостояние двух ядерных держав в мае-июне 2002 г. привлекло всеобщее внимание, но не привело к конфликту. Вслед за наступившей разрядкой с весны 2003 г. начался процесс двусторонних переговоров, который к 2006 г. позволил существенно улучшить климат как пакистано-индийских взаимосвязей, так и многосторонних отношений в Южной Азии.

Генерал Мушарраф был избран президентом на референдуме в апреле 2002 г. В октябре того же года состоялись восьмые всеобщие выборы. С большим трудом пропрезидентской партии, той же Пакистанской мусульманской лиге, но носящей имя основателя государства М. А. Джинны, удалось сформировать правительство в центре. В двух западных провинциях (Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане) к власти единолично или в коалиции пришли умеренные исламисты. В твердой оппозиции правительству оказалась

партия Б. Бхутто и партия Н. Шарифа. Обе эти партии считались светскими, хотя в их идеологии есть явные исламские элементы. Исламисты играли роль балансира. Благодаря их поддержке в конце 2003 г. парламент утвердил результаты референдума об избрании Мушаррафа президентом на пятилетний срок (2002-2007).

После преодоления последствий тяжелой засухи в начале 2000-х годов экономическое положение Пакистана улучшилось, наблюдались стабильно высокие темпы роста (7-9% в год). В отличие от Индии, страна еще не нашла свою нишу в международном разделении труда, но она также уделяет внимание прогрессу в телекоммуникационном секторе, старается вкладывать деньги в образование. Порядок и стабильность привлекли внимание международных инвесторов, которые в 2005 г. вложили в пакистанскую экономику 3 млрд долл. Повышение цен на нефть, серьезно нарушающее баланс внешней торговли, в существенной мере компенсируется переводами инвалюты пакистанцами, работающими за рубежом, главным образом в арабских странах Залива (Саудовской Аравии, Омане, ОАЭ, Кувейте и др.).

Таким образом, Пакистан, как и Индия, добился в целом весьма заметных экономических и социальных достижений после обретения страной независимости. Однако бедность и нищета, безработица и неграмотность, отсутствие перспектив и социальная дискриминация различного рода по-прежнему характеризуют жизнь значительной части населения. Особую остроту этому придают роскошь и расточительство верхушки общества, главным образом, традиционной по происхождению и консервативной по убеждениям и взглядам на жизнь. Все это создает почву для общественно-политической нестабильности и вызывает нервную реакцию властей. Роль армии во властных структурах остается преобладающей, хотя это обстоятельство вызывает раздражение и критику со стороны других групп интересов.

Необходимо подчеркнуть, что, хотя комплексные причины вызвали раскол единой политической общности, какой являлась колониальная Индия, образование двух независимых государств (с последующим расколом одного из них) не перечеркнуло значения другого важнейшего обстоятельства – появления суверенных политических формирований в Азии, на плотно населенном юге континента. Стабильный и ускоряющийся прогресс Индии привел к формированию одной из крупнейших экономик мира, сбалансированной в общественно-политическом отношении державы, глобального лидера в ряде сфер материального и нематериального производства. Независимость благоприятно отразилась и на развитии Пакистана, когда-то более отсталой, периферийной части колониальной Индии. Он превратился в шестую по величине населения страну мира с гипертрофированным военно-промышленным комплексом и динамичной, «выплескивающейся» за его границы рабочей силой. Оба государства играют заметную и возрастающую роль в международных отношениях. Тому способствует не только обладание ими ракетно-ядерным оружием, но и важное геополитическое положение на стыке Ближнего и Среднего Востока, Центральной и Восточной Азии. Индия в начале XXI столетия стала ведущим самостоятельным игроком в мировой политике, великой державой, о статусе которой приходилось только мечтать ее основателям. Поддержание мира в регионе, а тем более урегулирование индийско-пакистанских отношений способствовало бы обретению Индией еще большего политического веса и авторитета в глобальных делах. А Пакистан мог бы укрепить свое положение одного из главных действующих лиц в мусульманском мире.

2. КИТАЙ В XX ВЕКЕ

Первая половина XX века в Китае – это период политического хаоса и «перманентной революции». Синьхайская революция, положившая конец правлению маньчжурской династии Цин и завершившая очередной династийный цикл в истории Китая, по сути, не сумела реализовать программу построения первого в Азии республиканского государства – Китайской Республики. Ее реальным результатом явилось лишь понижение уровня деспотии, когда после снятия общекитайского колпака централизованной империи на ее месте появилось несколько еще более деспотических пирамид власти. Ликвидация единого имперского «обруча» не привела, вопреки мечтам революционеров и реформаторов, к торжеству демократического парламентаризма и расцвету единого Китая, а имела следствием распад страны на так называемые «милитаристские вотчины», охватывающие как провинции собственно Китая, так и его национальные окраины. Военно-бюрократические режимы в духе лозунга «винтовка рождает власть» вели друг с другом непрерывные войны, вступали в коалиции с одними против других, в традициях «даннической системы» признавали власть более сильных и подчиняли себе более слабым, искали и находили покровительство иностранных держав, предоставляя их капиталу привилегии на подконтрольных территориях. Политическая неразбериха и милитаристские распри стали после неудачной попытки «монархической революции» Юань Шикая в Пекине основным фоном, а порой и главным содержанием политической борьбы республиканского Китая. Тем не менее, в условиях раскола политической элиты, в новой ситуации, лишенной прежнего единообразия и порядка, и перед угрозой полного национального унижения и развала Китая даже превратившиеся в объект манипулирования со стороны держав милитаристские режимы не могли не выдвигать лозунга военно-политического объединения страны, соперничая между собой также и за право монопольного обладания знаменем возрождения единой китайской государственности.

Первая мировая война, помимо усиления влияния в Китае Японии, которая, воспользовавшись занятостью западных держав в Европе, захватила германские владения в провинции Шаньдун и навязала в 1915 году пекинскому правительству так называемые «21 требование», фактически превращающее Китай в протекторат Токио, принесла Китаю еще и серьезные социально-экономические последствия. Временное ослабление политической и экономической экспансии западных держав в Китае создало благоприятные условия для стремительного развития национального китайского предпринимательства, получившего некую передышку от дискриминационной конкуренции со стороны иностранных товаров. Опирающиеся на силу штыка милитаристские режимы, как это ни парадоксально, создали благоприятную среду для национального и иностранного капитала, ибо, помимо открытых портов, концессий, сеттльментов, уже ставших «оазисами» для деятельности предпринимателей, иностранный бизнес получил возможность функционирования и во внутренних районах страны. Таким образом, как бы увеличивалась плоскость соприкосновения параллельно сосуществующих и взаимно подпитывающих друг друга традиционных и современных структур.

В условиях благоприятной конъюнктуры военных лет, в период между 1914 и 1920 гг., получивший название «золотой век» национальной буржуазии, ежегодный прирост промышленной продукции составлял, по оценкам, примерно 15%, а по некоторым отраслям, в первую очередь в хлопчатобумажной промышленности, доходил до 20%. При том, что процесс «осовременивания» «анклавного» капитала в Китае шел медленно, при активном участии капитала этнических китайцев – हुआяо росло число китайских банков, активно развивались акционерное предпринимательство, дофабричная промышленность и фабрично-заводское производство, а Китай включался со своим экспортом в мировой капиталистический рынок.

Медленнее трансформировалось традиционное «азиатское» землевладение и землепользование, но и китайская деревня, особенно в

пригородных и приморских районах, под воздействием торгово-ростовщического капитала все более переживала мучительный процесс товаризации, а следовательно, имущественного расслоения и выбрасывания люмпенов в ряды наемных рабочих, а чаще в милитаристические либо бандитские военные формирования. Тем не менее, сохраняющиеся неизменные традиционные формы землевладения и землепользования не демонстрировали симптомов аграрного кризиса и не мешали перенаселенной китайской деревне кормить и себя, и город, да еще финансировать многочисленные войны. Вместе с тем, к концу первого послесиньхайского периода не приходится говорить о складывании китайской буржуазии как самостоятельной политической силы, ибо, как и в традиционном Китае, предпринимательские слои были устранимы от политической жизни и ни одна из появившихся «партий» не стала выразителем интересов национальной буржуазии и политико-идеологическим оружием утверждения ее гегемонии. Глубинные же пласты китайского социума, не включенные в мировое капиталистически хозяйство даже на правах периферийно-зависимого элемента, продолжали как бы «вариться в собственном соку». Включение же новых, как нижних, так и верхних слоев общества в товарно-денежные отношения неизменно окрашивалось патриархальными конфуцианско-корпоративными тонами. Для Китая первой половины XX века, как в значительной мере и для сегодняшней КНР, характерны преобладание вертикальных связей, асинхронность развития различных секторов хозяйства, некая «двухколейность» и «дуальность», позволяющие стадияльно более высоким формам постоянно черпать ресурсы из более отсталых секторов.

В чем Китай действительно преуспел, так это в степени включенности «идейной» жизни страны в глобальные процессы идеологической борьбы, обогнавшей глубину интегрированности китайской экономики в мирохозяйственную жизнь, а зачастую опережающей и собственное «социальное время». Естественно, что из обрушившегося на Китай потока нового «мыслительного материала» Запада китай-

ские интеллектуалы, идя путем соотнесения-сравнения «своего» и «чужого», выбирали то, что перекликалось с их традиционными философско-этическими представлениями и могло способствовать скорейшему превращению Китая в сильное и процветающее государство. Таким образом, идеи и ценности, пришедшие из Европы, послужили не новым каркасом некоего идеологического синтеза, а в первую очередь лишь стимулом и дополнительной питательной почвой для переосмысления китайскими интеллектуалами собственного традиционного мыслительного материала. «Идеологическая весна», импульс которой дали массовое национально-патриотическое «Движение 4 мая», спровоцированное дискриминацией интересов Китая на конференции в Версале в 1919 году, а также просветительское «Движение за новую культуру» продемонстрировали необыкновенный плюрализм идей и мнений. В этом плане ужасы «войны в Европе» дали множество аргументов мыслящей части китайского социума как в пользу отказа от слепого копирования западной модели демократии и поиска альтернативной парадигмы развития, так и в призывах к возрождению традиционных конфуцианских форм социально-политической организации Китая. Тем не менее, даже самые радикальные идеологические концепции, от либерально-капиталистических до социалистических и анархистских, как показал развернувшийся в начале 20-х годов на страницах китайской печати «спор о социализме», типологически не могли выйти за рамки конфуцианской парадигмы. Свидетельством этого может служить учение Сунь Ятсена о «государственном социализме», призванном в силу особых морально-этических качеств китайцев обеспечить «скачок» Китая в его экономическом развитии, а также его концепция «политической опеки» над не готовым к демократии народом со стороны созданной им в 1912 году революционной Национальной партии Гоминьдан, которая, подобно «поводырю», поведет темные массы к светлому будущему «Великой гармонии» (Датун). Не случайно именно консервативно-конфуцианское прочтение суньятсенизма Дай

Цзитао было признано истинным после кончины Сунь Ятсена 12 марта 1925 года и в итоге стало идеологической доктриной гоминьдановского режима, вплоть до 1949 года подобную «опеку» осуществлявшего.

Китайская традиционная культура была недостаточно гибкой, слабо расчлененной, слишком высокомерной и этноцентричной для того, чтобы быстро воспринять и переварить обрушившийся на страну поток западных образцов, институтов и ценностей, придя, подобно Японии, к некоей модернизации на базе «синтеза» западных и восточных идей и институтов. Однако наступление японского капитала, сменившееся затем военной агрессией, неизменно сопровождавшейся пропагандой «идеи паназиатизма», получившей значительный резонанс и в китаецентристском сознании, окончательно скомпрометировали японский пример успешного включения традиционного общества в современную структуру политических и экономических отношений в пробуждающемся китайском массовом сознании, которое как бы «проскочило» этап положительного восприятия Японии, ставшей олицетворением милитаризма и экспансии.

Напротив, победа Октября была воспринята в Китае прежде всего как быстрый и радикальный путь избавления России от национального унижения, аналогичного китайскому, и побудила многих подхватить большевистские антикапиталистические, что в китайском представлении было аналогично антизападным, лозунги и последовать заразительному «примеру русских». Таким образом, не решив практически ни одной из насущных задач модернизации, Китай оказался втянутым в процесс биполярного раскола мира, а наиболее радикальные интеллектуалы типа Чэнь Дусю и Ли Дачжао уже перешли на марксистские позиции и уверовали, что «только социализм не как посткапиталистическое, а как альтернативное ему общество, спасет Китай». При активном содействии Москвы была создана в 1921 году Коммунистическая партия Китая (КПК) и реорганизован в 1923-1924 гг. Гоминьдан, также как партия не парламентского, а «больше-

вистского типа», на принципах пресловутого децентрализма и с претензией на политическую монополию. Обе партии, при всех концептуальных расхождениях, исходили из того, что отсталый докапиталистический характер страны является преимуществом Китая, который через тотальное регулирование всей жизни мощным государством («искусственный прогресс», по Сунь Ятсену) в кратчайшие сроки построит «справедливое» и «гармоничное» социалистическое общество. Поэтому они получили значительную финансово-военную помощь и политическую поддержку Коминтерна, рассматривавшего их после своего II Конгресса в качестве важного «восточного арьергарда» мировой антиимпериалистической революции. Создав революционную базу в провинции Гуандун и вынудив КПК, которая рассматривалась в Кремле не более как подразделение Дальневосточного бюро Коминтерна, вступить и Гомиьндан на правах индивидуального членства, московское партийно-государственное руководство приступило к реализации на базе вновь созданного единого фронта грандиозного плана «Северного похода» с целью объединения Китая.

В ходе «Северного похода» 1925-1927 гг. китайские коммунисты, численность которых за два года увеличилась в 25 раз, под влиянием директив Коминтерна и, пользуясь национальным подъемом в стране, пытаются стать в его авангарде, непосредственно приступив к реализации классовых лозунгов «аграрной революции» и «диктатуры пролетариата». Следствием этого является активизация правых антикоммунистических сил в Гомиьндане и усиление власти генерала Чан Кайши, возглавившего после смерти Сунь Ятсена Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Гомиьндана и Национально-революционную армию. Сформировав в апреле 1927 г. в Нанкине так называемое «Национальное правительство», Чан Кайши отказывается от политики сотрудничества с КПК и приступает к чистке Гомиьндана от коммунистов и к антикоммунистическим репрессиям, что было расценено КПК как «контрреволюционный переворот» и «раскол единого фронта». В этих условиях, вместо того чтобы из-

влечь уроки и реально оценить ситуацию, КПК избавляется от «соглашателей» и «правокапитулянтов» в лице генерального секретаря Чэнь Дусю, отказывается от тактики политического отступления и предпринимает отчаянную попытку контрнаступления на Гомиьндан. Выразилось это в ряде попыток вооруженных восстаний в городах, «восстаниях осеннего урожая» под лозунгами Советов и «ликвидации кулачества как класса» в деревнях, создании партизанских баз на стыках провинций, в результате чего военные формирования КПК приобрели все черты очередной профессиональной милитаристской армии. Именно на этой волне «арьергардных боев» к кормилу власти в КПК прорывается Мао Цзэдун с его стратегией «окружения города деревней», а в стране складываются два непримиримых идейно-политических течения – «националистическое» и «коммунистическое», персонифицированные соответственно Чан Кайши и Мао, смертельная схватка между которыми фактически отодвинула на второй план задачи национального освобождения и модернизации Китая.

Формально распространив свою власть почти на всю страну со столицей в Нанкине, чанкайшистская Китайская Республика, первыми которую признали США и еще долго не признавал Советский Союз, официально из-за конфликта на КВЖД разорвавший дипломатические отношения с Китаем с 1929 по 1932 г., практически не получила мирной передышки и была вынуждена жить в условиях постоянной чрезвычайщины. В ходе постоянных столкновений с милитаристскими режимами, вооруженными силами КПК, а с 18 сентября 1931 года еще и с войсками Японии, развернувшей против Китая прямую агрессию в Маньчжурии, в Гомиьндане, являющим собой конгломерат разнородных фракций и группировок, и в центральном государственном аппарате гипертрофированно увеличивается политическая роль армии, что отнюдь не свидетельствовало о ее боевой мощи. Слабостью режима было отсутствие мощных идеологических скреп, что в условиях эрозии суньятсеновских принципов Чан Кайши пытается компенсировать различного рода идеологическими кампа-

ниями, в частности, развернутым в феврале 1934 года «Движением за новую жизнь», ударной силой которого выступили полуфашистские формирования «синерубашечников», призванные заставить население соблюдать традиционные конфуцианские моральные ценности. Основные внешнеполитические усилия Национального правительства сводились к ликвидации системы «неравноправных» договоров и соглашений, незаслуженно ущемлявших суверенитет страны в пунктах, касающихся таможенной автономии, концессий и сеттлментов, консульской юрисдикции и экстерриториальности, которые Чан Кайши считал главной и почти единственной причиной отставания и слабости Китая. Ликвидация льготного режима для иностранного капитала, усиление административного регулирования рынка и финансов, а также расширение государственно-бюрократического предпринимательства имели своим следствием уменьшение привлекательности китайской экономики и отток иностранного капитала.

Для национального же предпринимательства нормой стала личная уния гоминьдановской верхушки и представителей крупношанхайского капитала, что вело к складыванию олигархии и монополизации важнейших отраслей экономики, а вместе с тем и к росту коррупции на всех уровнях государственного управления. До деревни же у гоминьдановского режима руки не доходили, и «осовременивания» ее ни по «прусскому», ни по «американскому» пути практически не происходило.

Перед лицом японской агрессии, которая фактически спасла коммунистическое движение в Китае от полного разгрома со стороны Нанкина и позволила остаткам войск КПК переправиться в ходе длительного «великого похода» в так называемый «особый район Китая» у границ СССР и МНР со столицей Яньани, в повестку дня встал вопрос о прекращении гражданской войны и создании «второго единого фронта» между Гоминьданом и Компартией. Наглые притязания японского империализма и нежелание западных держав перед лицом угрозы ликвидации гоминьдановской государственности поддержи-

вать правительство Чан Кайши заставляют его откликнуться на призывы Москвы и, в ответ на обещание поставок советской военной техники, кредитов и т.п., пойти на переговоры с КПК о реорганизации Советов в органы демократической власти, а Красной армии – в воинские соединения. Крупномасштабное японское вторжение, начавшееся 7 июля 1937 года, и результате которого были оккупированы все самые развитые прибрежные районы, помимо изоляции Китая с временной столицей в Чунцине, в буквальном смысле привело к «закрытию» страны и всплеску традиционных комплексов проблем во всех сферах экономической и социальной жизни.

В сфере идеологии чанкайшистское правительство, охладевшее к войне сопротивления после Перл-Харбора, поставило перед собой задачу покончить с идейным плюрализмом и унифицировать мировоззрение китайцев. В деревне периода антияпонской войны возродились институты «общественных работ», взимания поземельного налога в натуральной форме, «долгового рабства», широко насаждалась «кооперация» в специфических китайских формах, базирующихся на традиционной системе круговой поруки «баоцзя». Под полный государственный контроль была поставлена банковская система, отрасли тяжелой промышленности, внешняя и внутренняя торговля страны. Еще более масштабные процессы «огосударствления» происходили в районах, контролируемых КПК, руководство которой, не особенно стремясь сражаться с японцами, накапливало собственные силы, культивировало идеи «китаезированного марксизма» Мао Цзэдуна и казарменно-аскетического «духа Яньани», что проходило под знаком начатой в 1941 г. кампанией чисток и «упорядочения стиля» («чжэнфэн»). Таким образом, и Гоминьдан, и КПК укрепляли тылы, готовясь к решающей схватке за власть в Китае.

Наиболее существенным представляется то, что за восемь лет войны произошла небывалая централизация капитала и концентрация производства в руках японской государственно-монополистической олигархии на оккупированных территориях, особенно в «образцовой

промышленной колонии» Маньчжурии, и в руках «бюрократического капитала» на территориях, удерживаемых Гоминьданом. В известной мере это можно считать полной материальной подготовкой для перехода страны к «социализму», мыслимому Мао Цзэдуном, вслед за Сунь Ятсеном, как синоним полного «огосударствления». Носителю же этой государственности – гоминьдановскому режиму в послевоенный период были присущи все черты очередного «династийного кризиса»: быстрая эрозия административного аппарата, нарастающая коррупция, галопирующая инфляция. Примечательно, что власть Чан Кайши, достаточно зараженная ксенофобией и антиамериканизмом, была настолько дискредитирована, что администрация Г. Трумэна в США не оказала гоминьдановскому режиму достаточной помощи и даже не распространила на Китай «план Маршалла», ограничившись посредническими услугами американской дипломатии в переговорах между КПК и Гоминьданом в непродуктивной попытке предотвратить гражданскую войну и добиться объединения страны под руководством коалиционного правительства политическими средствами. Более решительную поддержку, как бы спохватившись, Вашингтон оказал чанкайшистскому режиму уже после эвакуации его на Тайвань, предоставив ему военно-политические гарантии и весьма важную передышку в условиях, когда армия США воевала под флагом ООН с «китайскими добровольцами» в Корее. С победоносным завершением гражданской войны и провозглашением 1 октября 1949 года образования КНР (фактически НОАК освободила весь континентальный Китай, о-в Хайнань, Чжоушаньский архипелаг и Тибет лишь к 1951 году) огромное гоминьдановское «наследство», доставшееся КПК, не нужно было даже национализировать, а достаточным оказалось оприходовать его почти одноактной «приемкой» правительственной собственности, в одночасье превратив ее в «социалистическую».

Придя к власти в результате «национальной революции», осуществленной в основном военными методами, и став правящей пар-

тией, КПК столкнулась с комплексом крупных социально-экономических и политических проблем, главными из которых были низкий уровень развития производительных сил, крайняя бедность большинства населения, поголовная неграмотность, весьма скудные экономические ресурсы, сильное влияние традиционной идеологии, патриархальных обычаев и этноцентристских предрассудков. Уже первые годы после эйфории от победы явственно показали степень экономической отсталости и зависимого положения Китая в системе мирового хозяйства и мировой политики, что вынудило коммунистическое руководство еще долго пытаться компенсировать несоответствие между политическими амбициями и реальной мощью преувеличенным морализированием и идеологизированием. В результате обострения холодной войны и особенно после военной авантюры в Корее, приведшей КНР к международной изоляции, КПК оказалась политически и экономически жестко привязанной к «советскому блоку» и военно-политической колеснице СССР, первому признавшему КНР и заключившему с ней 14 февраля 1950 года Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Наступила «советская эпоха» в эволюции китайской государственности, заставшая Китай в период, когда китайский социум с особой жадностью впитывал все, что приходило из практически «единственной заграницы» – СССР.

Легкость, с которой Пекин воспринимал советский опыт и «сталинскую модель» социально-экономического развития, объяснялась тем, что все атрибуты «реального социализма» удачно ложились на идеальные представления китайской традиции от конфуцианского этатизма до даосского эгалитаризма.

Этому благоприятствовала сама фаза «подъема» китайского социума, когда широкие слои китайского населения максимально чутко и жадно воспринимали санкционированные сверху импортные ценности «социалистического лагеря». Невероятно, но факт, что дело дошло до того, что в стране конфуцианской культуры, ключевым каноном которой выступает «сыновья почтительность» – «сяо», к пан-

теону «пионерских богов» был причислен даже... Павлик Морозов! Реализация «генеральной линии» партии, направленной на форсированную индустриализацию страны, социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и торговли, в условиях, когда не практика, а идеология диктовала политику, сопровождалась массовыми политико-идеологическими кампаниями и репрессиями по отношению к «классовым врагам и контрреволюционерам», выдержанными в духе зафиксированного в первой конституции КНР 1954 года и воспроизводимого во всех ее последующих редакциях положения о «демократической диктатуре народа». Подлинный же трагизм ситуации заключался в том, что практически все элементы неадекватно переведенной на китайский язык коммунистической утопии маоисты «творчески перерабатывали» и доводили до абсурда типа «большого скачка» с его «малой металлургией» и «народных коммун», в которых обобществлению подверглись домашняя птица, мебель, посуда и даже палочки для еды.

В целом, в отличие даже от других «стран народной демократии», политический строй КНР характеризовался особым переплетением функций партийной номенклатуры, государственных органов (премьером Госсовета долгие годы был Чжоу Эньлай, а Председателем КНР – Лю Шаоци), вооруженных сил и спецслужб (их курировал Кан Шэн), организационно подчиненных Центральному военному совету КНР и Центральной военной комиссии ЦК КПК, а также специфически китайской организации Единого фронта – Всекитайскому комитету Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК). Самоизоляция неотрадиционалистского режима партократии КПК, ставшей поистине «партией-властью» во главе с непогрешимым харизматическим лидером Мао Цзэдуном, культ личности которого непрерывно насаждался, оторванность в условиях «опоры на собственные силы» от мирового рынка товаров и услуг, капиталов и идей, преследование носителей умеренно-прагматических представлений неизбежно вели к возрождению самых архаичных спосо-

бов хозяйствования, к тотальному огосударствлению всего и вся в духе феномена «власти-собственности». Правда, благодаря колоссальному напряжению сил населения Китая, практически в рамках реализации лозунга Мао «много людей – хорошо!» удвоившегося за 50-60-е годы, а также при помощи СССР, оказавшего содействие в строительстве более 260 предприятий и заложившего основы целого ряда новых отраслей промышленности КНР, в стране создавались основы индустрии и даже в 1964 году было произведено испытание ядерного оружия. Между тем, достигнутые успехи тускнели на фоне развала сельского хозяйства, растущей неэффективности экономики, снижения среднедушевого потребления, по уровню которого КНР оказалась на одном из последних мест в мире, кризиса общества в целом. Идеологический раскол между КПСС и КПК, начало которому положила смерть Сталина в 1953 г., а также резкое ухудшение межгосударственных отношений после внезапного отзыва Н. Хрущевым всех советских специалистов из Китая в 1960 году привели КНР к полной автаркии, неизбежным следствием которой явился очередной гигантский всплеск массовой истерии, именуемой «великой пролетарской культурной революцией», отбросившей страну далеко назад к «восточному деспотизму». Внешнеполитическим фоном развернутой Мао Цзэдуном в 1966 г. «культурной революции» явились полемика с КПСС, холодная война и «горячая» война во Вьетнаме, а внутривнутриполитические ее составляющие заключались в стремлении Мао Цзэдуна окончательно покончить с проявлениями какой-либо «правой оппозиции» «лиц, стоящих у власти и идущих по капиталистическому пути». Инициаторы подобной «революции», ставшей пределом коммунистического маразма в его китайском варианте, выступали за возвращение к пуританским нравам и к «яньаньским» нормам казарменной организации китайского общества с всевластием «ревкомов», отказом от частной собственности и рыночного хозяйства. Наконец, как это было характерно в истории китайской империи для заключительных фаз каждого «династийного цикла», на пе-

редний план и в данном случае вновь выдвигаются «фавориты и евнухи» правителя, его жена (Цзян Цин), ее родственники и ставленники-временщики, сгруппировавшиеся в руководящую «Группу по делам культурной революции», а позднее составившие костяк так называемой «банды четырех».

Одним из результатов «десятилетия хаоса и разгула фашизма», как позднее расценили «культурную революцию» в партийных документах КПК стали погромы под лозунгом «Открыть огонь по штабам!» партийных и государственных органов и всей интеллигенции страны, усиление позиций в руководстве выдвигенцев «культурной революции», а также окончательное дистанцирование от СССР, отношения с которым были доведены до состояния вооруженного конфликта в районе острова Даманский и г. Жаланашколя в марте и августе 1969 года и который был назван в материалах IX съезда КПК (апрель 1969) «врагом № 1».

Схватка за власть началась сразу же после кончины 9 сентября 1976 года (год «черного дракона» по китайскому лунному календарю) Мао Цзэдуна, вершившего судьбами почти миллиардного населения КНР, державшего страну в состоянии крайнего перенапряжения методами гипертрофированной индоктринации маоизма, а также репрессивных компаний. Хуа Гофэн, ставший официальным «преемником» Мао Цзэдуна на основании «завещания» «великого кормчего», гласившего: «Когда дело в твоих руках – я спокоен», – хотя и узурпировал ключевые посты в партии и государстве, был явным временщиком, носившим на себе печать компромисса между различными кланами политической элиты КНР.

Знаменательной вехой в политической жизни КНР, вытеснившей из сознания современных китайцев даже «Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года» и «освобождение 1949 года», стал судьбоносный III пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 года), результатом которого явилась окончательная победа «линии Дэн Сяопина», исходящей из того, что «практика – един-

ственный критерий истины», перенесение центра тяжести работы КПК с «классовой борьбы» на «экономическую реформу и политику открытости», а также концентрация усилий на модернизации и экономическом строительстве. Сохраняя словесную и ритуальную верность «идеям социализма», новое руководство, по сути дела, пошло по пути все большей деидеологизации своей политики, обеспечивая себе свободу рук и выдвигая на первый план лишь патриотические идеи строительства богатого и могучего Китая. Установление китайско-американских дипломатических отношений с января 1979 года и последовавший за этим триумфальный визит Дэн Сяопина в США еще более усилили позиции «прагматиков» в Пекине, породив надежды на скорое решение «проблемы Тайваня» и обеспечив китайской дипломатии положение «равноудаленное» от всех «полюсов» мира и выгодный статус некоей «блестящей изоляции» в рамках курса на «независимую и самостоятельную» внешнюю политику. Наконец, стремительные успехи китайской реформы, позволившие добиться удвоения ВВП КНР каждые 7 лет, выглядели особенно рельефно на фоне торможения, стагнации, а в итоге краха СССР, что давало китайскому руководству весьма убедительную аргументацию в пользу правильности избранного курса на постепенность («переходить реку, нащупывая камни») и социальную направленность рыночных преобразований.

Собственно, экономическая реформа началась в КНР «сверху» по инициативе КПК по классической для тоталитарных режимов схеме как некая вдохновляющая и мобилизующая установка. Схематично это можно представить в виде некоей «клетки с птицей», где «птица» – экономика, «клетка» – централизованное планирование и регулирование, а «воздух», продувающий клетку, – конкуренция и рыночная стихия. Спецификой китайской реформы, по сравнению, например, с «перестройкой» в СССР, является то, что она началась не с города, а с деревни, где переход на традиционный (без изменения казенной формы земельной собственности, этой основы деспоти-

ческой власти, при которой крестьяне получили землю лишь в пользование) подворный подряд позволил практически без дополнительных капиталовложений решить продовольственную проблему и дать импульс реформированию руководством КНР всех отраслей народного хозяйства. Контрактный подряд, получивший название «системы единичной производственной ответственности», очень быстро стал основной формой организации производства и сферы услуг в государственном, коллективном и индивидуальном секторах экономики, при этом командные высоты оставались в руках партократии. Живучесть командно-административного стиля регулирования всех сфер экономики в его китайском варианте объясняется фундаментальными социокультурными и психологическими факторами. Дело в том, что реформы в КНР, какими бы радикальными они ни казались, в целом, по крайней мере, на сегодняшний день, типологически не выходят за рамки классической конфуцианской традиции «роста без развития» и причудливым образом на нее накладываются, что наглядно проявилось в тяготении реформаторов к постепенно-поступательным темпам внедрения рыночных принципов, не создающих угроз социально-политической стабильности, в стремлении сохранять жесткий контроль на макроуровне и не допустить разгула частной инициативы, предприимчивости и энергии индивида.

Как это уже неоднократно было в истории КПК, обострение внутрипартийной напряженности привело к принципиальным изменениям в верхних эшелонах власти: при непосредственном участии «верховного старейшины» («лаобань») Дэн Сяопина произошла смена «второго поколения» партийных руководителей на «третье», «ядро» которого олицетворял партийный лидер из Шанхая Цзян Цзэминь, занявший посты Генсека ЦК КПК, председателя Военной комиссии ЦК КПК, а позже, в 1993 г., председателя КНР и, наконец, после ухода на заслуженный отдых в 1994 г. Дэн Сяопина, ключевой пост председателя Центрального военного совета КНР.

Главными задачами, стоящими перед новым руководством, были сформулированные пленумами ЦК КПК линия на укрепление политической стабильности в стране и развертывание идейно-воспитательной компании по пропаганде социалистического характера экономической реформы, а также укрепление ослабленной в первое десятилетие реформ партийной и правительственной вертикали управления страной. Именно «третьему поколению» руководства КПК предстояло решить сложнейшую задачу обеспечения «мягкого» перехода китайского социума от «тоталитаризма» к «авторитаризму», от «революционности» к «модернизации» в КНР. Но, еще не успев оправиться от международной изоляции и давления Запада, Пекину пришлось пережить очередной «шок» от «цепной реакции» либо «бархатного», либо «драматического» свержения коммунистических режимов в странах Восточной Европы, с которыми КПК начала было налаживать довольно тесные отношения, а в довершение ко всему, провал коммунистического реванша в рамках «ГКЧП» в Москве и распад СССР. В китайской историографии период 1990-1992 гг. не случайно получил оценку «застойного времени», в течение которого «царила стабильность», но не наблюдалось решительных действий в области экономической и политической реформы.

Существенное содействие в аргументации правильности избранного курса на приоритет «стабильности» над «демократическими свободами» оказал «демонстрационный эффект» краха бывшего СССР и экономический хаос и политические потрясения в России 90-х годов. Однако лишь после кончины в феврале 1997 года неформального лидера страны Дэн Сяопина Цзян обрел возможность окончательно выйти из тени «архитектора китайских реформ» и полноправно претендовать на роль ведущего идеолога и теоретика партии с его акцентом на строительство «правового социалистического государства» и «социалистической духовной цивилизации», курсом на реструктуризацию убыточного госсектора, лишением Народно-освободительной армии Китая (НОАК) права вести самостоятельную

хозяйственную деятельность, форсированием вступления КНР во Всемирную торговую организацию. Стремлению Цзяна стать влиятельной мировой фигурой способствовало усиление ориентации на проведение независимой, самостоятельной внешней политики, активное продвижение идеи многополярного мира, более справедливого и рационального мирового порядка, а также реализация таких разрекламированных проектов, как возвращение под суверенитет КНР Сянгана (Гонконга) в 1997 году и Аомэня (Макао) в 1999 году, создание «Шанхайской пятерки» (1996), а затем Шанхайской организации сотрудничества (2001), завоевание Пекином права на проведение летней Олимпиады 2008 г., урегулирование пограничных проблем с рядом соседних государств (с Российской Федерацией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, сухопутной границы с Вьетнамом), участие в деятельности ООН, к работе таких международных форумов, как АСЕМ (Азия – Европа) и «АСЕАН плюс три» (Китай, Япония, Республика Корея). 90-е годы ознаменовались продолжающимся бурным ростом экономики страны (темпами, по официальным китайским данным, 9,4% в год), что позволило стране к 2001 году преодолеть такие важные рубежи, как 1 трлн долл. годового ВВП, 500 млрд долл. годового внешнеторгового товарооборота, 400 млрд долл. совокупного объема фактически использованных прямых иностранных инвестиций (из которых более 80% приходятся на хуацяо). Особо следует выделить успехи Китая в развитии физически реальной экономики, прежде всего в строительстве объектов инфраструктуры и формировании современной системы телекоммуникаций (по количеству и стационарных, и мобильных телефонов КНР к середине 2002 г. вышла на первое место в мире). Представляется, что именно ставка на развитие физической экономики наряду с возможностями Пекина регулировать экономику административно-мобилизационными методами в значительной мере позволяет Китаю компенсировать слабость кредитно-денежной системы страны и повышать устойчивость своей экономики перед лицом потрясений в мировом хозяйстве. Вместе с

тем высокие темпы роста в экономике отнюдь не устраняли всех имеющихся здесь проблем, таких как коррупция, уголовная преступность, наркомания, высокий уровень аварийности на производстве и транспорте (ежегодно в КНР по этой причине гибнет свыше 100 тыс. человек), углубляющийся идейный вакуум, проявлением чего явилась деятельность запрещенной в 1999 году многомиллионной секты «Фалуньгун», рост массовых протестов рабочих, особенно в депрессивных городах Северо-Востока, обострение социальной ситуации в деревне и т.д.

Вместе с тем можно констатировать, что годы на рубеже веков, связанные с правлением Цзян Цзэминя, явились для КНР своеобразным переходным, политически крайне насыщенным периодом, на протяжении которого шел процесс подготовки и осуществления передачи власти от одной группы лидеров КНР к другой. Желание Цзяна с его теоретическими новациями в области партийного строительства побыстрее оставить след в истории подогревалось самой по себе ограниченностью отпущенного ему срока лидерства, ибо и в стране, и в мире утвердилось общее мнение, что в недалеком будущем на смену «третьему поколению» руководителей КНР должно прийти «четвертое» во главе с Ху Цзиньтао, который будучи еще секретарем КПК в Тибетском автономном районе будто бы был рекомендован на выполнение данной миссии еще Дэн Сяопином и его соратниками. Кульминацией переходного периода явился XVI съезд КПК (специально «сдвинутый» на ноябрь 2002 г., дабы Цзян Цзэминь смог совершить запланированный на конец октября визит в США в качестве полномочного главы партии, государства и армии), который избрал Ху Цзиньтао Генеральным секретарем ЦК КПК, создав первый в истории КНР прецедент мирной передачи власти от одного поколения руководителей страны другому. При всей архаичности подобного «престолонаследия на два поколения вперед», освященного авторитетом «полубога» Дэн Сяопина, замена 76-летнего Цзян Цзэминя более молодым Ху Цзиньтао (свое 60-летие он отметил в де-

кабре 2002 г.) показала способность компартии Китая извлечь уроки как из негативного опыта КПК, так и краха КПСС, «политическую культуру» которых характеризовали «культ личности» и «система пожизненного занятия руководящих должностей». В контексте китайских реалий данный прецедент «ротации и омоложения» заслуживает весьма высокой оценки, ибо переход власти и от первого поколения руководителей ко второму (вспомним гибель Линь Бяо 13 сентября 1971 г. и арест «банды четырех» 6 октября 1976 г.), и от второго – к третьему (где памятно смещение двух генсеков, выдвинутых самим Дэном: в начале 1987 г. – Ху Яобана и в июне 1989 г. – Чжао Цзяна) дался стране очень непросто. В современной КНР, особенно после того как Цзян оставил последний высший пост председателя ЦВС в 2004 г. (здесь он также хотел походить на Дэна в роли неформального лидера), почти в открытую заговорили о лихоимстве и произволе «шанхайской мафии», возлагая на нее вину за многие проблемы, от коррупции до «птичьего гриппа».

В настоящее время известный как человек, обычно придерживающийся средней линии и избегающий крайностей, Ху Цзиньтао, заняв ключевые посты в китайской иерархии, окончательно вышел из «тени» Цзяна и начал позиционировать себя как носителя собственного самобытного политического стиля и методов решения тех или иных проблем. Что же касается проблем, то их накопилось у Китая более чем достаточно: это и диспропорции между накоплением и потреблением (доля накопления ВВП достигла аномалии – свыше 40%), разрыв в уровнях дохода населения, в уровнях развития города и деревни, прибрежных и внутренних районов, критическая зависимость экономического развития и «мирного подъема» от внешних источников сырья и рынков сбыта, от инвестиционной накачки народного хозяйства. Ждет внятного ответа и вопрос о путях более эффективного и динамичного совершенствования политической системы, неясной, а после принятия в 2005 году пугающего закона «О недопущении отделения Тайваня» еще более кризисогенной остается перспек-

тива мирного решения тайваньской проблемы. На все это накладываются трудноразрешимые и весьма масштабные энергетические и экологические проблемы, усугубляемые тем, что, несмотря на настоящий скачок в объеме внешней торговли и ВВП, КНР все еще остается бедной страной.

В роли анестезирующего средства, повышающего устойчивость китайского образа жизни и способность решать свои проблемы без перенесения их на плечи мирового сообщества, выступают опять-таки факторы культурного наследия, такие как дисциплинированность и организованность китайцев, высоко ценящих моральные заповеди конфуцианства, чувство долга, умение неустанно трудиться и сохранять тысячелетнюю культуру труда и традиционные формы досуга, почтение к традициям и к старшим, умение довольствоваться малым, а с другой стороны – постоянное стремление к повышению своего социального статуса и состоятельности. Именно традиционные морально-этические ценности, императивом которых является стремление к гармонии и бесконфликтности и которые по некоторым своим креативным и инновационным параметрам превосходят воспетые Максом Вебером «ценности протестантизма», помогают китайцам смягчить действие слепых сил рынка и снизить социальные издержки реформы. Впечатляющие темпы роста китайской экономики, расширение рыночного регулирования хозяйственной жизни, развитие механизма конкуренции, создание сверхльготного режима, особенно в «специальных экономических зонах», для иностранных инвестиций, формирование новых финансово-экономических структур и развитие индивидуального и частного предпринимательства – все это в условиях современного Китая достаточно гармонично сосуществует с такими традиционными институтами, как преобладание ограниченных, неполноценных форм собственности; цеховая организация ремесленничества и мелкой розничной торговли по всей стране; «финансовый подряд» на уровне провинций; «пирамида» полумафиозных кланово-земляческих отношений, играющих важнейшую роль в тру-

доустройстве и предпринимательской деятельности; появление таких странных учреждений, как «политические» банки, где директор зачастую является «по совместительству» секретарем «большого парткома»; реанимированный институт «долгового рабства» в деревне и городе; периодически вводимое замораживание цен, операций с недвижимостью и постоянное внеэкономическое вмешательство государства в функционирование рынка. Добавим к этому приниженное положение отдельной личности и общественных институтов перед государством. Преобладание во всех сферах системы «неформальных» личных связей («гуаньси»), что ведет к «телефонному праву», кредитным преференциям, налоговым льготам, отбиранию за бесценок земли в деревне и жилищ в городах в целях реконструкции, экспортно-импортному протекционизму и спонтанному росту коррупции и nepотизма на всех уровнях общественной пирамиды.

Тем самым как бы завершается очередной «цикл» эволюции китайского социума, и мы являемся свидетелями некоего «возвращения блудного сына» после «беспорядочного и аномального» развития на твердую и веками проверенную почву китайской традиции, неизбежным стержнем которой выступает «партия-государство» как олицетворение единства власти и собственности, политики и экономики, базиса и надстройки. Конфуцианская традиция, обогащенная современными достижениями производства и культуры, оказалась на поверку более емкой и жизнеспособной, чем все известные европейские образцы, ассоциируемые как со стремительным капиталистическим развитием, так и с попытками реализации марксистской утопии. Экономические успехи породили настоящий «бум» культурологических публикаций в Китае, в которых совершенно некритически «поднимаются на щит» абсолютно все элементы традиционного конфуцианского наследия, призванного поднять КНР до небывалых высот «социалистической духовной цивилизации» и обеспечить «Большому Китаю», единственным потенциальным конкурентом которого представляется уже не США, а Япония, лидирующее положение в мире.

Однако мы далеки от идеализации китайской реформы в ее нынешнем мобилизационно-трудозатратном варианте, ибо подобный «рост без развития» создает ситуацию некоего «мыльного пузыря» и ставит китайский социум на грань перманентной угрозы финансового кризиса и политического катаклизма. Анализ процесса стремительной трансформации Китая в XX веке, вобравший в себя элементы сразу нескольких социальных эпох и цивилизаций, убеждает в том, что предпосылками последовательной и необратимой модернизации в условиях сегодняшнего быстро меняющегося мира, не и пример «модификации» по-китайски, стремящейся побороть пороки системы, не выходя за ее рамки, являются подлинная открытость, мобильность и диверсифицированность общества, его способность немедленно реагировать на происходящее и делать моментальный и правильный выбор из множества альтернативных вариантов. Пекину следует отказаться от жесткой антитезы «либо социализм – либо хаос», продемонстрировать политическую волю к радикальным реформам всех сфер жизни и сознательно приложить усилия для формирования гражданского общества, наиболее чуткого ко всем «вызовам» и «угрозам». Залогом успеха на пути преодоления несовместимости китайской традиционной культуры и «англосаксонской модели» модернизации явится следование сформулированному Ху Ши еще в начале прошлого века принципу: «Меньше говорить об «измах» – больше заниматься решением конкретных проблем».

3. ЯПОНИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

3.1. Япония между двумя мировыми войнами: на путях милитаризации

Путь выхода на мировую арену. Экономический и технологический рывок, совершенный Японией за последние тридцать лет XIX века, доказывал успех выбранной модели модернизации, но еще не позволял претендовать на статус мировой державы. В финансовом отношении страна оставалась должником, тяжелая промышленность была слаборазвитой, внешняя торговля имела пассивный баланс вплоть до начала Первой мировой войны. Низкий уровень жизни значительного большинства населения также не способствовал международному престижу. Поэтому попытаться встать рядом с Великобританией, Францией или Германией, служившими образцами для Японии, можно было только за счет проведения экспансионистской внешней и колониальной политики, какую к тому времени активно вели все эти страны и пытались вести менее значительные.

Русско-японская война 1904-1905 гг. и последовавшее после ее окончания подписание целого ряда договоров и соглашений изменило баланс сил на Дальнем Востоке. В 1907 г. были подписаны рыболовная конвенция, новый торговый договор и общеполитическая конвенция Мотоно – Извольского (министры иностранных дел в то время). В конвенции провозглашалось уважение территориальной целостности обеих стран и всех прав, вытекающих из существующих между ними договоров, а также признавалась независимость и территориальная целостность Китая, принцип «равных возможностей» по отношению к нему. Секретное соглашение, опубликованное только после Октябрьской революции, фиксировало раздел сфер влияния в Маньчжурии по реке Сунгари, японский контроль над Кореей и «специальные интересы» России во Внешней Монголии. В сочетании с заключенными в том же году франко-японским и англо-русским соглашениями, добавившимися к прежним англояпонским и франко-

русским, общеполитическая конвенция Мотоно – Извольского завершила создание антигерманской Антанты в Европе и Азии.

Психологический эффект, произведенный военными успехами Японии на страны Азии, был огромен. По словам поэта В. Я. Брюсова, гул японских побед пронесся далеко по Азии, всколыхнул не только Китай, но даже, казалось бы, чуждую Индию, нашел свой отголосок и в странах ислама, почувствовавших, что борьба идет с общим врагом. Это была первая в новое время открытая победа неевропейцев над европейцами.

Рассматривая положение, сложившееся после Портсмутского мира, геополитик К. Хаусхофер писал: «Если в 1895 г. японско-китайская война принесла Японии статус великой державы в регионе, если участие в 1900 г. в боксерской экспедиции принесло ей возможность заключать союзы за пределами Азии, то победа над Россией в 1905 г. принесла ей статус мировой державы». Британский историк И. Ниш уточняет эту оценку, считая, что в результате побед над Китаем и Россией Япония стала «континентальной» державой, в результате Первой мировой войны – «тихоокеанской», в результате участия в Парижской мирной конференции и в создании Лиги Наций – мировой.

Русско-японская война тяжелым бременем легла на экономику Японии, которая к тому же не сумела получить контрибуцию, с помощью которой рассчитывала оживить ее, от России. Средством выхода из тяжелого финансового положения военные круги и министерство путей сообщения видело национализацию железных дорог. Главным противником выступало министерство финансов, считавшее, что национализация окончательно подорвет финансы страны. Тем не менее, после долгих прений в парламенте в марте 1906 г. был одобрен представленный правительством законопроект. Несмотря на все затраты, национализация, по мнению большинства руководителей страны, оправдала себя как экономически, так и с точки зрения национальной безопасности. Высвободившийся же частный капитал с

успехом инвестировался в другие отрасли, в том числе в развитие колоний.

В области внутренней политики правительство взяло курс на снижение расходных статей бюджета и сокращение его дефицита, для чего был увеличен срок реализации очередной военной программы и начата реформа налогообложения. Правительство действовало в тесном контакте с представителями финансовых и промышленных кругов. Постепенно начала давать первые результаты национализация железных дорог, завершенная в 1907 г. Их рационализация и модернизация обошлись казне почти в такую же сумму, что и их выкуп, но высвободившийся капитал стал активно инвестироваться в промышленность метрополии и колоний.

В ноябре 1908 г. было подписано соглашение Рут – Такахира, по которому США и Япония обязывались сохранять статус-кво на Тихом океане и «равные возможности» для торговли и промышленности в Китае. По конфиденциальному «джентльменскому соглашению» Токио брался ограничить иммиграцию в США, ставшую источником антияпонских настроений и выступлений, особенно в Калифорнии. В связи с истечением в 1910 г. ранее действовавших торговых договоров японское правительство предложило заключить новые, но под давлением промышленников и с учетом пассива торгового баланса решило повысить ввозные пошлины. Новый тариф был утвержден парламентом и вступил в силу в июле 1911 г. Первыми новый торговый договор с Японией подписали Соединенные Штаты, затем Великобритания. Заключенное в 1910 г. русско-японское соглашение содержало обязательства взаимно поддерживать и уважать статус-кво в Маньчжурии. В секретной части документа подтверждалось разграничение сфер влияния, обязательство не нарушать специальные интересы каждой из сторон, воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны в Маньчжурии. Формально новое соглашение говорило только о Маньчжурии, но подтверждало прежнее, где речь шла также о Китае,

Монголии и Корею. В 1910 г. была завершена аннексия Кореи, чему правящая элита придавала огромное значение.

В ночь с 29 на 30 июля 1912 г. в возрасте 60 лет скончался император Мэйдзи, находившийся на престоле сорок пять лет. Слова «эпоха Мэйдзи» означали не только период царствования конкретного монарха в официальной историографии, но Эпоху с большой буквы – эпоху перемен, раз и навсегда изменивших течение японской истории. К моменту смерти отца будущему императору Тайсё исполнилось 33 года, но хрупкое здоровье и проявившаяся уже через несколько лет неизлечимая болезнь (последствия перенесенного менингита) практически исключали реальное участие монарха в управлении страной.

Как известно, последняя четверть XIX в. стала эпохой окончательного оформления великих колониальных империй – «раздела мира и начала борьбы за его передел». Поэтому расширение внешней экономической экспансии и создание колониальной империи стали в начале XX в. обязательным «патентом на благородство» для любого государства, претендовавшего на самостоятельную роль в мировой политике, то есть на статус «великой державы». Возможности японской экспансии были ограничены географическими и экономическими факторами. Однако территориальная близость к материка ставила Японию в более выгодное положение по сравнению с европейскими державами и США, которые также вели экономическую, торговую и военную экспансию в регионе. Нуждалась в улучшении и финансово-кредитная репутация страны, которой иностранные банкиры или давали займы под большие проценты, чем другим странам, или уклонялись от этого, несмотря на прояпонскую позицию их правительств, как это было в Великобритании и США.

Оставляла желать лучшего и тяжелая промышленность, развитие которой во многом определяло мощь государства: она давала в десятки раз меньше продукции, чем в Англии или США. Поэтому в 1905-1912 гг. на строительство новых предприятий и модернизацию

старых было затрачено 3,8 млрд иен; капиталовложения в промышленности увеличились на 100%. Япония стремилась преодолеть технологическое отставание от США и европейских стран. В 1913 г. внешнеторговый оборот Японии составлял 1361 млн иен (1 доллар США был примерно равен 2 иенам): экспорт – 632 млн иен, импорт – 749 млн иен. Бедность сырьевыми ресурсами и относительно слабое развитие тяжелой и обрабатывающей промышленности приводили к тому, что баланс внешней торговли был, как правило, пассивным. Выручали демпинговые цены, обеспеченные высокой производительностью, неплохим качеством и низкой стоимостью труда, и обширный азиатский рынок, за который Япония отчаянно боролась с другими державами. Японский экспорт в Восточную Азию расширялся за счет роста доли колоний, ставших не только источником сырья или продовольствия для метрополии, но и растущим рынком сбыта. Основным направлением экономической экспансии стал Китай, куда к 1915 г. было вложено 385 млн иен.

Становление империи. Мощнейший импульс внешней торговле и экономической экспансии Японии придала Первая мировая война, полностью вытеснившая Германию с рынков Китая, Индии, Африки и ослабившая позиции других участников конфликта. За 1913-1918 гг. японский экспорт вырос в 3,1 раза (1962 млн иен), а импорт – в 2,3 раза (1668 млн иен). В Европу вывозились преимущественно вооружение и военные материалы (много потребляла Россия), в другие регионы – промышленные товары, заменившие недостающие европейские. Внешнеторговый баланс, наконец, стал активным: за годы войны экспорт превысил импорт в общей сложности на 1,4 млрд иен. Золотые запасы страны увеличились с 350 млн иен в 1914 г. до более 2 млрд иен в конце 1919 г. Выгодная конъюнктура стимулировала промышленное развитие Японии: общая продукция ее промышленности за годы войны как минимум удвоилась.

За первые два десятилетия XX в. Япония приобрела статус полноправной колониальной державы. В колониях после подавления со-

противления местного населения стала проводиться «инвентаризация» полученных территорий – проведение переписи населения и земельного кадастра, в ходе которого все выявленные «бесхозные» земли, включая неосвоенные, были объявлены собственностью государства, а затем по большей части проданы японским компаниям. Земли и собственность активных противников новой власти подлежали конфискации. Для эффективного управления колониями их было необходимо заселить японцами. В начале 1920-х годов на Тайване проживало 178 тыс. японцев (5% от общей численности населения), в Корее – 346 тыс. (2%), на мандатных островах – 3,7 тыс. (7%). Только Южный Сахалин, откуда эвакуировалось русское население, был компактно заселен японцами: более 200 тыс. человек (98%). Для сравнения: в метрополии проживало: 43 847 тыс. (1900 г.), 49 184 тыс. (1910 г.), 55 473 тыс. (1920 г.) человек. Роль колоний в экономике Японии, прежде всего, состояла в том, чтобы дополнять промышленность и сельское хозяйство метрополии. Тайвань стал источником получения риса, сахара, чая, камфорного масла, Корея – риса, табака, шелка и полезных ископаемых (каменный уголь, железная и медная руда, золото, серебро, свинец), вывоз которых особенно возрос в годы Первой мировой войны. На Южном Сахалине расположились целлюлозно-бумажные и лесопильные предприятия, добывались уголь и нефть, а в окрестных водах велся интенсивный лов промысловых рыб. Арендованная территория Квантун, по которой проходила Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД), имела не только огромное транспортное значение, но стала важным источником угля (Фушуньские копи). На мандатных островах в Тихом океане выращивались сахарный тростник и коксовые орехи, добывались фосфориты.

Участие Японии в Первой мировой войне было двояким: собственно военным и политическим. Япония вступила в войну на стороне Антанты, мотивируя это верностью англо-японскому союзу. Однако часть военной и политической элиты, имевшая прогерманские симпатии, была против. 15 августа 1914 г. правительство предъ-

явило Германии ультимативное требование вывести в течение месяца все свои вооруженные суда из территориальных вод Японии и Китая и немедленно разоружить те, которые невозможно будет вывести. За ним последовало требование немедленно эвакуировать и безвозмездно передать Японии, для последующей передачи Китаю, арендованную территорию Циндао. Для ответа был установлен недельный срок. Союзное британское правительство было оповещено об ультиматуме только после его предъявления.

Совершенно очевидным было стремление Японии захватить германские владения в Азии и на Тихом океане. Не получив ответа на ультиматум от Берлина, Япония объявила войну Германии и бомбардировала крепость Циндао. Операции японской армии по осаде Циндао велись на территории Китая, несмотря на провозглашенный им нейтралитет. Токио игнорировал протесты Пекина, и китайское правительство определило так называемую военную зону, за пределы которой боевые действия не должны были распространяться. Однако Япония фактически взяла под контроль провинцию Шаньдун, захватив всю находившуюся в ней германскую и даже смешанную германско-китайскую собственность. До конца года ею были оккупированы германские владения на Тихом океане – Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. На этом военные действия с участием Японии были закончены. Она достигла своих ближайших целей и не желала более активного участия в войне.

Сделав выбор в пользу Антанты, правящие круги Японии поначалу старались не проявлять особой враждебности к Германии. В течение первого года войны германские коммерсанты и другие частные лица оставались в Японии под охраной закона и продолжали свою деятельность, лишь формально переписав собственность на японских служащих или партнеров. После долгих колебаний японское правительство в октябре 1915 г. присоединилось к Лондонской декларации Антанты о незаключении сепаратного мира. Тем не ме-

нее, германское правительство и в 1916 г. продолжало зондировать почву относительно возможности сепаратного мира с Японией.

Наиболее значительными политическими акциями Японии в ходе Первой мировой войны были предъявление «21 требования» Китаю, заключение союзного договора с Россией и соглашения Лансинг-Исии.

В ответ на требование китайской стороны вывести войска из Шаньдуня Япония выдвинула так называемые «21 требование». Они касались Шаньдуня, прав Японии в Южной Маньчжурии и в восточной части Внутренней Монголии, предусматривали отказ Китая от сдачи в аренду третьим странам каких-либо гаваней или бухт на всем своем побережье или островах близ него и пр. Еще одна группа требований фактически ставила Китай в полную зависимость от Японии. Несмотря на все позднейшие объяснения японских дипломатов, смысл требований был совершенно ясен: пока другие великие державы заняты войной в Европе, взять Китай под свой политический и финансовый, а отчасти административный и военный контроль. Поначалу официальный Токио отвергал сам факт предъявления требований, а потом разъяснил, что речь идет лишь о «советах» и «пожеланиях». Китай отказался принять эти требования, и Токио предъявил Пекину ультиматум, объявив мобилизацию сухопутных и военноморских сил. Спустя два дня Пекин принял основные требования.

Япония укрепила свои позиции в Китае, но политически это была пиррова победа. Отношения с США существенно ухудшились, наступило заметное охлаждение в отношениях с Великобританией, и только Россия сохраняла благожелательный нейтралитет. У стран Антанты оставались сомнения в надежности японского союзника, в том числе и потому, что Токио был против вступления Китая в войну, опасаясь, что это может привести к ослаблению контроля над ним. Однако важность сохранения Японии с ее военной промышленностью и «свежей» армией в составе Антанты принуждала ее участников, особенно Англию, принять японские требования – например, о

сохранении за ней при заключении мира прав на Шаньдун и бывшие германские островные владения в Тихом океане к северу от экватора. Гораздо лучше складывались отношения с Россией. Подписанный в 1916 г. договор превратил Японию и Россию в полноценных союзников. Однако перспективы сотрудничества двух стран были разрушены русской революцией.

Объявление США войны Германии, а вслед и Китаем, вызвало серьезное беспокойство Японии. Она поспешила направить в США специальную миссию, неофициальной целью которой было добиться от Вашингтона признания «специальных интересов» Японии в Китае. После трудных переговоров было заключено так называемое соглашение Лансинг – Исии, в котором декларировались верность принципам «открытых дверей» и «равных возможностей», намерение сохранять независимость и территориальную целостность Китая. Стороны согласились, что у Японии есть «специальные интересы», но никак не определили их. Позже Лансинг официально заявил, что соглашение имело в виду только экономические интересы, а Исии настаивал, что сказанное распространяется и на политическую сферу.

На Парижской мирной конференции (18 января – 28 июня 1919), завершившей Первую мировую войну и заложившей основы послевоенного миропорядка, Япония была формально признана одной из «великих держав» и вошла в Совет пяти вместе с США, Великобританией, Францией и Италией. Перед Японией стояли две конкретные задачи: закрепить свои права на Шаньдунский полуостров, отвоеванный у Германии в 1914 г., и добиться включения положения о «равенстве рас» в Устав Лиги Наций, которую предполагалось создать в результате конференции.

Япония соглашалась вернуть Китаю суверенитет над Шаньдунским полуостровом при условии сохранения за ней всех германских экономических привилегий и настаивала на заявлении Германии, что она передает их Японии, а не Китаю. Япония угрожала отказом от подписания мирного договора и от участия в Лиге Наций, если не по-

лучит требуемые права в Шаньдуне, а Китай – если Германия не откажется от своих прав в его пользу. Вильсон принял сторону японцев, чтобы не сорвать заключение мирного договора и Устава Лиги. Китай покинул конференцию и не подписал договор. Япония получила в управление по мандату Лиги Наций бывшие владения Германии в Тихом океане к северу от экватора. Она вошла в Лигу Наций и получила место постоянного члена ее Совета.

Международная конференция по вопросу ограничения морских вооружений и обсуждения положения на Тихом океане и Дальнем Востоке, так называемая Вашингтонская конференция 1921-1922 гг., ставила целью любой ценой ограничить японскую экспансию. Главным вопросом было ограничение военных флотов стран-участниц, принятое в соотношении 5:5 : 3:1,75 : 1,75 для США, Англии, Японии, Франции и Италии, закрепленное договором от 6 февраля 1922 г. Цифры вызвали много дебатов и на самой конференции, и после нее. По сути, договор ставил Японию в равное, если не преимущественное положение. Сфера действий ее флота ограничивалась одним океаном, а не двумя или тремя, а имевшийся у нее тоннаж позволял увеличить силы, не выходя за установленные лимиты (тоннаж линейных кораблей был ограничен 35 тыс. тонн, авианосцев – 27 тыс. тонн).

Договор также предусматривал, что США не будут укреплять Филиппины, Гуам и Алеутские острова; Англия – Гонконг и острова к востоку от 110 градуса восточной долготы; Япония – острова Формоза (Тайвань), Пескадорские (Пэнхуледао), Курильские, Рюкю, Бонин (Огасавара) и Амами-Осима. Отдельное соглашение между Японией и США было подписано в отношении стратегически важного острова Японии в Тихом океане, которым Япония управляла по мандату Лиги Наций. Через него проходил кабель из Гуама в Шанхай и на Целебес (Сулавеси), поэтому соглашение специально ограждало права американских граждан на острове. В декабре 1921 г. США, Англия, Франция и Япония подписали договор о своих островных владениях на Тихом океане. Он формально отменил англо-японское со-

юзное соглашение 1911 г., срок действия которого истекал 13 июля года, и положил конец союзу Лондона и Токио. Это было сделано под давлением США, опасавшихся усиления Японии.

Договор девяти держав о Китае, подписанный в 1922 г., закрепил суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая и действие в нем принципов «открытых дверей» и «равных возможностей». Требования пекинского правительства об отмене экстерриториальности иностранцев и о тарифной автономии не были удовлетворены. Для Японии договор обернулся поражением, лишив ее тех прав, которые она получила в Париже и подтверждения которых добивалась в Вашингтоне, так как Китай не подписал Версальский договор. Здесь в полной мере сработало прокитайски и антияпонски настроенное общественное мнение атлантистских держав. Договор фактически свел на нет значение соглашения Лансинг-Исии 1917 г.

Демократия Тайсё. В политической истории Японии двадцатые годы принято называть «демократией Тайсё», хотя официально эпоха Тайсё закончилась 25 декабря 1926 г. со смертью давно и тяжело болевшего императора и с вступлением на трон его двадцатипятилетнего сына, уже пять лет исполнявшего обязанности регента. Термин этот связывают, прежде всего, с системой партийных кабинетов, которая начала складываться в эти годы, а также с распространением идей демократии, интернационализма, индивидуализма и социализма, которые считались органически не свойственными японской цивилизации.

Первому партийному кабинету Хара Такаси предстояло решить ряд непростых внешнеполитических и внутривнутриполитических проблем: закрепить полученное в результате Первой мировой войны и преодолеть выявившееся в ее ходе экономическое и техническое отставание; нейтрализовать последствия «рисовых бунтов» и вспышки арендных конфликтов; контролировать растущее оппозиционное, в том числе рабочее и профсоюзное, движение. Власти ослабили контроль над

печатными изданиями и легальными формами политической деятельности, что способствовало ее активизации, стали придерживаться более мягкого курса при решении трудовых конфликтов, разрабатывали проекты распространения законодательства метрополии на колонии, что не помешало правительству жестоко подавить мартовское восстание 1919 г. в Корее.

В 1925 г. практически одновременно были приняты законы о всеобщем избирательном праве для мужчин и об охране общественной безопасности. Важнейшей чертой первого стала отмена имущественного ценза, хотя ряд ограничений сохранился. Общее число избирателей увеличилось до 12,5 млн человек. Закон отражал интересы правящей элиты, не допуская до участия в выборах, с ее точки зрения, политически неблагонадежные и социально нестабильные категории населения. Осуществление нового закона, встреченного общим одобрением, было отложено до 1928 г. Второй, известный как закон об «опасных мыслях», показал решимость власть имущих противостоять растущему левому радикализму и коммунистической пропаганде. Под его статьи в принципе можно было подвести любое оппозиционное выступление и даже высказывание.

В связи с обесценением займов, выпущенных для покрытия убытков от великого токийского землетрясения 1923 г., разразился финансовый кризис. Как одно из его последствий, в стране началась рационализация производства, ускорившая процесс концентрации и централизации производства, но с неизбежностью приведшая к разорению мелких и средних предприятий и росту безработицы. Такого рода «шоковая терапия», с активным использованием государственных средств, привела к временному оживлению экономики, но подверглась жесткой критике со стороны оппозиции.

Нестабильная обстановка в Китае, угрожая экономическим интересам Японии, добавляла напряжения. «Старые концерны» (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо), которых китайские рынки и позиции других великих держав интересовали больше, чем китайские территории,

были против вооруженной интервенции или расширения военного присутствия. «Молодые концерны», связанные с новыми отраслями промышленности, и армейские круги выступали за интенсификацию «континентальной политики» одновременно военными и экономическими средствами. Эту политику стал проводить кабинет Танака Гии-ти.

Танака и его единомышленники рассматривали Маньчжурию и Внутреннюю Монголию как обособленный от Китая регион, который должен находиться под контролем Японии. Необходимость четкого определения курса диктовалась последними событиями. 20 марта, после занятия гоминьдановской армией Шанхая, в Китае были высажены иностранные войска, в том числе японские. 16 апреля в Нанкине Чан Кайши объявил о создании «национального правительства», намереваясь подчинить ему весь Китай. Его представители сразу же отправились в Токио, и Танака заверил новый режим в Нанкине, что, если тот сосредоточит усилия на борьбе за искоренение «коммунистического влияния» и установление «нового порядка» в контролируемом им Южном и Центральном Китае, Япония гарантирует ему свою «симпатию» и «моральную поддержку». Но одновременно она уже говорила о Маньчжурии как об «особом районе» Японии.

Правительство страны стояло перед лицом необходимости справиться с экономическим кризисом. Основой проводимого ранее курса были: экономия государственных средств и сокращение бюджета 1930 г. на 160 млн иен, в том числе за счет военных расходов; дефляция и урегулирование национальной задолженности; отмена эмбарго на вывоз золота и восстановление золотого стандарта. В обращение вновь были пущены золотые монеты, и правительство предсказывало скорое «укрепление могущества государства». Однако не все было так безоблачно. Утечка золотой монеты в связи с отменой эмбарго существенно превысила ожидаемую цифру (230 млн иен против 100-150) и продолжала расти, в результате чего начали падать цены на товары. Под предлогом рационализации производства и интенсификации

фикации труда предприниматели прибегали к массовым увольнениям и сокращению заработной платы, стремясь таким образом компенсировать свои потери. Сокращение административного аппарата тоже способствовало росту безработицы.

В 1920-е годы экономика страны развивалась поступательно за счет благоприятной мировой конъюнктуры и рационализации производства, снизившей издержки и повысившей конкурентоспособность японских товаров на мировых рынках. Мощный рывок сделали черная металлургия, машиностроение и химическая промышленность. Однако в результате общемирового кризиса в 1930 г. японский экспорт упал на 31%, а импорт – на 30% по сравнению с 1929 г.; в 1931 г. – 22% и 21% по сравнению с 1930 г. Кризис поразил не только промышленность, но и сельское хозяйство. Цены на его важнейшие продукты – рис и шелк-сырец – снизились не менее чем наполовину. Результатом стали рост безработицы (около 3 млн человек в 1931 г.) и числа конфликтов в промышленности (1021 в 1928 г., 2456 в 1931 г.) и в деревне (1866 в 1928 г., 2689 в 1931 г.), «разрешение» которых нередко сопровождалось боями с полицией и массовыми арестами. В результате неурожая 1931 г. в ряде провинций крестьяне голодали, но такое же положение было и после хорошего урожая предыдущего года. Обострилась ситуация и в колониях, особенно в Корее, где экономическая депрессия усиливала незатухавшее политическое недовольство, поскольку условия жизни основной массы населения там были хуже, чем в метрополии. Правительство не смогло преодолеть последствий Великой Депрессии.

Депрессия в сочетании с многочисленными коррупционными скандалами способствовала радикализации общественного сознания как «слева», так и «справа». Оно все больше склонялось к мысли о необходимости решительных действий и во внутренней, и во внешней политике. Кабинеты этого времени, открыто выражавшие интересы банков и «старых концернов», пользовавшиеся поддержкой двора и парламента, стали в глазах масс персонификацией неэффек-

тивности, с одной стороны, и продажности – с другой. В стране зрело открытое недовольство.

Маньчжурский инцидент и период «чрезвычайного времени».

В марте 1931 г. правые радикалы и группа офицеров запланировали переворот, который должен был привести к власти непартийный военный кабинет, но попытка не удалась. Зато произошедший «Маньчжурский инцидент» (так в историографии принято называть оккупацию Маньчжурии японскими войсками) 18 сентября 1931 г. стал главным водоразделом довоенной истории Японии, ознаменовав начало «чрезвычайного времени». Эта акция не планировалась в Токио и стала результатом действий группы старших офицеров Квантунской армии, которые опирались на поддержку националистических кругов. Действия Японии в Китае вызвали растерянность в правительстве и подверглись всеобщему осуждению за границей.

Внутри самого кабинета сразу же начались серьезные разногласия. Общественное мнение, подпитываемое националистическими кругами и «новыми концернами», открыто поддерживало экспансию, видя в ней наряду с расширением государственного контроля в экономике возможный выход из постигших страну трудностей. С началом 1932 г. радикально-националистические организации перешли к террору. В условиях наступившего «чрезвычайного времени» действия мятежников привлекли к ним симпатии значительной части общества, однако их несомненная слабость была в полном отсутствии позитивной программы.

Наступление «чрезвычайного времени», как стали именовать период после начала «Маньчжурского инцидента», принято считать окончательным поражением либерально-демократических тенденций, символами которых были «демократия Тайсё» и партийные кабинеты. При вялом противодействии правящей верхушки армия и националистические круги, поддержанные значительной частью общества, толкали страну на путь интенсивной внешней экспансии и противостояния с другими державами, прежде всего с США. Мировой эконо-

мический кризис и его последствия способствовали радикализации общественного сознания, однако все это в совокупности не привело к радикальной смене правящей элиты как в Германии с приходом к власти нацистов.

Взрыв у полотна линии ЮМЖД в Лютяогоу, к северу от Мукдена, в августе 1931 г. даже по сравнению с инцидентом в Сараево, который разжег пламя Первой мировой войны, был совершенно незначительным и случайным событием. Однако ответная реакция оказалась молниеносной: Квантунской армией сразу был взят Мукден, и она контролировала всю полосу отчуждения ЮМЖД, затем быстро оккупировала Чаньчунь, Аньдун, Инкоу и Гириин (Цзилин). Действия проводились по заранее подготовленному и отработанному плану, авторами которого были офицеры штаба Квантунской армии. Они не имели санкции императора, кабинета и военного министра и поставили перед фактом собственного командующего.

Китай предъявил протест Японии и 21 сентября 1931 г. обратился в Лигу Наций, членом Совета которой был только что избран. Конфликт сразу же оказался на повестке дня Совета Лиги и ее Ассамблеи. Китай развернул в Лиге Наций и в европейской прессе активную пропагандистскую кампанию, в то время как японская делегация не сумела привлечь на свою сторону ничьих симпатий. 30 сентября Совет Лиги Наций принял осторожную резолюцию, призывавшую стороны к диалогу.

10 декабря 1931 г. Совет Лиги Наций постановил отправить на Дальний Восток международную комиссию, известную как «комиссия Литтона» для выяснения истинного положения дел и выработки рекомендаций по урегулированию конфликта. Тем временем в феврале 1932 г. японские части вступили в Харбин. 1 марта было провозглашено создание государства Маньчжоу-го во главе с «регентом» – бывшим императором Китая Пу И, которое полностью контролировалось Квантунской армией (1 марта 1934 г. Пу И официально принял императорский титул). С момента создания Маньчжоу-го находилось

под японским контролем, но не считалось частью Японской империи. Общественное мнение Японии все более ожесточалось против того, в чем видело посягательство на жизненные интересы и даже вмешательство в ее внутренние дела. Все громче стали раздаваться голоса о бесполезности членства в Лиге Наций.

В июле 1932 г. японские войска вторглись в провинцию Жэхэ. Затем был подписан протокол о признании Маньчжоу-го и об установлении дипломатических отношений на уровне послов. Япония утверждала, что не имеет территориальных притязаний в Маньчжурии, что ее действия направлены только на защиту собственных интересов и что Маньчжоу-го будет придерживаться политики «открытых дверей» и «равных возможностей».

Отчет «комиссии Литтона» в сентябре 1933 г. был вручен представителям конфликтующих сторон. МИД Японии и военное министерство заявили, что отдельные наблюдения и факты верны, но выводы и рекомендации неприемлемы. Возражения Китая строились на осуждении японской агрессии. Беспомощность Лиги Наций стала очевидной. Японская делегация демонстративно покинула зал заседаний и в тот же день выехала из Женевы, затем были опубликованы императорский эдикт и правительственное сообщение о выходе из Лиги.

В это время в стране оформилась группа «бюрократов-реформаторов». Не оформленная организационно, она объединяла слаженно действующих молодых перспективных государственных чиновников. Они осознавали необходимость реформ авторитарного типа, основными направлениями которых считали постепенное упразднение многопартийной системы, лишение парламента возможности вмешиваться в управление финансами и политикой, усиление государственного контроля в экономике и внешней торговле, искоренение коммунистической и социал-демократической идеологии.

У «бюрократов-реформаторов» было много общего. Почти все они работали в Маньчжоу-го, руководя его экономикой и промыш-

ленностью, и рассматривали его как полигон для будущих экономических реформ в самой Японии. Они стремились к замене существующей экономической и политической системы на нечто более «рациональное», изучая опыт «корпоративного государства» Муссолини, советского планового хозяйства, однопартийной системы и Трудового фронта нацистской Германии. «Бюрократы-реформаторы» были сторонниками внешней экспансии, но отдавали предпочтение экономическим, политическим и только потом военным методам. Они не сразу стали интересоваться внешней политикой, что было в традиции специализированной японской бюрократии (внешнеэкономическая деятельность находилась в ведении МИД). Катализатором этого интереса стал иностранный опыт, для изучения которого многие из них ездили за границу, а также влияние ЮМЖД и колониальной политики.

Под давлением армии, требовавшей новых ассигнований на оборону, министр финансов отказался от прежнего курса на экономию и перешел к политике государственных займов, общая сумма которых в 1932 г. достигла 1 млрд иен. Военные постоянно твердили об «угрозе с севера» (то есть со стороны СССР), а затем и о будущей войне с США, мотивируя таким образом увеличение военных расходов. Для достижения согласия и сотрудничества между заинтересованными ведомствами с осени 1933 г. внутри кабинета начал функционировать новый орган – Совет пяти министров (премьер-министр, министры иностранных дел, финансов, военный и морской), собиравшийся для обсуждения важнейших проблем перед представлением их на рассмотрение правительства, императора или Тайного совета.

Рост военного производства способствовал прогрессу машиностроения, металлургии и химической промышленности, а также развитию «новых концернов» Ниссан, Ниссо, Мори, развернувших бурную деятельность в Маньчжоу-го. В августе 1932 г. Япония вышла на первое место в мире по экспорту продукции текстильной промышленности, оставив позади Англию, но это было достигнуто за

счет как «рационализации производства», так и «социального демпинга» – увеличения рабочего дня, сокращения заработной платы, поддержания высоких внутренних цен.

В японской армии еще с эпохи Мэйдзи огромное значение имели клановые и групповые связи, которые утратили свое значение к началу 1920-х годов. В это время уже сформировалась группа военных по принципу единства взглядов и личной преданности. Как оппозиция ей в начале 1930-х годов оформилась «фракция императорского пути» (кодоха), на которую делали ставку радикальные националисты. Офицеры и генералы кодоха требовали внутривнутриполитической перестройки Японии в авторитарном и даже тоталитарном духе и широкомасштабной внешней экспансии, но, отличаясь своеобразным «самурайским романтизмом», явно переоценивали экономический и военный потенциал страны и не просчитывали возможные международные последствия предлагавшегося ими курса. Прагматично настроенные офицеры создали «фракцию контроля» (тосэйха).

Под давлением военно-морских кругов правительству пришлось в одностороннем порядке расторгнуть ранее заключенные договоры и уйти с Лондонской морской конференции 1935 г. Под давлением армии в октябре 1934 г. в составе кабинета было создано Бюро по делам Маньчжурии во главе с военным министром. В результате военные получили практически полный контроль над Маньчжурией, арендованной территорией Квантун и ЮМЖД, несмотря на сопротивление министерства колоний. Военное министерство развернуло активную идеологическую и пропагандистскую работу внутри страны, в нарушение традиций заявляя о себе как о самостоятельной политической силе. В феврале 1936 г. страну потряс военный мятеж в Токио, известный как «инцидент 26 февраля». На рассвете этого дня группа младших офицеров вывела из казарм 1500 солдат, которые заняли большинство правительственных учреждений, включая военное министерство, парламент и главное полицейское управление; прекрати-

ла работу биржа, перестали выходить газеты. Было убито много высших должностных лиц.

Вдохновляясь государственно-социалистической утопией, мятежники рассчитывали установить в стране военную диктатуру и склонить на свою сторону императора. Но они не имели четко разработанной программы действий, что обрекало их на поражение. На третий день выступление захлебнулось, «фракция императорского пути» полностью лишилась власти как в армии, так и в политике, одновременно усилилась «фракция контроля».

Доминирование армии в политике проявилось в восстановлении закона о том, что военным министром может быть только генерал на действительной службе, в принятии «Основных принципов национальной политики» (7 августа 1936 г.) и заключении Анτικοминтерновского пакта с Германией. Военное министерство разработало проект внутривластных реформ, предусматривавших лишение парламента и без того ограниченных возможностей влиять на политику кабинета и критиковать его. Все чаще стали раздаваться призывы перейти к однопартийной системе по германскому, итальянскому или советскому образцу. Однако эти проекты вызвали решительную оппозицию со стороны старых партий, готовых сотрудничать с бюрократией и военными, но не желавших лишиться формального права на участие в политике, что обеспечивало партийным боссам и их окружению не только социальный статус, но и материальное благополучие.

«Чрезвычайное время» сразу же отразилось на идеологии и общественном сознании. Оно подталкивало к решительным действиям дипломатов и министров, призывая их не считаться с давлением извне. Любые выступления против «активной» внешней политики, будь то с либерально-западнической или коммунистической точек зрения, стали восприниматься как «антипатриотичные», что вызвало волну гонений на левую интеллигенцию и деятелей культуры, даже не связанных с революционным движением.

В апреле 1937 г. появилась книга «Основные принципы кокугай» – официальная формулировка доктрины японской государственности, которую современники сравнивали с «Майн кампф». Концепция кокутай («организм государства») утверждала единство императора, народа и населяемой им богоизбранной земли в качестве единого организма или единой семьи, но с узами, крепче и священнее любых семейных уз: это более чем отеческая любовь императора к подданным и более чем сыновняя почтительность и верность подданных монарху. Для императора в равной степени дороги и любимы все его подданные уже в силу самой их принадлежности к японской нации, имеющей сакральное происхождение. Император «одухотворял» государство, а не возглавлял его; оно существовало только благодаря ему, а не наоборот.

Идеологический канон был готов. На очереди стояло создание механизма для его внедрения и одновременного противостояния оппозиционным идеям. Главным рассадником «крамолы» считались университеты и средние школы второй ступени, поэтому с 1933 г. министерство просвещения учредило систему «контроля над мыслями», ставшего обязательным для всех государственных и частных учебных заведений, которые были обязаны регулярно отчитываться о положении дел и проделанной работе. Главное внимание уделялось преподаванию общественных наук, особенно экономики и философии, поскольку это была легальная возможность не только изучать, но и пропагандировать марксизм и социализм. Для усиления контроля над обучением и воспитанием молодого поколения в 1936 г. был создан Совет по реформе образования, проекты которого предусматривали его дальнейшую милитаризацию и усиление идеологической обработки учащихся в духе следования «императорскому пути» и противостояния «опасным мыслям».

«Китайский инцидент» и подготовка к «большой войне». Случайная ночная перестрелка у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) 7 июля 1937 г. стала началом войны, будущие масштабы которой ни-

кто не мог предвидеть. Как и во время взрыва в Лютяогоу в 1931 г., с которого начался «Маньчжурский инцидент», незначительное событие, подлинная причина которого так и осталась невыясненной, так называемый «Китайский инцидент», послужило поводом для начала японского наступления. Страна готовилась к возможному конфликту, но не планировала его начинать, намереваясь добиться своей цели мирным путем. С этого времени Япония жила по принципу «если завтра война». Длительная и дорогостоящая война в Китае, чреватая возможным вступлением в нее СССР и дальнейшим усилением международной изоляции, в планы правящей элиты Японии не входила. Правительство высказалось за скорейшую локализацию и прекращение конфликта. Оно спешило заняться решением внутренних проблем, но позиция армии была непримиримой. Под ее давлением 11 июля кабинет решил направить в Северо-Восточный Китай подкрепления и развернуть там боевые действия, официально объявив об этом 15 июля. 27 июля Китаю был предъявлен ультиматум сроком на сутки с требованием о передаче Пекина. По истечении срока, 28 июля, японские войска заняли Пекин, 29 июля – Тяньцзинь, а 30 июля начали наступление по всему фронту. Конфликт мог быть решен только убедительной победой одной из сторон. Два с половиной месяца шли бои за Шанхай, который пал 11 ноября. 13 декабря был взят Нанкин, столица режима Чан Кайши. До конца года японская армия общей численностью шесть армий или двадцать дивизий заняла главные опорные пункты в пяти провинциях Северного Китая, потеряв в боях около 70 тыс. убитыми и ранеными.

С самого начала «инцидента» симпатии США, Великобритании и СССР были на стороне Китая, хотя они поддерживали разные фракции антияпонского движения. Даже Германия, несмотря на Антикоминтерновский пакт, вплоть до начала боевых действий поставляла Чан Кайши оружие и держала при нем военных советников.

Война в Китае приобретала затяжной характер. Милитаристы во главе с военным министром настаивали на расширении экспансии и

на отказе от контактов с Чан Кайши. В январе 1938 г. парламент абсолютным большинством принял закон «О всеобщей мобилизации нации», создававший в стране режим военного времени (10 февраля аналогичный закон был принят в Маньчжоу-го). Он охватывал не только все отрасли экономики, но распространялся на образование, науку, средства массовой информации, ограничивая гражданские права и свободы. В декабре 1937 г. и в феврале 1938 г. были проведены массовые аресты левых интеллектуалов и общественных деятелей, обвинявшихся в распространении антивоенных идей «народного фронта».

Столкнувшись с перспективой затяжной войны, правительство уже с начала «Китайского инцидента» приступило к реорганизации экономики путем усиления государственного контроля. Были приняты законы «О контроле в важнейших отраслях производства» (1 мая 1937 г.), «О чрезвычайных мерах в области экспорта и импорта», «О чрезвычайном контроле над денежными фондами», а также введен в действие давний закон «О мобилизации военной промышленности» (все – 10 сентября 1937 г.). Ограничения в области внешней торговли запрещали вывоз военных материалов из Японии и ввоз 270 товаров, не являющихся предметами первой необходимости («борьба с роскошью»), а также предусматривали ужесточение контроля за распределением импортированного сырья и материалов. Контроль над денежными фондами, преследовавший цель приостановить инфляцию, вводил нормы регулирования капиталовложений, отдававшие приоритет военной промышленности и связанным с ней отраслям производства. В целях милитаризации экономики были приняты многочисленные частные законы, например, «О производстве искусственной нефти» или «О государственном контроле над предприятиями, вырабатывающими электроэнергию». Поначалу они вызывали недовольство промышленников и банкиров, выступавших против вмешательства государства в сферу бизнеса, но им вскоре пришлось смириться с подготовкой страны к «большой войне», которая могла

принести огромные прибыли. Позже появились законы и указы: «О контроле за деятельностью компаний», «Об использовании банковских и других капиталов», «О контроле над заработной платой» (все — 19 октября 1940 г.), «О контроле за потреблением риса» (24 октября 1940 г.), «О запрещении рабочим и служащим менять место работы» (9 ноября 1940 г.), «О контроле за ценами на землю» (1 февраля 1941 г.), «О контроле над жизненно важными материалами» (1 апреля 1941 г.). Правящие круги вели продуманную кампанию накопления стратегических материалов и продовольствия, сбережения энергоресурсов, замены импортируемого сырья отечественным и установления контроля над его источниками за пределами империи. Достигнутое обеспечило Японии значительный «запас прочности» при вступлении во Вторую мировую войну, но его, разумеется, было недостаточно для противостояния совместной мощи США и Англии.

Первой попыткой Японии выйти из международной изоляции, в которой она оказалась после «Маньчжурского инцидента», стало заключение с Германией в 1936 г. Соглашения против Коммунистического интернационала, более известного как Антикоминтерновский пакт. Он предписывал сторонам обмениваться информацией о действиях Коминтерна, сотрудничать в деле борьбы с ним и консультироваться о принятии мер, не конкретизируя форм и методов этой борьбы. Даже секретный дополнительный протокол, опубликованный только после Второй мировой войны, всего лишь обязывал не заключать никаких соглашений с СССР без ведома партнера; если одна из сторон подвергнется «неспровоцированному нападению» со стороны СССР или ей будет угрожать подобное нападение, другая сторона обязуется не предпринимать мер, которые могли бы способствовать облегчению положения СССР. Эта статья давала равные возможности и для оказания военной помощи партнеру, и для уклонения от любой реальной помощи. Пакт был направлен против СССР, который и Япония, и Германия на тот момент имели все основания считать своим стратегическим противником, однако официально заявить об

этом стороны не могли под угрозой разрыва торговых, а возможно, и дипломатических отношений. В 1937 г. Италия присоединилась к Антисоветскому пакту. Примерно в это же время в Токио, Берлине и Риме был поставлен вопрос о его «укреплении». МИД и военное министерство давали своим представителям в Берлине противоречивые указания, что свидетельствовало о разногласиях в высшем руководстве страны. Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело ошеломляющее впечатление на Японию, началось обсуждение возможности заключения такого же пакта Японии с СССР, в Японии задумываются о расторжении антисоветского договора.

Во время начавшейся 1 сентября 1939 г. войны в Европе позиция Японии не была полностью прогерманской как из-за «предательства» Гитлера, так и с учетом дружеских отношений с Польшей. Кабинет опубликовал заявление о «неучастии в европейской войне», но не о «нейтралитете». Главной задачей внешней политики было названо урегулирование «Китайского инцидента» путем поддержки тех сил, которые согласятся на союз с Японией и Маньчжоу-го. На втором месте стояла нормализация отношений с СССР: после сокрушительного поражения Квантунской армии в сентябре 1939 г было подписано соглашение о прекращении боевых действий на реке Халхин-Гол.

Военные успехи вермахта в Европе весной и летом 1940 г. обнадеживали сторонников союза с Германией, которые стали открыто настаивать на смене внешнеполитического курса или отставке правительства. Одновременно военные круги требовали развертывания экспансии на юг, в направлении французских и голландских колоний, оставшихся без метрополии. В связи с этим встал вопрос о выведении на новый уровень японско-советских отношений, которые после урегулирования конфликта на Халхин-Голе значительно улучшились. Летом 1940 г. перед японской правящей элитой стояли два неотложных вопроса: внутривластная авторитарная перестройка в рам-

ках «новой политической структуры» и окончательное определение позиции страны в «великом противостоянии» двух блоков.

«Концепция «новой политической структуры» стала завершающим этапом эволюции радикально-реформаторских проектов авторитарной перестройки политической системы. Она восходит к принципу «одна страна – одна партия», но, как вскоре стало ясно, создать в Японии дееспособную однопартийную систему по любому из иностранных образцов не удастся. В СССР, Италии и Германии партии сложились до прихода к власти, имели опыт борьбы «против всех», что способствовало консолидации их рядов, и руководство с диктаторскими полномочиями. К власти они пришли немногочисленными, мобильными и дисциплинированными. В Японии все было наоборот. Не могло быть речи ни о каком организационном единстве или партийной дисциплине, поскольку существующие партии были расколоты на враждующие фракции. Требовалось создать что-то иное, нежели партия, пусть даже авторитарного или тоталитарного типа.

Оформлению замысла способствовала уже упоминавшаяся концепция кокутай. «Новой структуре» предстояло стать политическим аналогом «государственного организма»: императору отводилось место над ней, а главой становился премьер-министр как его полномочный представитель в политике. Однако сразу же возникал вопрос об отношениях с государственным аппаратом: будет ли «новая структура» независимым от государства массовым общественно-политическим движением или парагосударственной структурой под контролем бюрократов. В первом случае движение могло подчинить себе аппарат, во втором – само подчинялось ему. Этот вопрос стал главным в судьбе «новой структуры» и ее организационной основы – Ассоциации помощи трону (АПТ).

17 августа 1940 г. была опубликована «Программа новой структуры», которая предусматривала «полное уничтожение существовавшей в прошлом системы индивидуализма в политической,

экономической и культурной областях» и базировалась «на единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору». Начался самороспуск политических партий и профсоюзов. В октябре 1940 г. была официально создана АПТ, но она не приобрела политического значения.

«Великое противостояние» и канун войны. 26 августа 1939 г. США объявили о денонсации японско-американского договора о торговле и мореплавании, действие которого прекращалось через полгода. Отношения вступили в фазу активной конфронтации, ставшей одним из итогов усилившегося соперничества, прежде всего экономического, этих двух стран в Азии. С началом войны в Европе противостояние усилилось. Правительство Японии сразу же заявило претензии на контроль над Голландской Индией (Индонезия), ультимативно потребовало от Франции прекратить китайский транзит через Французский Индокитай. Ультиматум был принят, и на территории колонии появились японские чиновники. Затем было заключено военное соглашение между Японией и генерал-губернатором Индокитая, куда были введены японские войска. Даже Англии пришлось согласиться на требование Токио о закрытии на три месяца Бирманской железной дороги – важного источника снабжения режима Чан Кайши.

В такой ситуации Токио поспешил присоединиться к союзу Германии и Италии. Германия окончательно отказалась от претензий на свои бывшие владения в Тихом океане, но взамен потребовала от Японии конкретных военных обязательств, в случае атаки со стороны державы, «не вовлеченной в европейскую войну или китайский инцидент», то есть США, хотя формально это относилось и к СССР.

Главной проблемой стал секретный протокол. Министр иностранных дел Мацуока Есукэ предложил заменить его обменными нотами. Важным было признание за Японией права самостоятельно решать вопрос о вступлении в войну. Пакт обсуждался в Тайном совете и был единогласно одобрен, хотя патриарх японской дипломатии Исии Кикудзиро осторожно напомнил коллегам слова Бисмарка о

том, что в любом союзе один является наездником, а другой лошадью, и что Германия всегда должна быть наездником.

Тройственный пакт был заключен, когда европейская война еще не переросла в мировую, но возможность такого поворота событий с каждым днем становилась все больше. Страны-участницы заявили, что их цель – «сохранение длительного мира», но главным условием этого является «предоставление каждому государству возможности занять свое место в мире» путем «создания и поддержания нового порядка» в Европе и «Великой Восточной Азии». Статьи 1 и 2 четко определяли географические сферы действия пакта, говоря о «признании и уважении руководящего положения» Германии и Италии в Европе и Японии – в «Великой Восточной Азии» при установлении «нового порядка».

Осторожные формулировки, тем не менее, звучали совершенно конкретно: страны-участницы не посягают на территорию или сферы влияния США и СССР, однако предупреждают, что «если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японско-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами».

После этого перед Японией встала задача достижения соглашения с СССР. Речь шла о заключении двустороннего политического соглашения (пакт о ненападении или нейтралитете), но не было согласия в вопросе о северосахалинских концессиях, ликвидации которых требовала советская сторона.

Тогда министр иностранных дел Мацуока лично взялся за дело. По дороге в Европу в Москве в марте 1941 г. он ограничился обменом мнениями с Молотовым и Сталиным, но на обратном пути устроил «дипломатический блицкриг» – 14 апреля заключил советско-японский пакт о нейтралитете, не прибегая ни к чьему посредничеству и в последнюю минуту добившись компромисса в вопросе о

концессиях. В Токио его встречали как триумфатора. Пакт разрядил атмосферу напряженности и взаимного недоверия, особенно в Токио, где армия начала освобождаться от навязчивой идеи о «русской угрозе». Испытали облегчение и в Москве: ни Япония, ни СССР войны не хотели и нападать друг на друга не собирались, но не исключали подобных действий с другой стороны. К. Хаусхофер оценил пакт как «проявление геополитической проницательности».

Теперь главной проблемой для Японии стали отношения с США. Правительство окончательно отказалось от планов участия в войне против Советского Союза, избрав «южный вариант» экспансии. Для этого требовалось обеспечить нейтралитет Вашингтона и предотвратить полное прекращение американского экспорта в Японию. Несмотря на все ограничения, Япония в 1941 г. вывезла из США металлического лома на 227 млн фунтов стерлингов (в 4,8 раза больше, чем в 1940 г.), а чугуна и листовой стали на 5,6 млн фунтов стерлингов (в 3,8 раза больше, чем в 1940 г.). Это было стратегическое сырье, необходимое для будущей войны.

С марта 1941 г. в Вашингтоне велись японо-американские переговоры. Японская сторона убеждала, что ее экспансия преследует только экономические цели, а потому не опасна для Америки. Одновременно через неофициальные каналы началась подготовка встречи премьер-министра Коноэ Фумимаро с президентом Ф. Рузвельтом, на которую премьер возлагал большие надежды. Однако военные успехи «оси» только укрепляли «атлантическую солидарность» и делали маловероятной нормализацию отношений США с Японией как участницей Тройственного пакта. 14 июня 1941 г. администрация Рузвельта наложила секвестр на германские и итальянские капиталы; 26 июля та же участь постигла японские капиталы, причем не только в США, но и в Англии. 1 августа США наложили эмбарго на продажу Японии авиационного бензина. Затем была обнародована Атлантическая хартия Рузвельта и Черчилля об «окончательном уничтожении нацистской тирании», хотя Соединенные Штаты в войне еще не

участвовали. 17 августа Ф. Рузвельт вручил японскому послу в США К. Номура записку с резким осуждением политики Японии, но заявил, что согласен встретиться с Коноэ, если предварительно получит четкое разъяснение позиции Токио. Все предложения японской стороны были отвергнуты. США требовали эвакуации всех японских войск из Китая и Индокитая, причем не поясняя, распространяется это на Маньчжурию или нет (США не признавали «независимость» Маньчжоу-го). 14 октября военный министр Тодзио на заседании кабинета категорически высказался за прекращение переговоров и против эвакуации войск из Китая, а затем потребовал отставки Коноэ, которая состоялась два дня спустя. 18 октября премьером был назначен Тодзио, сохранивший за собой пост военного министра. Его кабинет (октябрь 1941 – июль 1944 г.) состоял в основном из лично преданных премьеру «технократов» и «бюрократов-реформаторов».

С марта 1941 г. в Вашингтоне велись японо-американские переговоры. Японская сторона убеждала, что ее экспансия преследует только экономические цели, а потому не опасна для Америки. Одновременно через неофициальные каналы началась подготовка встречи премьер-министра Коноэ с президентом Рузвельтом, на которую премьер возлагал большие надежды. Однако военные успехи «оси» только укрепляли «атлантическую солидарность» и делали маловероятной нормализацию отношений США с Японией как участницей Тройственного пакта. 14 июня 1941 г. администрация Рузвельта наложила секвестр на германские и итальянские капиталы; 26 июля та же участь постигла японские капиталы, причем не только в США, но и в Англии. 1 августа США наложили эмбарго на продажу Японии авиационного бензина. Затем была обнародована Атлантическая хартия Рузвельта и Черчилля об «окончательном уничтожении нацистской тирании», хотя Соединенные Штаты в войне еще не участвовали. 17 августа Рузвельт вручил японскому послу в США К. Номура записку с резким осуждением политики Японии, но заявил, что согласен встретиться с Коноэ, если предварительно получит четкое

разъяснение позиции Токио. Все предложения японской стороны были отвергнуты. США требовали эвакуации всех японских войск из Китая и Индокитая, причем не поясняя, распространяется это на Маньчжурию или нет (США не признавали «независимость» Маньчжоу-го). 14 октября военный министр Тодзио на заседании кабинета категорически высказался за прекращение переговоров и против эвакуации войск из Китая, а затем потребовал отставки Коноэ, которая состоялась два дня спустя. 18 октября премьером был назначен Тодзио, сохранивший за собой пост военного министра. Его кабинет (октябрь 1941 – июль 1944 г.) состоял в основном из лично преданных премьеру «технократов» и «бюрократов-реформаторов».

Поначалу Тодзио занял более осторожную позицию в вопросе о войне и мире с Америкой, поскольку император велел ему «начать все сначала». 6 ноября в помощь Номура был направлен опытный дипломат Курусу Сабуро. 5 ноября Императорская конференция приняла два варианта плана урегулирования отношений.

7 декабря был опубликован императорский эдикт о начале войны, мотивировавший это решение необходимостью противостояния политике США, Англии и режима Чан Кайши: «В создавшейся в настоящее время обстановке наша Империя в целях своего существования и самообороны не имеет другого выхода, как прибегнуть к оружию и уничтожить все препятствия, стоящие на ее пути». 78-я чрезвычайная сессия парламента (15-17 декабря) полностью одобрила избранный курс. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США и заключили соглашение о совместном ведении войны. Конфликт стал мировым.

Послевоенная официальная историография возложила всю ответственность за начало войны на Тихом океане на Японию, как в Европе – на Германию и Италию. Однако историки-ревизионисты (преимущественно американские), не снимая с Японии очевидной ответственности, уже с конца 1940-х годов доказали следующее: руководство США считало своей главной стратегической задачей вступление

в войну против стран «оси» для поддержки Великобритании, но, вынужденно считаясь с изоляционистски настроенным общественным мнением, избрало путь к войне «с черного хода». Проводя подчеркнуто жесткий курс, оно усиливало имевшийся антагонизм в отношениях двух стран, что в результате сыграло на руку наиболее воинственно настроенной части японской военной и политической элиты.

3.2. Японская модель развития в современном мире

После сокрушительного поражения во Второй мировой войне и принятия безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. демократизация всех сфер жизнедеятельности японского общества, которая осуществлялась в условиях оккупации Штабом оккупационных войск США (ШОВ), оказалась единственным способом сохранить власть в руках правящей элиты, провести комплексные системные реформы и создать базу для ускоренного развития. Можно сказать, что демократия была привнесена в страну «силовыми методами», поскольку в отношении поверженного противника США определили курс на демилитаризацию и демократизацию. За этой глобальной стратегической целью, безусловно, стояло стремление уничтожить конкурента.

Условия оккупации сыграли определенную позитивную роль в подготовке и проведении поистине революционных для Японии преобразований. Жесткие действия оккупационных властей, которые они могли позволить себе безжалостно вести, ибо это была чужая страна, обеспечили радикализм реформ и проведение их в сжатые сроки. В первые послевоенные годы политическая стабилизация, столь необходимая для нормализации жизни общества, не всегда проводилась демократическими средствами, но, в конечном, счете, все это работало на достижение поставленных целей. Безусловно, любая оккупация не может быть благом, ибо даже при всех позитивных последствиях она ущемляет чувство национальной гордости и сказывается на мироощущении народа.

Однако не только и не столько обязаны японцы оккупационным властям успехами демократических реформ. Они прошли успешно в значительной мере благодаря тому, что отвечали направлению, которым пошла сама Япония. Политическая элита понимала, что страна не может выжить экономически иначе, как на основе мирной внешней торговли, а потому резко изменила политический и экономический курс. При этом было разделение функций между оккупационными и японскими властями. Первые определяли содержание реформ, вторые проводили их в жизнь и отвечали за конкретные мероприятия. Поэтому у населения не возникало чувства неприятия реформ как чего-то чужеродного, и это в значительной степени содействовало успеху их проведения. Такое восприятие кардинальных перемен в обществе во многом шло в русле японской традиции – примата общественных интересов и беспрекословного принятия действий государственной власти.

Практически все основные преобразования были успешно проведены за неполные пять лет, а новый тип земледелия был создан всего за два года. Все реформы были радикальны, имели антимонопольную, антитоталитарную, демократическую направленность. Они стали поворотным пунктом в истории страны и, несомненно, стоят в одном ряду с мэйдзийскими реформами 70-90-х годов XIX в. Как и в то время, они явились результатом целенаправленной деятельности правящей элиты, приоритетом национальной политики.

Юридической базой для мирной модели модернизации страны стала Конституция 1947 г., самая демократическая в мире, с уникальной 9-й статьей, согласно которой «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации». Ее особенностью являлось признание императора «символом государства и единства народа», то есть сохранялась преемственность государственности. Демократические принципы, гарантированные конституцией, стимулировали инициативу, проявление способностей, предприимчивости, содействовали активизации экономической и обще-

ственной жизни. Особенно важным для развития, прежде всего, экономики был отказ Японии от войны как средства разрешения международных конфликтов. Прямым следствием этого стал исключительно низкий уровень военных расходов (в пределах 1% ВВП), что дало возможность производительно использовать все имеющиеся в стране финансовые, материальные и человеческие ресурсы.

Осуществленные преобразования явились фундаментом «экономического чуда» и последующего успешного развития. Несмотря на почти десятилетнюю деформацию народного хозяйства, что было связано со ставкой на военную силу, сохранялась в неизменном виде его основа – частная собственность, что позволило с наименьшими издержками осуществить серьезные перемены.

В первую очередь следует выделить изменение системы японского предпринимательства, а именно роспуск дзайбацу – корпораций с архаической организацией, господствовавших в экономике. Восстановленные впоследствии многие корпорации уже не имели прежней власти, их организация стала более гибкой, а связи – подвижными. Произошло некоторое перераспределение капитала, начался процесс образования современных финансовых групп, которые вступили в соперничество друг с другом. Жесткая конкурентная борьба положительно влияла на накопление капитала и рост производительности труда. Она привела наряду с другими факторами к высоким темпам роста и до сих пор является одной из основ японской экономической структуры на всех уровнях предпринимательства.

Программа экономической стабилизации и налоговая реформа ознаменовали окончательный выход из послевоенной разрухи, ибо помогли запустить в полной мере деятельность рыночных механизмов. На основе резкого сокращения всех видов государственных субсидий и ликвидации компенсационных выплат был достигнут сбалансированный бюджет, над его расходной частью установлен контроль Банка Японии. Компании начали получать кредиты частных банков, был снят контроль над внутренней торговлей. Частные ком-

пании получили право заниматься внешней торговлей, но сохранялась строгая система квотирования импорта и получения валюты.

Налоговая реформа проводилась таким образом, чтобы бремя выплат не вело к сокращению промышленного потенциала. Этот принцип соблюдался правительством и в дальнейшем, способствуя накоплению капитала, создавая прочную основу развития экономики. Процесс ломки системы контроля и субсидирования был, безусловно, весьма болезненным для широких масс. Однако программа экономической стабилизации дала свои результаты. К апрелю 1950 г. была сокращена денежная эмиссия, бюджет стал бездефицитным, средний уровень потребительских цен снизился на 10%, цены черного рынка упали на 1/3, рост заработной платы в среднем по промышленности составил 14%, резко снизилась инфляция, которая полностью была преодолена в 1952 г.

Среди послевоенных преобразований трудно переоценить значение земельной реформы. В ходе ее государство выкупило землю у помещиков и продало крестьянам, в первую очередь бывшим арендаторам. Плата была невысокой – 0,1 га стоил примерно столько же, сколько и несколько килограммов риса, а инфляционный рост цен делал выкупные платежи вполне доступными. Аграрные преобразования создали благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Уже в начале 50-х годов уровень производства достиг довоенной отметки, а к 1960 г. страна почти полностью обеспечила себя основными продуктами питания. Земельная реформа благотворно отразилась на народном хозяйстве в целом. Она способствовала расширению внутреннего рынка как на основе производственного, так и личного потребления крестьян. За короткий срок был создан широкий слой мелких и средних собственников. Одновременно решались проблемы пополнения рабочей силой развивавшихся быстрыми темпами отраслей промышленности и сферы услуг.

Ряд мероприятий внес серьезные коррективы в сферу труда и социального обеспечения; реализация новых законов о труде создала

основу для улучшения условий работы и жизни трудящихся, повышения их доходов. Все это положительно влияло на рост производительности труда, совершенствование производства, увеличение личных сбережений, что, в свою очередь, вело к повышению нормы накопления и росту производства. Введение трудового законодательства, в том числе законов о профсоюзах, изменило довоенный тип трудовых отношений, в основе которых лежала патерналистская концепция «корпорация заменяет семью для работника», происходил переход от конфронтационной модели отношений к социальному партнерству и социальной гармонии. Важной составной частью экономических преобразований явилась реформа системы образования, которая помогла, прежде всего, подготовить квалифицированных работников, что было остро необходимо для модернизации и технической перестройки народного хозяйства.

В результате проведения реформ Япония пошла по пути развития, сблизившего ее со странами Запада. Быстрая замена после войны старых социально-экономических и политических структур демократическими оказалась единственно правильным путем подъема страны. Послевоенные реформы стали водоразделом исторического развития Японии, фундаментом сегодняшних успехов. Страна прошла несколько этапов развития и сейчас переходит к новой модели информационного общества.

Наиболее важным был этап высоких темпов экономического роста. В истории Японии его можно определить достаточно точно хронологически (середина 50-х – начало 70-х) не только в области экономики, что естественно, но и политики, как внутренней, так и внешней, ибо происходившие в это время процессы имели вполне законченный характер. Развитие экономики в этот период превратило Японию из страны среднего уровня развития в высокоиндустриальную, одну из крупнейших промышленно развитых. 1955 г. – отправной пункт высоких темпов роста, знаменателен полным восстановлением уровня довоенного развития, в том числе и размера национального

дохода в расчете на душу населения. В конце 60-х годов Япония вышла на второе место в мире (после США) по объему промышленного производства (без учета потенциала СССР). Существенно изменилась структура промышленности: стали доминировать тяжелые и химические отрасли. Серьезные изменения произошли в сельском хозяйстве. Однако уровень его развития был еще низок как по сравнению с промышленностью, так и с сельским хозяйством других развитых стран.

Высокие темпы роста были обусловлены макро- и микроэкономическими факторами: высокой нормой накопления и соответственно исключительно высоким приростом капиталовложений; целенаправленным государственным регулированием, дифференцированным и прогрессивным налогообложением; выгодным валютным курсом; поощрительными правительственными субсидиями; строгим контролем над внешней торговлей, а также экспортной ориентацией ряда отраслей промышленности; незначительной долей военных расходов; внедрением научно-технических достижений и пр. Немаловажное значение имели всеобщая грамотность, использование исторически сложившихся традиций, в частности, отношения к производству со стороны рабочей силы.

Следует заметить, что развитие народного хозяйства происходило, главным образом, за счет экстенсивных факторов роста, сложилась энерго- и материалоемкая структура производства в промышленности, значительно увеличилось число занятых. Большие успехи, а также фактическое отсутствие безработицы, достижение положительного сальдо платежного баланса не могли перекрыть отрицательного воздействия ряда старых и вновь возникших проблем, более того, быстрое экономическое развитие не сопровождалось адекватным улучшением жизни людей, формированием благоприятной жизненной среды.

Все эти проблемы потребовали перестройки промышленности, перехода к новому типу развития, при котором на первый план выходят интенсивные факторы роста. В стране стали разрабатывать соот-

ветствующие программы. Но предполагаемый эволюционный путь к новой модели был прерван изменением условий воспроизводства: повышением официального курса иены в отношении доллара в 1971 г. и установлением так называемого плавающего курса; резким увеличением цен на сырье, прежде всего на нефть. Нефтяной шок привел к экономическому кризису 1973-1974 гг., который переплелся со структурным кризисом и захватил весь мир, но именно в Японии он был самым глубоким и продолжительным. Это был конец периода высоких темпов роста, но отнюдь не конец «японского чуда», несмотря на серьезные экономические потрясения, японцы психологически оказались адаптированными к новым реалиям.

После кризиса начался энергичный переход на новую, интенсивную модель развития. Основу этого процесса составляли информатизация, софтизация и сервизация. Это предусматривало интенсификацию материального производства, сокращение числа занятых, внедрение новейших технологий, переключение внимания с количественных показателей на качественные. Бывшие базовые отрасли, оказавшиеся структурно больными, сократили объем производства и провели реконструкцию предприятий. Одновременно во много раз выросли наукоемкие, высокотехнологичные производства. Именно достижения в этих отраслях явились залогом экономического процветания. По уровню научно-технического потенциала Япония находится в ряду ведущих стран мира.

Япония играет важную роль в международном разделении труда и процессе интернационализации экономики. Сохранив передовые позиции в ряде традиционных отраслей промышленности, она стала одним из ведущих поставщиков продукции с высокой добавленной стоимостью, прежде всего электроники, новых композиционных материалов, тонкой керамики, волоконной оптики. Качественные характеристики японской продукции в основном выше, чем зарубежной, что обеспечивает высокую конкурентоспособность ее товаров. Быст-

рыми темпами возрастает значение Японии и как международного финансового центра.

Важным фактором поступательного развития являлось сохранение консерватизма в политической сфере. Под ним подразумевается, прежде всего, обеспечение высокой стабильности в обществе в условиях динамичного развития. Радикальные настроения первых послевоенных лет достаточно быстро утратили свою привлекательность в глазах широких слоев населения. Созданная в 1955 г. политическая система демонстрировала на протяжении десятилетий завидную стабильность.

Эта система сложилась в результате стремительного усвоения достижений западных стран, но имеет специфические черты, которые выделяют ее в общемировом ряду. Одна из этих черт – долголетнее, единоличное нахождение у кормила власти Либерально-демократической партии (ЛДП), обеспечивающее, в частности, определенное превалирование исполнительной власти над законодательной. Парламент в Японии не столь влиятелен, как, например, аналогичный орган в Англии или конгресс в США. Драма, «разыгрываемая» в парламенте, в силу особенностей японской политической культуры (когда решения принимаются путем кулуарных переговоров, согласований, увязок и утрясок мнений различных групп, в результате чего достигается консенсус), пишется вне этой общенациональной сцены, в парламентских, партийных и правительственных кабинетах, что делает ее практически недоступной для публичного контроля.

Несмотря на единоличное правление ЛДП, японское общество выглядит в целом плюралистическим, поскольку в нем свободно действуют различные политические партии и объединения, и каждая политическая сила занимает свою нишу. Однако стоит заметить, что в стране никогда не было оппозиции, равновеликой правящей партии. В парламенте она, как выразился известный политолог К. Вольферен, по большей части играла роль хора в греческой трагедии. Несмотря

на большинство мест в парламенте, ЛДП старается избегать лобовых столкновений с оппозицией и предпочитает достигать консенсуса. За годы правления ЛДП сменилось два десятка премьер-министров, но и политическая система, и генеральный политический курс оставались неизменными, ибо во власти оставалась одна и та же консервативно ориентированная элита. Недаром японскую демократию иногда характеризуют как «демократию караоке», имея в виду, что исполнители меняются, а песня остается.

Япония является одной из ведущих индустриальных демократий и полноправным членом западного сообщества. Для страны, которая не является постоянным членом СБ ООН, не входит ни в НАТО, ни в Евросоюз, участие в Совещании руководителей государств и правительств восьми промышленно развитых стран является, пожалуй, единственной масштабной возможностью активно подключиться к механизму выработки и принятия решений по вопросам глобальной стратегии, использовать свое влияние как одной из ведущих промышленно развитых стран на ход мировых процессов. Кроме того, это позволяет в определенной степени удовлетворить ее амбициозные притязания представлять интересы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), укрепляя тем самым свои позиции как азиатского лидера. До сих пор Япония является мощным центром притяжения для азиатских стран, источником получения капиталов и высоких технологий, крупнейшим рынком сбыта для динамично развивающихся стран этого региона.

До начала 90-х годов Япония демонстрировала удивительные адаптационные возможности своей экономики, которые позволяли ей находить выходы из, казалось бы, неразрешимых ситуаций. Как уже говорилось, она успешно сменила модель экономического роста, на которой базировалось предыдущее развитие страны, а именно, ориентация на вертикальные формы участия в международном разделении труда, осуществление экономии на масштабах производства, освоение передового научно-технического опыта, высокий уровень госу-

дарственного регулирования. К середине 80-х годов Япония вошла в самый длительный период оживления и подъема. Экономический рост сопровождался повышением жизненного уровня населения, отсутствием социальных конфликтов, устойчивостью политической системы. Стабильность стала ключевым понятием японского общества.

Небывалая внешнеэкономическая экспансия второй половины 80-х годов позволяла японским компаниям на деньги, полученные от экспортных операций, буквально скупать по всему миру, но в первую очередь в США, фирмы (например, «Бридж-стоун»), недвижимость (Рокфеллер-центр или «Коламбия пикчерз»), произведения искусств (в частности, картину Ван-Гога «Подсолнухи»), ценные бумаги. Резко возрос и импорт. Стремительный рост курса иены в совокупности с многократным увеличением стоимости активов в одночасье сделал японцев как бы вдвое богаче, и они начали приобретать больше всех в мире золота, платины, драгоценностей, престижных автомобилей и других предметов роскоши. На протяжении последних четырех десятилетий Япония накопила огромное количество государственного и частного богатства. Она создала и распространила благосостояние практически на все общество. С каждым годом население все больше довольно постоянно растущим жизненным уровнем, о чем свидетельствует тот факт, что свыше 90% японцев относят себя к среднему классу.

В соответствии с успешным развитием экономики определялись и задачи внешнеполитической деятельности Японии. Если в 70-е годы основной целью было обеспечение экономических интересов страны и укрепление ее внешнеторговых позиций, то к началу 80-х большее значение придавалось повышению ее политического статуса в решении глобальных проблем, то есть четко обозначилась тенденция перехода от преимущественно экономической дипломатии к диверсифицированной. Во многом это была адекватная реакция на достаточно четко обозначившийся процесс глобализации.

В это время среди японской политической элиты укрепляется точка зрения о необходимости расширения участия в глобальной политике, осознание того, что нельзя ограничиться только экономической ролью, если страна хочет реально влиять на выработку согласованных решений. Стремясь занять место в мировой политике, соответствующее экономическому потенциалу, в целом поддерживая политику США, Япония активизирует свое участие в работе организаций промышленно развитых стран и различных экономических и миротворческих программах ООН. Это соответствует четко обозначенной политике многосторонней дипломатии.

Успешное преодоление японской экономикой трудностей 70-х годов и устойчивый безынфляционный рост в последующее десятилетие, положение крупнейшего кредитора на мировом рынке капитала способствовали крайне завышенной самооценке и, что особенно важно, породили ожидания еще большего, практически безграничного процветания экономики в 90-е годы. Но такие прогнозы были не только внутри страны. Во всем мире считалось, что XXI век будет веком Японии. Но надежды не оправдались, более того, страна пережила серьезный кризис и вошла в период затяжной депрессии.

Причины сложного положения в экономике в последнее десятилетие XX в. относятся к предшествующему периоду, когда некоторые параметры ее структуры и особенности хозяйственного уклада постепенно переставали соответствовать условиям открытой экономики. Основу предпринимательской структуры составляли горизонтальные и вертикальные объединения. Первые – это крупные корпорации с головными банками и универсальными торговыми компаниями, связанными между собой перекрестным владением акциями. Вторые – так называемые кэйрэцу – представляют собой объединения крупных фирм в той или иной отрасли промышленности со средними и мелкими предприятиями в единую группу, связанную субподрядными отношениями, а также путем владения акциями, предоставления технологий, командирования персонала, оказания финансовой

помощи и других услуг. Это – специфическая японская структура, которую можно графически изобразить в виде треугольника, на вершине которого находится головная компания, а средние и мелкие фирмы располагаются на различных уровнях, наибольшее их число оказывается в основании треугольника. Особые отношения для поставщиков и сбытчиков в рамках кэйрэцу подчас затмевают такие важнейшие факторы, как эффективность, цена и продукция.

Но что особенно надо отметить, так это известную закрытость структуры корпораций и банков, непрозрачность их финансовой отчетности (отсутствие, в частности, публикаций консолидированных балансов), патернализм со стороны министерства финансов, практику «административного руководства», «групповую» ответственность управленцев и т.д. Все это ограничивает нормальное функционирование рынка акций и капитала. Не менее специфическими являются в стране и методы управления трудом – система пожизненного найма, оплата наемных работников в соответствии с выслугой лет и существование так называемых пофирменных профсоюзов (одно предприятие – один профсоюз), что препятствует мобильности рабочей силы.

Такое положение затрудняло нормальное функционирование настоящего рынка акций и капитала. Фактически действовала не рыночная конкуренция, а наблюдалось манипулирование рынком. Точнее говоря, было сочетание рынка и регулирования, работала отлаженная система, в которой рынок служил инструментом наиболее эффективного развития экономики, когда четко определялось все необходимое и резко отсекалось нее, что мешало целям развития.

Подобная система эффективно действовала в период высоких и средних темпов экономического роста, когда Япония развивалась по модели «догоняющего развития», когда есть уже готовые схемы развития других промышленно развитых стран, имеются в наличии продвинутые технологии, когда можно заимствовать доказавшие свою эффективность экономические институты. Все это осуществлялось при активном участии государства в социально-экономическом про-

цессе. В этих условиях правительство активно определяло приоритеты, разрабатывало программы, формулировало концепцию развития и, что особенно важно, успешно претворяло все это в жизнь.

В то же время сосредоточение усилий на развитии экспортно ориентированных отраслей при сохранении протекционистской политики в сфере внутреннего рынка, то есть преднамеренное ограничение конкуренции, привело к снижению общего уровня производительности, углубило отраслевые диспропорции, вызвало разрыв между ценами внутреннего и мирового рынка. Таким образом, то, что в свое время было двигателем ускоренного развития, стало теперь, в условиях зрелой экономики и интернационализации всей хозяйственной жизни, тормозом. В настоящее время эта система не может обеспечить эффективное распределение капитала, труда, земли и технологий, поскольку в развитой и открытой экономике правительство уже не знает всех необходимых направлений развития хозяйства в целом.

В 90-е годы Япония встала перед лицом выработки новой модели развития. В середине десятилетия кабинет Рютаро Хасимото выступил с инициативой проведения глубоких системных преобразований, провозгласив курс «шести больших реформ»: административной, бюджетной, финансовой, экономической структуры, системы социального обеспечения, образования.

Фактически потребовалась структурная перестройка системы, которая в свое время создала эффективную промышленную базу, в такую, которая могла бы поддерживать зрелую и динамичную экономику, отягощенную старением населения. Патерналистская система с регулирующей ролью государства, которая создала индустриальную базу страны, не подходила для динамичной предпринимательской культуры высоких технологий.

Япония больше не могла опираться только на промышленное производство для поддержания своей мощи, ибо ее азиатские соседи предлагают аналогичную продукцию по более низким ценам. Кроме того, японские потребители дали первоначальный стимул экономиче-

ского развития этих стран, побудив экспортировать товары местного производства. Другими словами, Япония открыла для них свой емкий внутренний рынок. Однако в настоящее время постепенно сокращается потребление по мере снижения расходов в японском секторе домашних хозяйств. Эксперты полагают, что Япония, этот локомотив азиатского показателя, со скрипом останавливается. Падение курса иены по отношению к доллару означает, что иеновые кредиты будут сокращаться в долларовом выражении. С уменьшением размеров экономической помощи Японии соседям связи между японским локомотивом и остальной Азией будут рваться.

Кроме того, в сфере высоких технологий, в ряде секторов услуг она отстает от США (например, уровень использования Интернета японскими семьями в два раза меньше, чем в США). Поэтому Япония планирует создать в XXI в. «общество, основанное на знаниях», провести реструктуризацию корпораций (при помощи дерегулирования и расширения конкуренции с иностранными партнерами) и активно вводить промышленные инновации. Другими словами, коренным образом меняется экономическая система, которая характеризовалась «безразличием» к прибыли на вложенный капитал и находила выход из сложных ситуаций затратным путем. Страна медленно, но верно переходит от государственного контроля к свободному рынку.

В 90-е годы Япония начала коренное реформирование практически всех сфер жизнедеятельности общества и в связи с этим в мире заговорили о «новом», третьем открытии Японии, или о новой «реставрации» по типу реставрации Мэйдзи (1868 г.), когда начался период коренных реформ, открывших путь ускоренной модернизации страны. Вторым «открытием» считаются послевоенные системные реформы в условиях тотальной демократизации общества. Теперь Япония, как высокоразвитая страна, сама должна предложить миру лучшую модель развития, для чего необходимо задействовать все не востребованные ранее, находящиеся в латентном состоянии силы. Нужна новая социально-экономическая концепция, поскольку ни

японская патерналистская система при руководящей роли государства, ни безусловное заимствование американской разновидности капитализма уже не соответствуют динамичной предпринимательской культуре в условиях бурного развития высоких технологий. При этом, как всегда, Япония даже в условиях глобализации сохраняет свое право на «суверенное» решение, что из опыта Запада подходит для нее.

Нынешние реформы в большей степени детерминированы внутренними потребностями экономики. В них заинтересован, прежде всего, крупный бизнес, но их проведение обеспечит новые рабочие места, увеличит потребительский спрос и создаст базу для дальнейшего развития. Другими словами, рубежи поиска путей развития лежат внутри страны, и необходимость этого признает все японское общество. Однако пока Япония успешно функционирует на мировых рынках, побуждение реформ должно было вызреть в недрах ее экономики, и их проведение лимитируется тем, угрожают они или нет стабильности общества.

На этом фоне в последнее десятилетие появилась довольно любопытная тенденция, проявляющаяся в том, что все больше японцев опасаются за свое будущее. Согласно опросам общественного мнения, снижается число тех, кто верит, что в будущем жизнь станет лучше, и увеличивается число уверенных в обратном. В конце XX в. каждый третий из четырех опрошенных, то есть 72,2%, полагали, что Япония движется в сторону ухудшения положения. Складывается парадоксальная ситуация: люди желают кардинальных перемен, с тем чтобы они помогли им сохранить status-quo.

Реформы уже заявлены, но идут вяло. Пока что мощная основа японского народного хозяйства вплоть до настоящего времени предотвращает угрожающее положение, в котором оказались экономики более легковесных развитых азиатских стран. В принципе этот же фактор позволял откладывать в дальний ящик давно назревшие реформы. Политическая элита не спешила с принятием непопуляр-

ных экономических мер, поскольку от старта реформ до их успешной отдачи лежит достаточно непростой путь. Революционные перемены в экономике не обеспечат немедленный рост.

Переломным моментом для всей японской экономики стал крах в 1989 г. так называемого «мыльного пузыря» (термин ведет происхождение от скандала, разразившегося в Англии в XVIII в. вокруг спекуляции с акциями «Саус Си Компани»). Это специфический механизм экономического развития на основе повышения цен на акции и землю, оторванного от их реальной доходности, на фоне либерализации и интернационализации финансовой сферы. Спекулятивный характер экономического бума абсолютно не был связан с деятельностью реального сектора экономики. Эффект роста богатства стимулировал чрезмерное потребление, особенно предметов роскоши, которые приобретались в кредит. Многие рядовые японцы попытались принять участие в биржевых операциях, именно они особенно и пострадали от краха «мыльного пузыря».

Создававшаяся от спекулятивных сделок огромная денежная масса концентрировалась на рынке земли и финансовом рынке, но при изменении условий спроса вся «лишняя» денежная масса отчасти хлынула на рынок товаров и услуг, создавая сильное инфляционное давление, но в большей степени эти «лишние» деньги остались омертвленными в запасах. Другими словами, излишние размеры платежных средств «растаяли», и «мыльный пузырь» лопнул. Общая стоимость акционерного капитала за 1990-92 гг. упала на 60%, то есть каждые вложенные в акции 100 иен стоили теперь 40 иен. Общее падение цен на землю составило 15-20%. В целом снижение рыночной цены совокупных финансовых активов соответствовало размеру валового внутреннего продукта более чем за два года.

Больше всего пострадали японские банки, которые внезапно обнаружили, что предоставлявшиеся ими без серьезной проработки кредиты своим промышленным компаниям привели к образованию огромных сумм «плохих» долгов, то есть тех, которые эти компании

не в состоянии вернуть. Точные размеры невозвратных долгов никому неизвестны, в предоставленных данных большой разницей. Но и после краха «мыльного пузыря» банки в принципе продолжали игнорировать эту проблему. В 1997 г. сумма безнадежных долгов составила 20 трлн иен, в марте 1998 г. – 27,8 трлн иен, или 5,7% ВВП, а в июне того же года – уже 70-80 трлн иен, или 20% ВВП. В результате начался беспрецедентный кризис банковской системы, приведший к краху одного из крупных общенациональных банков «Хоккайдо такусёку», а затем четвертой по величине компании по операциям с именными бумагами «Ямайти» и резкому снижению рейтингов других банков.

Правительство взяло курс на оздоровление государственных финансов, который был детерминирован опасениями, связанными с продолжающимся «старением общества» и перспективой роста бремени социальных выплат работающей части населения.

На протяжении 90-х годов наблюдалось два спада конъюнктуры – в 1992-93 гг., с замедлением темпа роста ВВП и абсолютным падением промышленного производства, и в 1997-98 гг., с абсолютным падением обоих показателей. В период первого спада правительство решило поправить ситуацию, расширив внутренний спрос путем дерегулирования, которое должно было развязать конкуренцию и увеличить соответственно совокупный спрос. К 1995 г. наметился выход экономики из застоя, но непродуманное решение правительства повысить налог на продажи с 3 до 5% в 1997 г., чтобы поправить финансовое положение, подорвало динамику потребительского спроса и начавшееся частное жилищное строительство.

В период 1992-99 гг. правительство разработало девять крупномасштабных программ стимулирования экономики на общую сумму 1,2 трлн долл. Оживление экономики в первой половине 1999 г. было очень умеренным и обеспечивалось благодаря государственным усилиям. Совокупный спрос рос прямо пропорционально увеличению расходов на общественные работы. Колоссальные расходы на стиму-

лирование экономики в 90-е годы, которые правительство предпринимало для преодоления создавшейся ситуации, привели к значительному бюджетному дефициту (в отношении к ВВП он составлял в 1990-1998 гг. от 1,2 до 4,2%) и большому государственному долгу, который ложится тяжелым бременем на экономику.

Правительство понимало, что в обществе назрела потребность полномасштабной реформы всей управленческой структуры (административного аппарата, государственных финансов, системы общественного предпринимательства, полномочий органов власти, механизма взаимоотношений государства и бизнеса). При этом в экономической сфере оно попыталось совместить продолжение либеральных реформ (прежде всего процесса дерегулирования, который начался еще в 80-е годы) с антикризисным управлением путем расширения государственного участия в экономике. Однако главным направлением реформирования стала финансовая сфера с упором на слияние банков и промышленная сфера с консолидацией предприятий.

Реформа в финансовой сфере опирается на опыт Великобритании, где в середине 80-х годов были проведены мероприятия, получившие название «большой взрыв» («Big Bang»). Они в достаточно короткие сроки привели к возрождению Лондонской фондовой биржи. Задача «Big Bang» в Японии не только оздоровить фондовую биржу и ликвидировать некоторые препятствия на пути проникновения иностранного капитала, но и изменить функционирование всех японских финансовых рынков, включая и банковскую сферу. До настоящего времени большая часть огромных финансовых сбережений страны размещалась в банковском секторе или секторе почтовых сбережений. Затем под низкие проценты при жестком правительственном регулировании они давались в качестве займов государственным предприятиям или компаниям-фаворитам. Теперь же следует стимулировать рынок капитала и ликвидировать многие из ранее господствовавших в промышленности корпораций. Кроме того, фи-

нансовые институты в стране отстают от мирового уровня в плане технологий и финансового опыта, поэтому они не в состоянии предложить в глобальном масштабе конкурентоспособные услуги.

Реформирование финансовой системы началось в 1998 г. Правительство поставило целью сделать ее более транспарентной, доступной, ослабив контроль над страхованием и операциями с ценными бумагами, предоставляя скидки по налогам для корпораций и ограничив регуляторские полномочия министерства финансов, создав для этого комиссии по финансовой реконструкции, финансовое контрольное управление и прочее. Необходимо было преломить тенденцию к падению роли Токио как мирового финансового центра и придать динамизм финансовым рынкам страны на основе трех главных принципов: «свобода», «честные правила игры», «глобализация». Затем правительство активно занялось проблемой ликвидации «плохих» долгов, формируя пакет мер по финансовой поддержке банков, включая финансирование их капитальной базы. Одни банки были национализированы, другие закрыты, третьим предлагалось объединиться в обмен на получение государственных фондов. Число крупных японских банков снизилось с 21 до 15, предполагается сократить их до 10. Усиление конкуренции в финансовом секторе заставляет японские фирмы, привыкшие жить в тепличной обстановке, создаваемой государственным протекционизмом, усиливать деловую активность.

За несколько лет иностранные брокеры захватили почти 40% рыночной доли на Токийской фондовой бирже, а американская компания «Голдман Сакс» за три года стала в Японии шестой по величине компанией по управлению взаимными фондами. В 1998 финансовом году прямые иностранные инвестиции составили 10,5 млрд долл., из которых 3,6 млрд долл. пришлось на банковско-финансовую сферу, причем 60% – доля США. Например, под контроль инвестиционной компании «Меррил Линч» попала значительная часть сети брокерских отделений инвестиционного банка «Ямайти». Малоиз-

вестная американская финансовая структура «Риплвуд» подчинила себе Японский банк долгосрочного кредитования – один из крупнейших в стране (актив 102 млрд долл.). Иностранные инвесторы владеют более 30% акционерного капитала на 27 японских фирмах, акции которых котируются на Токийской фондовой бирже.

Другими словами, вторая мощнейшая экономика в мире впервые в значительных масштабах открывается для зарубежных инвесторов. Однако иностранные прямые инвестиции, несмотря на большой потенциал для себя на японском рынке, по-прежнему встречаются со многими трудностями, и совокупная стоимость всех сделок в 1998 г. составила менее 1% ВВП Японии (в США этот показатель более 10%). Иностранные финансовые группы не только создают в Японии собственное производство, но и скупают акции некоторых японских корпораций, что еще недавно считалось невозможным. Приобретение французской компанией «Рено» 36,8% акций корпорации «Ниссан» или «Бритиш телеком» совместно с американской «Эй ти энд Ти» 30% акций «Джапан телеком» произвели весьма сильное впечатление в мире, ярко продемонстрировав, что и в Японии возможен переход собственности из рук в руки, причем иностранные. Но на этом пути перед ними встают большие трудности, вызванные разными культурными традициями и особенностями менталитета японцев. Однако японские корпорации вынуждены обращаться к иностранным инвестициям из-за резкого падения прибыльности, нежелания банков кредитовать их без обеспечения им прибыли на предоставленные кредиты и изменения системы регулирования.

Необходимость проведения структурных реформ в стране многие понимали, но только с приходом Коидзуми Дзюнитиро во власть (третий политический долгожитель на политическом Олимпе страны, где срок пребывания на высшем посту председателя ЛДП и соответственно премьер-министра в настоящее время определен тремя годами, но не более двух раз) начинается их активное продвижение. Он сразу же обнародовал программу трансформации государственного

управления на основе приватизации и дерегулирования, введения новой налоговой системы, решения проблемы безнадежных долгов банков, взятия под контроль бюджетного дефицита, освобождения от мелочной опеки органов местного самоуправления, сокращения общественных работ и перетряски сектора специальных общественных корпораций. Другими словами, провозгласил курс на проведение структурных реформ.

Было ясно, что традиционные методы закачивания огромных бюджетных средств в общественные работы ради временного улучшения экономической ситуации только увеличивают бюджетный дефицит. Но никто в правительстве ничего не хотел менять, не предлагал альтернативные меры, дабы не вступать в конфликт с воротилами строительного бизнеса, которые всегда оказывали мощную финансовую поддержку правящей ЛДП, точнее говоря, старой партийной гвардии. Сокращение расходов на общественные работы лишало их мощного источника влияния на электорат. Приватизация почтовой службы, которая стала любимым детищем премьера, должна была нанести по ним еще один удар.

Почтовая служба в Японии, помимо прямых обязанностей, выполняет функции сберегательной кассы и страховой компании. Собирая огромные средства, она является крупнейшим в мире финансовым учреждением, сосредоточившим четверть денежных активов домашних хозяйств страны. На настоящий момент фонды этой службы оцениваются в 3 трлн долл. С помощью этих средств формируется фактически второй государственный бюджет путем покупки пакетов облигаций центрального правительства и органов местного самоуправления и пр., то есть экономическое влияние этой службы сильно.

Суть предпринятых Коидзуми преобразований – передача частному бизнесу максимума полномочий за счет свертывания доли государственного участия в региональных и экономических процессах. Приватизируя почтовую службу, он хотел решить несколько про-

блем, а именно покончить с монополией этой службы, что должно было отразиться на качестве предоставляемых ею услуг, сделать равными стартовые возможности для всех, кто хочет работать в этом бизнесе, перекрыть или хотя бы затруднить доступ к средствам почтовой службы тех в ЛДП, кто лоббирует интересы этой службы и прикармливает за ее счет своих избирателей. Почтовая служба – это незыблемая твердыня власти ЛДП, поскольку направляет под ее контроль огромные финансовые потоки.

Приватизация почтовой службы предусматривала расчленение ее на несколько учреждений: собственно почту, страховую компанию, сберегательную кассу. Эти планы встретили явное и скрытое сопротивление внутри ЛДП, что грозило затянуть реформирование этой службы на долгие годы, тем более что решено его начать в 2007 году и растянуть на 10 лет, доведя процент государственной собственности до 30%.

Напомним, что на протяжении всей пятидесятилетней истории правящей партии борьба фракций шла за контроль над финансовыми потоками, на которых покоится механизм власти либерал-демократов. Фракционная структура ЛДП, которая обусловлена поддержкой той или иной группы политиков различными финансовыми структурами, привела к симбиозу политиков, бюрократов и бизнеса. Борьба между фракциями происходит не на идеологическом или доктринальном уровне. Это борьба за право в данный момент возглавить партию и правительство. На протяжении десятилетий фракции сменяли друг друга в руководстве партии, и, казалось, власть демократическим путем переходит от одной группировки к другой. Но в соответствии с японской системой принятия решений движение к достижению согласия идет путем компромиссов, а обществу предлагается уже готовое решение, поэтому внутрипартийная жизнь практически была недоступна для публичного контроля. Такой характер отношений между фракциями давал возможность правящей элите относительно свободно маневрировать в случае необходимости. Такому по-

ложению дел бросил вызов Коидзуми, выдвинув знаменитый слоган «Изменим ЛДП. Изменим Японию».

Проведение заявленных реформ должно было помочь Коидзуми изменить политический ландшафт внутри ЛДП, для чего следовало, прежде всего, сплотить тех, кто желал перемен, и выступить против доминировавшей основной фракции Хасимото. Сопротивление противников проведения реформ было весьма значительным и без его преодоления невозможно было движение вперед. Но, как бы то ни было, он начал проводить реформы, опираясь, безусловно, на свою партию, поскольку главная оппозиционная демократическая партия не предложила альтернативы. Наличие в рядах ЛДП своих «левых» и «правых», несомненно, затрудняет выработку четкого и ясного видения неотложных проблем.

Используя мощный экономический потенциал страны и проявив незаурядную политическую волю, кабинет Коидзуми начал выводить экономику страны из стагнации. Пути решения стоящих перед страной проблем были отражены уже в бюджете на 2001/02 финансовый год: увеличены ассигнования на образование и научные исследования, прежде всего на развитие информационных технологий, на решение проблем окружающей среды, социальное страхование, создание новых рабочих мест и содействие трудовой мобильности.

Особенностью развития экономики в начале XXI века стал рост внутреннего спроса на товары и услуги. До этого главным фактором был рост экспорта в США и бюджетные стимулы в виде инвестиций в общественные работы. С 2004 г. четко обозначился экспорт, направляемый в страны Азии, и частные инвестиции в основной капитал, а расходы на общественные работы, показавшие свою неэффективность, стали сокращаться. Отказ от стимулирования спроса путем бюджетных вливаний – новая составляющая экономической политики. За последние семь лет впервые увеличилось число занятых полную рабочую неделю. Несколько снизилась норма безработицы. По-

степенно растет заработная плата и соответственно потребительский спрос.

Другой особенностью подъема является возвращение производственных мощностей в страну. Одна из причин такой тенденции – повышение уровня зарплаты за границей, в частности в КНР, неразвитая там инфраструктура и трудности в защите прав интеллектуальной собственности. Фирмы располагают конкурентоспособными новинками, которые предпочитают теперь выпускать дома. Появился целый набор новых технологий (жидкокристаллические и плазменные панели для телевизоров и компьютеров, материалы с использованием нанотехнологий, новые лекарственные препараты и т.д.). Фирма «Кэнон», например, открыла новое предприятие по производству цифровых фото- и видеокамер и, несмотря на высокий уровень трудовых издержек, сумела получить в 2004 г. прибыль в размере свыше 5 млрд долл.; «Мацусита» построила завод по производству плазменных панелей; «Тойота» ввела новые производственные линии на своих заводах в Японии.

Продолжаются реформы в банковском и корпоративном секторах. В декабре 2004 г. была принята «Программа о дальнейшей финансовой реформе». В соответствии с ней предполагается уделять повышенное внимание капитализации банков, оптимизации оценки возвратности кредитов, повышению доходности активов в корпоративном секторе, усилению конкурентоспособности продукции, содействию притоку прямых иностранных инвестиций и уменьшению протекционизма в аграрном секторе. Однако сохраняются дефляционные тенденции, остается большой внутренний долг, незамедлительного решения требуют процессы старения населения и иммиграции. Но, как считают специалисты, при последовательном проведении структурных реформ вполне реально увеличение темпов экономического развития. В целом экономическая ситуация начала XXI века свидетельствовала о том, что команда Коидзуми взяла правильный старт.

4. СТРАНЫ СРЕДНЕГО ВОСТОКА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

В начале XX в. все три страны Среднего Востока делают первые шаги на пути самостоятельной социальной и экономической политики. Характерно, что в этот период, несмотря на преобладание исламского мировоззрения в общественном сознании населения этих стран, никаких попыток провозглашения в них исламского социально-экономического курса правящими режимами не предпринимается. В условиях укрепления независимости новое руководство, проводя целенаправленную политику по ограничению влияния иностранного капитала и ослаблению его позиций в своих странах, в то же время не пытается порвать с привнесенными извне капиталистическими структурами, а, напротив, предпринимает значительные усилия для их развития и укрепления, не гнушаясь перенимать, а иногда и прямо копировать западноевропейские стандарты, касалось ли это экономического развития, создания современной армии, культуры или быта. Можно сказать, что в этот период руководство стран Среднего Востока в лице М. Кемаля Ататюрка, Реза-шаха Пехлеви и эмира Амануллы по достоинству оценивало достижения западной цивилизации и видело возможность преодоления социально-экономической отсталости своих стран в проведении целенаправленной политики по утверждению в них капиталистического способа производства и западных цивилизационных ценностей. При этом все преобразования как в экономике, так и в общественной жизни, проводились в основном деспотическими, силовыми методами, хотя в Турции и Иране уже начали действовать к этому времени представительные учреждения, то есть парламенты, а при эмире Афганистана – Государственный совет, который состоял как из лиц, назначенных самим эмиром, так и из избранных населением представителей.

Наиболее глубокие реформы и преобразования были осуществлены в этот период *в Турции* в результате кемалистской революции, изменившей весь облик турецкого государства и поменявшей форму его государственного устройства. В апреле 1924 г. в стране

была принята Конституция, провозгласившая Турцию республикой. Высшим органом в государстве стало Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) – турецкий парламент. После этого в стране начались серьезные преобразования, существенно подорвавшие сохраняющиеся в стране феодальные пережитки и послужившие толчком для ее дальнейшего динамичного развития.

Одним из первых декретов правительства в стране была введена европейская форма одежды. Все государственные служащие обязывались носить шляпу, быть в присутственных местах с непокрытой головой, приветствовать друг друга по-европейски и т. д. Этим же декретом воспрещалось ношение духовной одежды лицам, не являющимся официальными служителями культа. Тем самым шейхи и дервиши многочисленных дервишеских орденов теряли в глазах населения свою исключительность и превращались в обычных граждан. Вслед за тем были ликвидированы сами дервишеские ордена и их монастыри (теке) и конфисковано их имущество.

Большое прогрессивное значение имело введение в действие в 1426 г. нового гражданского кодекса, составленного по европейскому образцу. Он упразднил существовавшие прежде нормы шариатского права. Например, взамен церковного брака кодекс сделал обязательным гражданский брак.

В начале XX в. все три страны Среднего Востока делают первые шаги на пути самостоятельной социальной и экономической политики. Характерно, что в этот период, несмотря на преобладание исламского мировоззрения в общественном сознании населения этих стран, никаких попыток провозглашения в них исламского социально-экономического курса правящими режимами не предпринимается. В условиях укрепления независимости новое руководство, проводя целенаправленную политику по ограничению влияния иностранного капитала и ослаблению его позиций в своих странах, в то же время не пытается порвать с привнесенными извне капиталистическими структурами, а, напротив, предпринимает значительные усилия для их

развития и укрепления, не гнушаясь перенимать, а иногда и прямо копировать западноевропейские стандарты, касалось ли это экономического развития, создания современной армии, культуры или быта.

В 1928 г. ВНСТ исключило из конституции фразу о том, что «государственной религией Турции является ислам». Одновременно религиозная формула присяги президента республики и депутатов была заменена гражданской. Тем самым мечеть была окончательно отделена от государства. В то же время указывалось, что «принципу отделения мечети от государства не нужно придавать смысла безбожия». Национальная буржуазия, сделавшись господствующим в Турции классом, стремилась не к уничтожению религии, а к ее подчинению интересам буржуазного государства. Само духовенство все больше становилось «кемалистским». Коран перевели с арабского на турецкий язык. Традиционный «азан» (призыв мусульман к молитве) зазвучал с минаретов не на «языке пророка», а на понятном населению турецком языке. Наконец, в 1934 г. правительство воспретило служителям всех культов ношение духовной одежды вне религиозной службы. А традиционный для мусульман день отдыха в пятницу кемалисты перенесли на воскресенье. В стране были закрыты все религиозные школы и введено исключительно светское образование. При этом в школах осуществлялось совместное обучение.

Важным мероприятием явился переход с арабского на латинский алфавит, что в дальнейшем способствовало ликвидации в стране поголовной неграмотности. В стране был введен европейский календарь и христианское летосчисление.

В соответствии с решением правительства турчанки начали снимать чадру. Женщинам разрешено было осваивать ранее запретные для них специальности адвокатов, врачей, судей. В 1930 г. турецким женщинам было предоставлено право выборов в муниципалитеты, а в 1934 г. – в парламент.

В 1934 г. турецкий парламент принял также закон о введении фамилий (прежде турки имели лишь имена). Этот закон упразднил

титуты и старые формы обращения: паша, бей, эфенди. Кемаль получил от парламента фамилию Ататюрк (отец турок).

В своей экономической политике кемалисты преследовали цель создать национальную промышленность и этим подорвать позиции иностранного капитала на турецком рынке и вытеснить компрадорский капитал из внешней торговли. Учитывая слабость национальной буржуазии, было принято решение проводить политику этатизма, предусматривавшего передачу государству исключительного права в выборе приоритетов экономического развития и контроля за ходом промышленного производства.

В Иране курс реформ буржуазного типа связан с именем основателя последней в этой стране монархической династии Реза-шаха Пехлеви, пришедшего к власти в 1925 г. на волне недовольства населения правлением последнего представителя династии Каджаров Ахмед-шаха Каджара.

Реформы, проводимые Реза-шахом в Иране, в целом были созвучны кемалистским реформам в Турции, но были менее масштабны и не всегда последовательны, прежде всего, потому, что у иранского шаха не было ореола лидера национально-освободительного движения, как у Мустафы Кемалья. Многими в Иране он, скорее, рассматривался как узурпатор власти, и различные центры силы в стране на первых порах пытались использовать его как орудие для реализации своих интересов. К таким силам можно отнести и влиятельное шиитское духовенство, незадолго до этого активно участвовавшее в конституционалистской революции 1905-1911 гг., и бюрократических чиновников, надеявшихся на укрепление своего влияния при новой власти, а также националистов и сепаратистов различных мастей, рассчитывавших усилить свои позиции при новом, не компетентном в делах государственного управления монархе. Когда же стало ясно, что новый шах будет твердо проводить линию на централизацию Ирана и подавление любой оппозиции своему режиму, недовольство его политикой вылилось в широкое сопротивление различных соци-

альных слоев и политических сил, что сильно затормозило ход начатых Реза-шахом реформ. В сложившихся условиях новый руководитель страны не смог заручиться поддержкой какой-то влиятельной политической силы и сделал ставку на армию, которая и стала гарантом всех его начинаний и реформ. В 1925 г. в стране вводится обязательная воинская повинность, которая не коснулась лишь духовенства и слушателей религиозных школ. Представители феодальной аристократии на командных постах в армии были в основном заменены выходцами из средних слоев, главным образом из числа офицеров, служивших в казачьих частях вместе с Реза-шахом.

Опираясь на эту силу, в сложных условиях новому шаху удалось осуществить целый ряд мер по укреплению иранской государственности и реформированию общества. Первый удар был нанесен по сепаратизму, который в начале 20-х годов XX столетия подвел страну к грани распада. Азербайджанские, курдские, белуджские, лурские и кашкайские ханы проводили в это время фактически независимую от центра внутреннюю политику, отказывались платить налоги и высылали за пределы подвластных им территорий управителей, назначаемых из центра. Реза-шах в течение нескольких лет жестоко подавил лидеров сепаратистов, разделил страну на новые, более мелкие, чем раньше, административные единицы – останы, поставив во главе их военных губернаторов, подчиненных исключительно центральной власти.

В стране проводилась административная реформа, которая затронула структуру и деятельность министерства финансов, внутренних дел, юстиции, налогового ведомства. Наиболее впечатляющей была реформа юстиции и судопроизводства, которая положила конец монополии шариатских судов. Были утверждены новые гражданский, уголовный и другие судебные кодексы, в основу которых положены нормы западноевропейских стран. Хотя шариатские суды и были сохранены, но их деятельность ограничивалась вопросами, связанными с семейными отношениями и соблюдением религиозных норм. При

этом светские суды получили право апелляционного рассмотрения решений шариатских судов.

В 1927-1934 гг. были приняты законы и постановления о всеобщем, обязательном и бесплатном начальном и о платном среднем и высшем образовании. Согласно этим законам и постановлениям школы изымались из ведения духовенства и устанавливался контроль государства над всеми школами, в том числе над частными, иностранными и др. В 1934 г. был открыт Тегеранский университет.

С 1928 г. в Иране проведена реформа одежды, вводится европейский костюм. По турецкому образцу были изъяты из употребления титулы и введены фамилии. В стране вводится паспортная система. Подданные Ирана обязывались получить вид на жительство, фиксировать браки, разводы, рождения, иметь фамилию.

С марта 1925 г. Иран перешел на новое летосчисление по солнечному календарю. При этом арабские названия месяцев были заменены на древнеиранские.

Со второй половины 30-х годов правительство приступило к решению женского вопроса. В 1935 г. был издан декрет об обязательном снятии женщинами чадры. Женщины стали допускаться в высшие учебные заведения и на работу в государственные учреждения. Но по-прежнему сохранялось многоженство и неравноправное положение женщин в семье и быту. Женщины получали меньшую по сравнению с мужчинами заработную плату за равный труд, были лишены избирательных прав.

В экономической сфере Реза-шах так же, как кемалисты, делал ставку на ускорение развития сельского хозяйства и промышленности при ведущей роли государства. При этом для реформирования экономики приглашались иностранные специалисты. В частности, в течение пяти лет (1922-1927 гг.) в Иране действовала американская миссия А. Мильспо, получившая от шаха чрезвычайные полномочия с правом вмешиваться в работу иранских министерств и экономических ведомств.

В сельском хозяйстве была предпринята перепись имеющихся земельных угодий. Принятый в 1930 г. закон о кадастре устанавливал выгодные для землевладельцев ставки и систему взимания налога с земли и скота. Для землевладельцев, выращивавших технические культуры, устанавливались налоговые квоты. В 1931 г. был основан государственный сельскохозяйственный банк, который выдавал ссуды на выгодных условиях, подрывая этим позиции издавна существующего в Иране ростовщичества.

Начиная с 30-х годов в стране разворачивается промышленное строительство. Характерной его чертой было активное участие в нем государства и самого Реза-шаха. Начиная с 1930 г. были приняты законы о безлицензионном ввозе машин с установлением льготных таможенных пошлин, об освобождении вновь построенных фабрик и заводов на пять лет от уплаты налогов и другие протекционистские меры.

В то же время по-прежнему оставалось одно из главных препятствий на пути промышленного развития – преобладание феодалных пережитков в сельском хозяйстве и массовая нищета крестьянства, составлявшего большинство населения, что определяло узость внутреннего рынка. Большие средства отвлекались на непроизводительные военные цели и разграблялись. За годы реформ так и не была ликвидирована экономическая зависимость Ирана от европейских стран, прежде всего Англии, заинтересованных в том, чтобы Иран оставался отсталой, сырьевой страной.

Большие усилия по реформированию афганского общества предпринял, придя к власти в 1919 г., один из лидеров младоафганского движения, выступавшего за модернизацию общественно-экономической жизни *Афганистана*, эмир Аманулла-хан. В апреле этого года он провозгласил полную независимость афганского государства, что вызвало недовольство Великобритании, спровоцировавшей военный конфликт с Афганистаном, получивший название третьей англо-афганской войны. По ее итогам английское правительство

вынуждено было признать независимость Афганистана, что повысило авторитет афганского эмира у населения страны и позволило ему приступить к серии политических и социально-экономических реформ, призванных ликвидировать феодальные отношения в афганском государстве и заложить основы новых буржуазных отношений. В основу его реформаторской деятельности легла политическая реформа государственного аппарата страны.

В 1923 г. принимается первая в истории Афганистана конституция, провозгласившая основные права и свободы – личную свободу, свободу печати, право на образование, равенство всех подданных перед законом, неприкосновенность собственности и жилища.

Конституция 1923 г. не являла собой образец современного политического либерализма. Однако если рассматривать ее в контексте существовавших в то время в Афганистане социальных и политических условий, можно говорить о поистине революционных политических изменениях, которые изложены в этом документе. Конституция сохраняла монархию, но при этом вводила такие незнакомые до этого в Афганистане формы власти, как консультативный выборный Государственный Совет и кабинет министров. В конституции четко прописывались прерогативы монарха и тем самым ограничивались его полномочия, что явилось радикальным отходом от традиционной, абсолютистской формы правления. Гражданские права гарантировались всем лицам, проживающим в Королевстве Афганистан независимо от религиозной или этнической принадлежности. Это означало отход от старых представлений о том, что афганцами можно считать только пуштунов. Включение в конституцию положения о том, что без судебного постановления никто не может быть арестован или подвергнут наказанию и что незаконные действия должностных лиц могут быть обжалованы перед вышестоящими инстанциями вплоть до самого эмира, имели огромное значение для ограничения чиновничьего произвола. Эмир сам еженедельно устраивал аудиенцию для желающих подать жалобу в адрес высшей инстанции.

В то же время конституция отдавала дань традициям, сохранив шариатские суды, которые действовали наряду с гражданскими, и институт Лойя-джирги – высшего собрания представителей знати племен и духовенства, надпарламентского органа, возникшего в Афганистане еще в средневековье.

Большое внимание Аманулла уделил реформированию судебной системы, которая в конституции провозглашалась независимой ветвью власти. В 1921-1925 гг. был разработан и начал функционировать новый Уголовный кодекс. Одно из нововведений этого кодекса состояло в том, что приговоренный к наказанию мог обращаться с апелляцией об облегчении наказания или освобождении от него.

Немало статей было посвящено вопросам прав подданных. Так, судебские чиновники, прибегающие к пыткам для получения признания, лишались работы. Чиновники, выносящие более суровый приговор, чем предписано в законе, или вторгающиеся в частное владение без разрешения владельца, подвергались наказанию. Частная собственность не подлежала конфискации.

Наряду с некоторыми другими законодательными актами Кодекс содержал ряд статей, направленных на юридическое закрепление младоафганских реформ. При этом в нем подчеркивалось их полное соответствие предписаниям шариата, что подтверждалось печатями семи видных исламских правоведов, которых Аманулла сумел убедить в необходимости осуществляемых в стране преобразований. И хотя в Кодексе действительно получили отражение многие исламские правовые принципы, юридическое содержание большинства статей и всего Кодекса в целом было значительно шире господствовавшей в Афганистане модели исламского права и системы мусульманского судопроизводства.

В целом принятие конституции 1923 г. и светского законодательства заложило основы нового государственного строительства с приближением к западным образцам и послужило началом перехода от абсолютистской к конституционной монархии, завершившегося в

1964 г. принятием последней в условиях монархического режима афганской конституции.

Создав законодательную базу новой политической системы, эмир приступил к серии социально-экономических реформ, которые во многом повлияли на характер организации общества и его дальнейшее развитие.

В стране была проведена таможенная реформа, которая предусматривала снятие таможенных барьеров во внутренней торговле, однократное обложение всех товаров на внутреннем рынке, протекционизм в отношении продукции национальной промышленности и ремесленного производства.

Для обеспечения ускоренного экономического развития в стране строились автомобильные дороги, рос парк грузовых и пассажирских машин, появлялись компании по их обслуживанию.

Были учреждены полиция и жандармерия для охраны дорог от бандитов, построены телеграфные и телефонные линии, создавались торговые акционерные компании (ширкеты), поощрялась предпринимательская деятельность по развитию экспортных отраслей сельского хозяйства.

В 1921 г. был принят закон о поощрении развития промышленности, предусматривавший бесплатное предоставление земельных участков под строительство фабрик, освобождение на десять лет от налогов импортируемого для них оборудования, а также государственный заказ и правительственные субсидии.

Важнейшим экономическим преобразованием, повлиявшим на развитие аграрных отношений в Афганистане, явилась налоговая реформа, которая законодательно закрепила переход натуральных налогов в денежную форму. При этом для каждой местности устанавливалась постоянная ставка поземельного налога, не менявшаяся на протяжении всего периода правления Амануллы. Налог отменял все прежние натуральные поставки продовольствия и фуража для армии и нужд правительственных чиновников. Впервые крестьянин получал

отчетливое представление о том, каковы его налоговые обязательства, и мог соответственно планировать сельскохозяйственное производство.

В этот период завершался и получал законодательное закрепление процесс превращения земли в товар, который мог свободно обращаться на рынке. Пример подавал сам Аманулла, который заявил о продаже государственных земель любому желающему их приобрести по фиксированным ставкам. В то же время прекратилась раздача земель приближенным к эмиру придворным и племенным ханам.

Среди других экономических реформ следует отметить курс эмира на развитие национальной промышленности и торговли. В стране было построено несколько государственных предприятий по производству потребительских товаров. В то же время из Японии было импортировано громадное количество промышленного оборудования, включая железнодорожное, с которым никто в Афганистане не знал, что делать. Не было ни плана промышленного развития, ни специалистов, умеющих обращаться с этим оборудованием. Большинство из закупленных за рубежом дорогостоящих материалов так и осталось невостребованным до конца правления Амануллы.

Стремясь ограничить экономическое влияние иностранного, прежде всего англо-индийского капитала, монополизировавшего внешнюю и частично внутреннюю торговлю Афганистана, правительство Амануллы стало проводить протекционистскую политику в отношении местного купечества. В 20-х годах в стране появились первые торговые акционерные общества, в которых участвовали и представители правящих кругов, включая эмира. В конце 20-х годов в стране насчитывалось около двадцати таких торговых компаний, а национальный капитал осуществлял около 40% всех внешнеторговых операций.

Программа реформ младоафганского правительства предусматривала важные меры в области военного строительства. Предлагая реорганизовать афганскую армию по типу европейских, Аманулла

предложил создание регулярной армии с элементами всеобщей воинской повинности, когда рекруты определялись путем жеребьевки, без права замены рекрута и его откупа. В 1928 г. Аманулла ввел дополнительный чрезвычайный налог в размере 5 афгани с каждого подданного для закупки за рубежом современного оружия для афганской армии.

Важной частью реформаторской политики Амануллы явились социальные реформы. При этом основное внимание он уделял реформам в системе образования. О том, что он придавал им первостепенное значение, свидетельствовало учреждение медали «За образование», которая стала одной из высших наград в Афганистане. В стране было введено всеобщее бесплатное начальное и среднее образование, причем ученики средней школы, как правило, получали государственные стипендии. В стране открылись десятки новых школ, лицеев и профессиональных учебных заведений. Впервые доступ к образованию получили женщины. Правительственным чиновникам предписывалось в обязательном порядке направлять своих детей в школы. Не желающие следовать этим предписаниям подвергались штрафу или увольнялись с работы. Всего в 1927 г. в 322 начальных школах Афганистана обучалось около 51 тыс. учащихся. В лицеях, средних и специальных школах обучалось 3 тыс. человек. Наиболее способные выпускники лицеев отправлялись для продолжения образования за границу.

Аманулла пытался распространить систему образования даже на кочевников, прикомандировав к ним учителей, которые бы сопровождали их в миграциях. Но для этой программы не нашлось подходящих учителей, да и кочевники не выразили особого желания учиться.

Аманулла предпринимал шаги по ликвидации в стране религиозной розни. Так, в одном из своих выступлений он заявил: «Я прошу Бога, чтобы он помог мне в служении народу и религии, и готов отдать свою жизнь за ислам, но я хочу отменить все религиозные

предрассудки, которые свидетельствуют о слабости мусульманского мира. Поэтому любой, кто осмелится говорить о шиитах и суннитах, будет наказан».

Со временем Аманулла убедился, что привлечь ортодоксальное духовенство на свою сторону не удастся, что косные муллы – преграда на пути модернизации, а потому к ним надо применить жесткие меры для подрыва их влияния в обществе. Потому в 1928 г., после возвращения из своей поездки по странам Европы, он вынес на суд Лойя-джирги новую программу реформ, направленную против консервативного афганского духовенства. Программа включала образование для мулл под контролем государства, учреждение школы мусульманских правоведов, школы для юристов светского законодательства, полную ликвидацию вакфов и запрещение деятельности всех улемов, не имеющих соответствующего образования. Эти меры были восприняты консервативной частью духовенства как объявление войны.

Последующее развитие событий показало, что многие из проводимых в Турции, Иране и Афганистане реформ во многом были обязаны не вызревшим в них объективным предпосылкам, а политической воле их инициаторов в лице К. Ататюрка, Реза-шаха и эмира Амануллы, опиравшихся на узкий слой своих сторонников. Итоги этого этапа внедрения капитализма «сверху» хорошо известны. В Афганистане они были отвергнуты обществом практически полностью, в Иране и Турции получили дальнейшее развитие только некоторые направления капиталистического развития. Многие из начатых в этих странах преобразований вскоре были свернуты, другие – в значительной степени деформированы, их развитие в целом замедлилось.

Следующая попытка осуществить ускорение капиталистического развития, и снова «сверху», предпринимается в этих странах в конце 50-х – начале 60-х годов. В это время в Афганистане пытаются реализовать программу «руководимой экономики» М. Дауда, в Иране

новый монарх Мухаммад Реза Пехлеви приступает к осуществлению реформ «белой революции», а в Турции после военного переворота 1960 г., устранившего от власти Демократическую партию, пытавшуюся проводить курс «либерального капитализма», начинается период так называемого планового развития при значительном повышении хозяйственно-организующей роли государства в целом.

Конечные результаты этого этапа для рассматриваемых стран также известны: крах режима М. Дауда и его модели развития в Афганистане, антишахская революция в Иране, покончившая с самой идеей и многими деяниями «белой революции», и очередной военный переворот 1980 г. в Турции, который предотвратил нарастание социально-политического кризиса и объективно поставил точку в этатистском развитии турецкой экономики. Причем интересно, что все вышеназванные социально-политические потрясения в надстройке этих государств происходили параллельно с последовательным укреплением экономической базы и повышением жизненного уровня населения. Так, в результате экономического скачка 60-х-70-х годов *Турция* по ряду важнейших показателей опережала многие развивающиеся страны Азии и Африки. С 1963 по 1977 г. ВВП увеличивался в этой стране в среднем на 6,8% в год, происходили позитивные межотраслевые (за счет повышения доли индустриального сектора в ВВП) и внутриотраслевые сдвиги (особенно в промышленности и производственной инфраструктуре), рос размер национального дохода на душу населения, позитивно эволюционировала структура национального экспорта за счет повышения в ней доли промышленной продукции. Со второй половины 60-х годов заметно ускорились процессы концентрации и централизации производства и капитала, активизировалось сращивание промышленного и банковского капиталов. Все это привело к образованию первых национальных монополий типа холдингов. Достижения Турции в этот период были тем более значительны, если принять во внимание, что она не относится к числу бо-

гатых нефтью или другим дефицитным сырьем стран, а, наоборот, вынуждена сама в больших количествах закупать энергоресурсы.

Экономические достижения *Ирана* в период «белой революции» общеизвестны. К основным направлениям реформ «белой революции», начатых шахом в 1963 г., относились: аграрная реформа, национализация лесов, пастбищ и водных ресурсов, продажа акций государственных предприятий, участие рабочих в доходах промышленных предприятий, реформа избирательного закона и предоставление женщинам права участия в выборах, создание корпусов здравоохранения, просвещения и благоустройства, реформа системы правосудия. Прирост валового внутреннего продукта со второй половины 60-х годов до начала исламской революции ежегодно составлял в этой стране более 10%. Национальный доход на душу населения за десять лет реформ – с 1963 по 1973 г. – увеличился со 172 до 457 долл., а в 1977 г. – до 2020 долл. Начиная с 1970 г. доля промышленного производства стала превосходить долю сельского хозяйства, которая к 1977 г. оказалась вдвое меньше промышленной. Число крупных предприятий обрабатывающей промышленности увеличилось с 3,7 тыс. в 1965 г. до 5,4 тыс. в 1977 г. При этом потребности Ирана в иностранной валюте в этот период с лихвой покрывались постоянно возрастающими доходами от продажи нефти. Так, с 1973 г. по 1977 г. они составили соответственно 5,1; 18,7; 19,0; 20,6; 23,0 млрд. долл. в год.

Даже отсталый *Афганистан* за годы «руководимой экономики» и последующих реформ М. Дауда в республиканский период получил относительно развитую экономическую базу. За время осуществления пятилетних планов в стране были созданы национальная электроэнергетика, новые отрасли в экономике, такие как газовая и химическая промышленности, крупные ирригационные и сельскохозяйственные объекты, автомобильная дорожная сеть, средства связи. Существенно возрос ВВП и национальный доход. По последнему семилетнему плану экономического развития, предложенному правительством М. Дауда, предполагалось включить сельскохозяйствен-

ный сектор в рыночные отношения, существенно ускорить развитие экономики страны в целом.

Однако при всех имеющихся в этих странах успехах капитализма последнему явно не доставало динамичности и стабильности, а главным образом, адекватного восприятия и поддержки со стороны широких слоев населения, на что, в конечном итоге, и были направлены усилия всех инициаторов ускорения капиталистического развития в этих странах.

Иран, Афганистан и Турция получили возможность самостоятельного развития в среднем на 40 лет раньше большинства освободившихся от колониальной зависимости стран. Но эти десятилетия не дали им какого-либо видимого преимущества по сравнению с другими развивающимися государствами. Наоборот, некоторые страны, особенно в Южной и Юго-Восточной Азии, начали существенно обгонять их по основным показателям социально-экономического развития.

Как показали последние события, неправомерным является и утверждение некоторых авторов о том, что всему виной жесткий государственный контроль за экономикой этих стран, а также сама идея руководить экономикой «сверху», ограничивая возможности частного капитала. Например, турецкая экономика в период правления Тургута Озала, по сути, была отдана в руки частного капитала и, действительно, за короткий период *Турция* сделала очередной существенный рывок в своем экономическом развитии. Специалисты даже заговорили о турецком «экономическом чуде». В конце 1987 г. турецкая Торговая палата сделала официальное заявление о том, что 75% турецкой промышленности могут стать конкурентоспособными на европейских рынках. Экономический прирост в этом году составил 8% к уровню предыдущего, что было одним из наиболее высоких показателей в мире. Это дало возможность Т. Озалу заявить: «Мы готовы к вступлению в Европу». Однако последовавший вскоре вслед за этим крах ряда финансовых пирамид, вскрытие фактов почти не-

прикрытой коррупции на всех этажах государственной власти, провал программы приватизации, образование небывалой ранее пропасти между доходами самых богатых и самых бедных слоев населения быстро покончили с иллюзией становления «народного капитализма» и объективно преобразующей роли частного капитала. В стране начались забастовки и акции протеста, на фоне которых впервые за годы существования республиканской Турции сначала на муниципальных выборах 1994 г., а затем на парламентских 1995 г. победили исламисты из Партии благоденствия. В течение нескольких лет неожиданно не только для Запада, но и для самих турок турецкие исламисты заняли посты мэров крупнейших городов, включая Анкару и Стамбул, а лидер Партии благоденствия Неджметтин Эрбакан сформировал коалиционное правительство. Таким образом, активизация частного капитала в Турции в 80-е-90-е гг. объективно привела к укреплению в турецком обществе сил, официально выступавших против применения западной модели развития в своей стране.

Очевидно, что развитию капитализма западного образца в исламском обществе противодействуют мощные силы, которые каждый раз отбрасывают его от определенной грани, преодолев которую капиталистический уклад мог бы стать господствующим. В принципе, виновник давно известен и исследованием его настроений и потенций занималось не одно поколение ученых-востоковедов. Это – представители некапиталистических укладов в этих странах, носители традиционных общественно-экономических отношений, устоев и верований, которые оказывают постоянное сопротивление наступающему новому строю, отстаивая свои позиции в жизни традиционного исламского общества. Напрашивается вывод, что все-таки этим странам требуется еще определенный исторический период времени, пока объективно развивающийся в них капитализм не подорвет основательно сопротивляющиеся традиционные уклады и не восторжествует во всех сферах социально-экономической и политической жизни, как это было в свое время в западноевропейских странах. Однако, не-

смотря на всю логичность подобного вывода, на иные размышления наводит тот факт, что в период становления капитализма на Западе общество явно тяготело к новому строю, а не противостояло ему. Несмотря на отсутствие каких-либо моделей для подражания и возможностей содействия капитализму «сверху» в эпоху частнокапиталистического предпринимательства, в этих странах развитие капитализма шло намного более динамично и стремительно охватывало практически все слои населения (отдельные стихийные массовые антикапиталистические выступления в Европе этого периода, такие как, например, движение луддитов в Англии, были локальными и непродолжительными по времени), при этом развитие производительных сил сопровождалось коренными изменениями в общественном сознании.

Ничего подобного на мусульманском Востоке не наблюдалось. Мусульманское общество упорно противостоит натиску современного капитализма с его ориентирами на получение сверхприбыли, личное преуспевание каждого как залог процветания общества в целом, фактическую узаконенность спекулятивных операций как в банковской, так и в промышленной сферах, оправданность деления общества на элиту и париев, примат материального над духовным и т.п. В то же время мусульманский мир, пожалуй, в большей мере, чем другие восточные цивилизации, склонен к идеализации прошлого, попыткам возврата к «золотому веку» первоначального ислама, он же наиболее изобретателен в создании концепций «третьего», исламского, пути развития.

Проще всего это было бы объяснить тем, что современный капиталистический строй западных государств не привлекает народные массы и они противятся следованию этим путем, учитывая агрессивность, эгоизм и высокомерие Запада. Но если разбирать вопрос непредвзято, то совершенно очевидно, что любая из мусульманских стран, в том числе и рассматриваемые нами, не отказалась бы оказаться в экономических условиях, аналогичных созданным в Швейцарии, Франции или Скандинавских странах, тем более что империа-

листическая агрессивность и высокий уровень развития капитализма совершенно не обязательно являются синонимами.

На наш взгляд, причины сопротивления капитализму в том виде, в каком он насаждался в этих странах на различных этапах их истории, следует искать в генезисе капиталистических отношений в этих государствах, то есть именно в том, что они являются инородным приобретением для них, а совсем не итогом саморазвития, когда общество всем ходом истории оказывается подготовленным для перехода на иную стадию своего развития. Капитализм на Востоке вообще, и в том числе в странах Среднего Востока, появился как искусственный уклад, и уже в силу этого возможности его успешного саморазвития были весьма проблематичными. Речь идет о том, что сначала западный капитал объективно, а затем государственные аппараты самих этих стран субъективно действовали в одном и том же русле – создания и развития капиталистического уклада в рамках традиционных укладов исламского общества и за счет них. При таком положении происходило не втягивание и интегрирование докапиталистического общества или, по крайней мере, его основной части в капитализм, а поглощение капитализмом той или иной части традиционного общества, не подготовленного к этому поглощению и не ожидающего его. При этом роль субъективного фактора сводилась именно к тому, чтобы создать благоприятные условия для этого поглощения и обеспечить капиталистическому сектору наибольшее благоприятствование. Развитие капитализма при этом приобретало не только однобокий, но и анклавный характер, происходя в окружении враждебной среды. В такой ситуации экономически капиталистический уклад может быть развит как угодно значительно, но это мало влияет на социальное развитие общества в целом и на изменение общественного сознания в частности.

Более того, старые некапиталистические структуры имеют тенденцию к все большей консервации, объективно находя в этом единственную возможность успешно сопротивляться укреплению ино-

родного и уже поэтому враждебного мусульманам капиталистического уклада. С другой стороны, чем более развитым и соответствующим современным требованиям научно-технического прогресса становится капиталистический уклад, тем ему сложнее наладить взаимоотношения с традиционными. Многократно усложняется процесс перемалывания традиционного старого в новое капиталистическое, в том числе по сравнению с периодом становления капитализма в западноевропейских странах, и это постоянно накапливает горючий материал для социальных взрывов в современных исламских государствах. Можно привести не один пример, подтверждающий сложности капиталистических процессов в этих странах по сравнению с периодом становления капитализма в Европе, но, пожалуй, самым показательным является процесс проводимых в них аграрных преобразований.

Так, последствием современных аграрных реформ капиталистического типа в странах Среднего Востока, и не только в них, является, как и положено по классической схеме, миграция избыточного сельского населения в города. Но если в свое время в странах Западной Европы, переживавших капиталистическую ломку, эта масса людей в огромных количествах поглощалась промышленными мануфактурами, шахтами, транспортом, строительной индустрией и т.п., то сегодня безграмотному или малограмотному крестьянину, который остается таковым в рассматриваемых странах, несмотря ни на какой капиталистический прогресс, практически невозможно найти место на современных промышленных предприятиях, которым требуются в подавляющем большинстве квалифицированные и высококвалифицированные рабочие. С другой стороны, экономические кризисы, которые и раньше сотрясали капиталистические страны, все-таки в значительной степени облегчались (в том числе для пролетариев и мелкобуржуазных слоев) тем, что оставалась возможность эмиграции в колонии, в частности в Америку, вообще на периферию, где они могли сохраняться и воспроизводиться, имея возможность

при улучшении экономической конъюнктуры в метрополии вернуться туда вновь. Сегодня такая возможность для рассматриваемых мусульманских стран, по понятным причинам, практически отсутствует, если не считать традиционную ограниченную эмиграцию турецких рабочих в Западную Европу, где они, как правило, не могут рассчитывать на квалифицированную работу, какой бы квалификацией и образованием ни обладали, и некоторого оттока буржуазии и пролетариата в нефтедобывающие арабские страны. Основная же масса пролетариата и мелкобуржуазных слоев в случае кризиса скатывается туда же, где скапливается избыточное крестьянское население, то есть в трущобы социальных низов и люмпен-пролетариев, и создает здесь дополнительную угрозу национальному капитализму, но не «слева», как это можно было бы ожидать от пролетариев, а с позиций все тех же традиционных некапиталистических укладов.

Наглядным примером таких процессов может служить образование социальной базы исламской революции *в Иране*. Земельная реформа, начавшаяся в этой стране в 1962 г., была одним из центральных пунктов в политике капиталистических преобразований шахского правительства. В целом она нанесла сильный удар по традиционной системе землепользования, урезала или свела на нет права и привилегии крупных помещиков и мусульманского духовенства. Этим были ликвидированы основные препятствия для функционирования капиталистических производственных отношений в деревне. Однако, проводя радикальную реформу, правительство, помимо ограничения крупного помещичьего землевладения, ставило задачу изгнания с земли значительной части «избыточного» крестьянского населения при одновременном укреплении зажиточных фермерских хозяйств и крупных агропромышленных комплексов. Шах открыто заявлял, что отток крестьянского населения из деревень будет оставаться желательным до тех пор, пока каждое крестьянское хозяйство не будет обладать участком в 20 га земли. Учитывая, что площадь крестьянских наделов в Иране в среднем составляла 4 га, а общая

площадь возделываемых полей определялась в 17-18 млн га, причем часть ее по-прежнему находилась в собственности крупных землевладельцев, государства, шахских придворных и т.д., становится ясным, какая большая часть из 3,6 млн крестьянских семей, проживавших в этой стране, должна была покинуть свою землю и пополнить резервную армию труда. С начала 70-х годов эта цифра ежегодно составляла не менее 300 тыс. человек.

Покидая деревню, миллионы крестьян устремлялись в города в надежде найти работу и пропитание, однако здесь их постигало жестокое разочарование. Получить место на промышленных предприятиях в городах оказывалось практически невозможно, так как на сборочных конвейерах требовались обученные специалисты. Неграмотные крестьяне, приезжавшие в города, в большинстве своем оказывались выброшенными на городские окраины, в трущобы бедняков, где уже концентрировались разоряемые шахскими реформами представители ремесленников и мелких и средних торговцев. Среди этих слоев иранского населения ненависть к шахскому режиму накапливалась особенно сильно. В последующем именно они стали главными участниками антишахских выступлений и преданными апологетами возглавившего их шиитского духовенства.

Развитие капитализма «сверху» в таких условиях не дает и не может дать ожидаемого эффекта ни его творцам, ни обществу в целом, а социально-политические потрясения, происходящие время от времени в этих странах, не имеют ничего общего с буржуазными революциями, которые призваны разрешить накапливающиеся противоречия. При этом, несмотря на относительное развитие капитализма в этих странах, с социальной точки зрения идет как бы топтание на месте, или, вернее, колебательные движения, когда не основные классы вызревающего капиталистического общества сталкиваются при отстаивании своих интересов, а искусственно созданный капиталистический уклад, объединяющий крупную промышленную и торговую буржуазию, квалифицированных рабочих на современных про-

мышленных предприятиях, преуспевающих фермеров и владельцев агропромышленных комплексов, то есть материально заинтересованные в его развитии слои общества, противопоставит традиционному блоку сил (многочисленной мелкой и средней, прежде всего торговой, буржуазии, рабочим на мелких предприятиях и в кустарной промышленности, ремесленникам, малоземельным крестьянам, люмпенам, пауперам и, конечно, основной части мусульманского духовенства и примыкающей к нему национальной интеллигенции как основным носителям старых верований и традиций), видящему в наступающем капитализме для себя не возможность выхода из социально-экономического застоя, а неминуемую гибель.

Поэтому, на наш взгляд, неудача попыток форсировать развитие капитализма в этих странах явилась результатом не только ошибок того или иного государственного деятеля или государственного аппарата в целом, но, прежде всего, того, что объектом внимания со стороны реформаторов в этом случае является не общество в целом, а лишь созданный в этом обществе капиталистический уклад, который становится единственным объектом прилагаемых правительством усилий. Остальная же часть общества рассматривается только как материал, который по мере необходимости (и только) привлекается для нужд капиталистической модернизации. Поэтому традиционные общественные структуры не столько интегрируются в новые капиталистические отношения, сколько сосуществуют с ними параллельно и этим самым сдерживают и развитие капитализма, и свое собственное.

Так почему же именно ислам перехватывает сегодня инициативу социально-экономических преобразований на Среднем Востоке и насколько это опасно для устоев «цивилизованного» европейского мира? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, на наш взгляд, прежде всего, рассмотреть главные политические и экономические требования современных исламистских организаций и их лидеров в этих странах, чтобы выяснить, какие стороны западного образа жизни

осуждаются, а какие поддерживаются этими силами, а также, что в их лозунгах и программах привлекательно для населения этих стран.

Возьмем, к примеру, турецкую Партию благоденствия, которая в середине 90-х годов прошлого столетия сумела обойти многочисленные конституционные и судебные запреты на деятельность *в Турции* исламистских политических организаций и победила сначала на муниципальных (1994 г.), а затем и на парламентских (1995 г.) выборах, а ее лидер Н. Эрбакан с 1996 по 1997 г. возглавлял коалиционное правительство.

Концепция Партии благоденствия по переустройству турецкого общества, изложенная в ее программе, строилась на том, что последние сто с лишним лет развития Турции, в течение которых она следует в фарватере западной политики, были трагической ошибкой. За это время она не стала передовой державой, но приобрела такие пороки, как проституция, алкоголизм, наркомания, неизвестные ранее болезни, одновременно утратив такие ценности, как любовь, доброта, правдивость, альтруизм. В то же время Партия благоденствия выступала за дальнейшую индустриализацию страны, но считала, что развитие экономики должно осуществляться с учетом интересов всего турецкого населения, справедливо распределяясь по всем регионам страны. Целью партии провозглашалось построение индустриального общества, где будут доминировать чувства товарищества и взаимопомощи. Таким образом, из вышесказанного можно выделить два основных момента. Во-первых, турецкие исламисты не выступают против экономической модернизации, и чем их часто обвиняют турецкие и западные средства массовой информации. Во-вторых, они считают, что такая модернизация может быть успешной только при учете интересов всего турецкого населения и его поддержке, которая, в свою очередь, возможна только при возвращении к традиционным основам взаимоотношений в турецком обществе.

Стоящая сейчас у власти в Турции происламская Партия справедливости и развития, несомненно, разделяет эти принципы своей

предшественницы, хотя, используя ее неудачный опыт кратковременного пребывания у власти, в большей степени старается соблюдать баланс интересов сложившихся в стране общественных и политических сил.

Что касается *Ирана*, то шиитское видение экономического и общественного развития можно проследить как по официальным документам Исламской Республики Иран (ИРИ), так и опираясь на высказывания такого неоспоримого мусульманского авторитета, как имам Рухолла Мусави Хомейни.

Так, в ст. 46 и 47 Конституции ИРИ четко зафиксировано право каждого на личную и частную собственность, что, как известно, лежит в основе капиталистического способа производства и отношений в целом. В то же время имам Р. Хомейни в своем завещании написал, что ислам не приемлет коммунизм и марксизм-ленинизм за отказ от частной собственности и обобществление и в то же время осуждает капитализм как противоречащий социальной справедливости. Исламская конституция запрещает такое развитие экономики, которое могло бы привести «к сосредоточению богатств в руках отдельных лиц или групп либо к превращению государства в крупного или единственного предпринимателя». Конституция запрещает какие-либо проявления «иностранный экономического господства над экономикой страны». Очевидно, что запрещение монополизма при конституционно определенном сильном госсекторе теоретически означает следование принципам «смешанной» экономики, в которой, в отличие от шахской модели, государственный сектор действовал бы в интересах исключительно отечественного и немонополизированного частного и кооперативного секторов экономики.

Таким образом, иранские исламисты солидарны со своими турецкими единоверцами по вопросу о необходимости развития частнособственнических отношений и содействия экономической модернизации, но при учете интересов всех слоев населения и нежелании признавать какие-либо формы западного диктата.

В Афганистане, пожалуй, самая ортодоксальная происламская группировка – Исламская партия Афганистана Гульбедин Хекматяра – в своей программе заявила следующие принципы построения исламского общества и исламской экономики: 1) соблюдение справедливости в различных областях экономической системы; 2) полное уничтожение различных проявлений гнета, несправедливости и эксплуатации; 3) создание благоприятных условий для соблюдения принципов равенства, помощи и пользы для своего народа; 4) неустанная и последовательная борьба с нищетой, голодом, постоянные усилия по созданию таких условий, чтобы ни на йоту не ущемлялись естественные и определенные исламом права человека; 5) справедливое пользование национальными и общественными богатствами. Большинство других исламских партий и движений в Афганистане, включая и политический конгломерат, составивший нынешнее правительство Х. Карзая, во многом исповедует те же самые принципы.

Таким образом, несмотря на большие отличия в социально-экономическом развитии трех рассматриваемых стран, исламские группировки при всей своей кажущейся одиозности совершенно не выступают за то, что им, как правило, инкриминируют западные средства массовой информации, а также отдельные политики: узурпацию собственности и отказ от научно-технического прогресса и динамичного экономического развития своих стран. Наоборот, как видно из приведенных документов, они ставят своей целью создание развитых индустриальных обществ, но при этом в качестве главного стимула ускорения экономического и общественного развития предлагают использование традиционной для своих стран формы идеологии – ислама с присущими ему социальными, культурными и нравственными устоями, в основе которых лежат исламские представления о равенстве и социальной справедливости. В этом они ничем не отличаются от руководителей и идеологов новых индустриальных стран – Китая и Японии, которые сумели приспособить рели-

гиозные и культурные стереотипы своих народов к потребностям научно-технического прогресса и привлечь практически все слои населения, включая духовенство, к выполнению задач созидательного развития.

Развитие событий в странах Среднего Востока, начиная с конца 70-х годов XX в. до сегодняшних дней, показало, что население этих стран однозначно стало отдавать предпочтение именно концепциям политических исламистов, поддержав сначала их борьбу за обретение власти, а в последующем и предложенный ими курс общественно-экономических преобразований.

В Иране эта поддержка вылилась в общенародную революцию, приведшую к свержению в феврале 1979 г. шахского режима и установлению исламской формы правления во главе с лидером революции великим аятоллой Рухоллой Мусави Хомейни. За короткое время пришедшее к власти шиитское духовенство сумело устранить оппозицию, претендовавшую на участие в управлении государством. Речь идет как о буржуазных и мелкобуржуазных партиях, таких как Национальный фронт, Движение за свободу Ирана, Муджахедины иранского народа и т.п., так и о левых, прокоммунистических партиях, таких как Народная партия Ирана (ТУДЕ), Федаины иранского народа, а также левых студенческих организациях. Быстрой расправе с оппозицией способствовало создание духовенством личной «гвардии» – Корпуса стражей исламской революции (КСИР), в основном состоявшего из мелкобуржуазных слоев населения, которые фанатично отстаивали интересы правящего исламского режима на протяжении всего послереволюционного периода. 1 апреля 1979 г. подавляющее большинство из участвовавших в референдуме 20,3 млн человек, а именно 92,5% граждан страны в возрасте старше 16 лет, высказались за провозглашение Исламской Республики Иран. На декабрьском референдуме 1979 г. большинство иранцев проголосовали за новую исламскую конституцию, которую сам аятолла Хомейни охарактеризовал как «на все сто процентов соответствующую исламу». Главной

отличительной особенностью этой конституции было законодательное закрепление принципа «веляйте факих» (правление высшего религиозного авторитета), предусматривавшего наделение верховной властью в государстве представителя высшего шиитского духовенства. Пожизненным руководителем (рахбаром) в соответствии с конституцией стал аятолла Р. Хомейни. Это позволило правящему духовенству решительно осуществить декларируемые Хомейни реформы, прежде всего по исламизации всех сторон жизни иранского общества и иранского государства и возвращению к национальным культурным ценностям.

Следует отметить, что на первых порах, борясь за право руководить послешахским Ираном, духовенство довольно широко применяло методы подавления и дискредитации своих внутренних и внешних противников. Но даже в эти смутные и кровавые годы оно апеллировало ко всему иранскому народу и особенно к той его многочисленной части, которая игнорировалась шахским режимом и его реформами и даже получила от духовенства специальный термин «мостазефин» – обездоленные. При этом речь шла не обязательно только о бедных и неимущих, а обо всех иранцах, пострадавших от прозападной трансформации общества и выступавших за восстановление в стране традиционных духовных и моральных ценностей. В последующем исламский режим всячески инспирировал и поддерживал те мероприятия, которые приобретали всенародный характер, будь то массовые кампании по обличению США или Израиля, Запада или Востока, захват американского посольства, ирано-иракская война или массовое движение протеста против публикации книги С. Рушди.

Постепенно такие общенародные мероприятия стали охватывать социальную и экономическую сферы: кампания по переходу на ношение исламской формы одежды, борьба с проституцией, алкоголизмом и наркоманией, создание и деятельность общественных благотворительных фондов, превратившихся со временем в неотъемлемую часть иранской экономики, деятельность Организации созидательно-

го джихада, борьба с неграмотностью, развитие системы образования и здравоохранения. В последующем общенародный характер приобрело выполнение пятилетних планов реконструкции и развития, курс на создание устойчивого не нефтяного сектора экономики, осуществление национальной ядерной программы и т.д. Только на первый взгляд может показаться, что эти меры носят исключительно популистский характер. На самом деле это эффективный способ дойти до каждого и каждого привлечь к созиданию, убедить, что он ценный и полезный член общества.

Представляется, что именно благодаря такому подходу правящему духовенству удалось преодолеть все те бесчисленные объективные и субъективные бедствия и проблемы, которые буквально волнами накатывались на эту страну после революции, и не только успешно противостоять им, но и сохранить облик влиятельного, легитимного государства. Известно, что после революции исламское руководство сумело мобилизовать население страны на преодоление послереволюционной анархии и разрухи, подавило широкомасштабные акты терроризма, проявившие себя сразу после революции, сохранило унитарность иранского государства, которая подверглась серьезному испытанию после выступлений на национальных окраинах. Самое сложное испытание для Исламской Республики Иран – это восьмилетняя ирано-иракская война. При этом свое негативное влияние на развитие Ирана оказывала американская блокада, политические и экономические демарши западноевропейских стран и ряда международных организаций, включая МВФ, Мировой банк и МАГАТЭ, которые сильно затормозили социально-экономическое развитие этой страны в последние десятилетия.

Серьезному испытанию социально-экономическая политика ИРИ подверглась в результате послереволюционного демографического взрыва, удвоившего население этой страны, а также стихийных бедствий, прежде всего катастрофических землетрясений,

унесших из жизни десятки тысяч иранцев и превративших в руины целые города.

При этом надо отметить, что многие цели, поставленные иранскими лидерами на заре исламской революции, сегодня выполнены или успешно выполняются. Так, представляется, что Иран в целом достиг самодостаточности своей экономики, которая в значительной степени обеспечивает основные потребности населения страны, что выгодно отличает ее от экономики периода шахского правления. В качестве примера можно привести тот факт, что накануне исламской революции более 80% всего промышленного производства в стране осуществлялось на сборочных предприятиях, которые без иностранной помощи, сырья и технологий были не в состоянии производить свою продукцию. Сегодня основная масса производства в Иране работает на отечественном сырье, обслуживается иранскими специалистами и наполняет внутренний рынок иранскими товарами, вытесняющими западную продукцию. Постоянно повышается самообеспеченность Ирана своей сельскохозяйственной продукцией. В среднем ее прирост в послереволюционные годы составлял 5% в год. Потребности населения в овощах и фруктах, бахчевых, пряностях, яйцах, молоке, курином мясе практически полностью обеспечиваются за счет внутреннего производства.

Иранская экономика не обременена большими иностранными займами, а ее валютные накопления всегда были выше суммы внешней задолженности. Основные отрасли экономики находятся в руках государства, однако при этом динамично развивается и частный сектор, который производит не менее 40% товарной продукции ИРИ. Средние показатели роста ВВП за последние годы составляют в ИРИ около 6% в год. Правительству удается постоянно сокращать долю нефтяных доходов в общих доходах бюджета. По иранским данным, на конец 90-х годов она составляла 57,2%. В последние годы Иран стабильно сохраняет положительный внешнеторговый баланс, что

позволяет увеличивать валютные накопления страны и в основном без задержек расплачиваться с международными кредиторами.

В социально-политической области удалось добиться известной стабильности. За счет упора на исламскую солидарность и направления значительных средств на развитие национальных окраин снята острота национального вопроса, который еще в начале 80-х годов стоял настолько остро, что казался неразрешимым. Режим сумел обуздать политическую оппозицию, но при этом не делает ставку на полное искоренение инакомыслия в стране. Сегодня высказывать различные взгляды, в том числе и в средствах массовой информации, могут не только представители радикального, прагматического и консервативного направлений в рядах самого правящего духовенства, но и светские парламентарии, члены различных общественных организаций, а также представители неформальных групп студенческой молодежи, женских организаций и интеллигенции. Так, иранская пресса регулярно печатает материалы о студенческих выступлениях, во время которых режиму предъявляются как экономические и бытовые требования, связанные с улучшением условий проживания и обучения студентов, так и политические, связанные с требованиями восстановления на службе уволенных профессоров и преподавателей, ликвидации дискриминации студентов по половому признаку и т.п. При этом правительство все более предпочитает диалог насилию. Это и понятно, ведь более 69% иранского населения составляют граждане до 25 лет, и именно молодежь начинает все более влиять на определение дальнейшего курса иранского государства. Радикализация политических воззрений во властных структурах ИРИ в последнее время во многом связана именно с тем, что к власти в стране приходит новое поколение, которое стремится ускорить ход общественного и экономического развития Ирана и усилить его позиции в регионе и исламском мире в целом даже за счет обострения отношений с западным миром, желающим поставить Иран в условия политической и экономической зависимости. При этом сама государственная система

Ирана эволюционирует в сторону реализма и сбалансированности различных ветвей власти. Так, на начальном этапе становления исламского режима руководство ИРИ, на словах признавая необходимость и законность демократических выборных органов, в то же время сделало все, чтобы реальная власть сосредоточилась в руках небольшой группы религиозных деятелей – сторонников авторитарной теократии. На практике органы, избравшиеся демократическим путем, – президент, меджлис (иранский парламент) оказались в полном подчинении органов назначенных – рахбара (руководитель государства), Наблюдательного совета, одобряющего или отклоняющего принимаемые парламентом законы, судебных органов.

Такое положение вело к тому, что любая оппозиция и народ в целом лишались возможности влиять на социально-политический курс страны через систему представительных органов власти. Но, в конечном итоге, это привело не к стабильности режима, на что, по видимому, надеялось духовенство, а к застою в законотворчестве и к конфронтации в руководящей верхушке, с одной стороны, и переходу оппозиции к неконституционным методам борьбы – с другой.

Так, в первые годы работы парламента Наблюдательный совет отклонил практически все важнейшие законы, одобренные депутатами, например, о землепользовании, монополии внешней торговли, труде, национализации и т.п. В постоянном конфликте находились взаимоотношения президента и назначаемого рахбаром премьер-министра страны. Наибольшего кризиса отношения представителей этих двух ветвей власти достигли в начале 80-х годов, в период правления президента Абольшасана Банисадра и премьер-министра Мухаммада Раджаи. В результате возникшего противостояния А. Банисадр был смещен со своего поста. Но и в дальнейшем взаимоотношения указанных двух ветвей власти порождали конфликтные ситуации. Известно о противоречиях, которые существовали между бывшим президентом ИРИ С. А. Хаменеи и последним премьер-министром страны Х. Мусави.

В парадоксальной ситуации находились и силовые структуры страны, когда регулярные вооруженные силы контролировались иррегулярными формированиями Корпуса стражей исламской революции и исламскими революционными комитетами.

Однако в последующем ситуация стала исправляться. Еще при жизни Р. Хомейни Наблюдательный совет утратил функции последней инстанции, утверждающей законы, принятые меджлисом. Решением рахбара был создан Совет по определению целесообразности, состоящий из представителей всех ветвей власти и Наблюдательного совета, который получил право одобрять даже те законы, которые, по мнению Наблюдательного совета, не соответствовали исламу или конституции, но были необходимы для решения не терпящих отлагательства государственных вопросов. Именно благодаря деятельности этого органа наладилась законотворческая деятельность меджлиса. Так, например, вступили в силу ранее отклоненные законы о предоставлении правительству права выкупать городские земли у их владельцев по твердым ценам, даже в случае их несогласия, для удовлетворения крайней необходимости в строительстве городского жилья. Крестьянам было разрешено обрабатывать захваченные во время революции у землевладельцев земли, чтобы восполнить крайнюю нехватку в сельскохозяйственных продуктах, министерству просвещения – использовать пустующие помещения, особенно для организации курсов по ликвидации неграмотности и т.д.

В 1989 г. полномочия Совета по определению целесообразности были зафиксированы поправкой к конституции.

Коллизия между президентом и премьер-министром страны также разрешилась в 1989 г., когда в Основной закон была внесена поправка о ликвидации поста премьер-министра и передаче его полномочий президенту страны.

Руководитель страны сегодня не назначается пожизненно, как это было в случае с Р. Хомейни, а избирается также выборным органом – Советом экспертов, который имеет полномочия освобождать

рахбара от должности в случае недееспособности или потери компетенции. КСИР также потерял свою самостоятельность и ныне входит в состав вооруженных сил ИРИ.

Политическая система ИРИ продолжает развиваться и совершенствоваться и в наши дни. Идут плодотворные дебаты о роли и месте женщин в политике, о требованиях, предъявляемых к депутатскому корпусу, членам Совета экспертов и Наблюдательного совета, высшим руководителям страны и т.п.

Таким образом, можно констатировать, что исламский режим в Иране за годы своего существования прошел сложный, противоречивый, но в целом оправдавший себя путь, результатом которого стал медленный, но очевидный вывод страны из глубокого социально-экономического, политического и идейного кризиса, в котором оказался Иран в конце шахского правления.

В Турции исламисты как серьезная политическая сила впервые громко заявили о себе в 1994 г., когда по результатам муниципальных выборов происламская Партия благоденствия (ПБ) вышла на третье место, получив свыше 19% голосов избирателей. При этом настоящее потрясение среди правящей элиты вызвало известие о том, что кандидаты от ПБ были избраны мэрами во всех крупных городах Турции (в 28 из 76 провинциальных центров), в том числе в Анкаре, Стамбуле, Трабзоне, Конье и т.п. На состоявшихся в декабре 1995 г. парламентских выборах ПБ еще более усилила свои позиции и вышла на первое место, получив 21,6% избирательских бюллетеней. В июле 1996 г. лидер этой партии Н. Эрбакан возглавил коалиционное правительство, получившее вотум доверия в парламенте страны. В тот момент, с точки зрения многих, случилось невероятное – во главе правительства в секуляристской Турции встал лидер исламской оппозиции в союзе с руководителем либерально-буржуазной Партии верного пути Тансу Чиллер – первой женщиной в истории Турции, возглавлявшей до этого турецкое правительство и занимавшей на этом посту позицию полного неприятия каких бы то ни было проявлений

активности исламских элементов в политической жизни страны. В соответствии с достигнутым между ними соглашением Н. Эрбакан в течение двух лет должен был возглавлять правительство, а затем ему на смену должна была прийти Т. Чиллер.

После получения вотума доверия правительство Н. Эрбакана просуществовало почти год, до июня 1997 г. По меркам турецкой политической жизни срок вполне достаточный, чтобы дать определенные оценки его деятельности. Большинство турецких и зарубежных авторов считают, что этот год был годом невиданных провалов, ошибок и некомпетентности со стороны пришедших к власти исламистов. При этом указывается на то, что при правительстве Н. Эрбакана произошло ухудшение для Турции конъюнктуры на мировых финансовых рынках, снижение международных рейтингов кредитных и инвестиционных рисков. То есть из страны начался отток иностранных капиталов. В этих условиях правительство вынуждено было проводить активную политику по привлечению внутренних займов, что привело к образованию громадного внутреннего долга. В середине 1997 г., то есть на момент смены правительства, этот долг составил, по различным оценкам, 4 ктрлн турецких лир (около 30 млрд долл.). На обслуживание государственного долга (как внутреннего, так и внешнего) расходовалось до 60% налоговых поступлений в казну.

Турецкая пресса откровенно высмеивала те методы, которые предлагал Н. Эрбакан для улучшения тяжелого финансового положения страны. Так, он предоставил право беспошлинного ввоза из-за рубежа подержанных автомобилей каждому турку, который депонирует в государственном банке 50 тыс. немецких марок (29 тыс. долл.) под 10% годовых. Такой шаг, рассчитанный, прежде всего, на работающих за границей турок, по замыслу премьера, должен был пополнить казну на 1,5 млрд марок.

Большое неприятие и критику вызвали внешнеполитические мероприятия и ориентиры Н. Эрбакана. Известно, что свой первый за-

рубежный визит он, в отличие от всех своих предшественников, спешивших нанести визит в одну из влиятельных европейских стран или США, совершил в Исламскую Республику Иран. В то же время в качестве главного внешнеполитического приоритета Н. Эрбакан предложил противопоставить исламскую восьмерку в составе Турции, Ирана, Пакистана, Бангладеш, Малайзии, Индонезии, Египта и Нигерии существующей восьмерке развитых капиталистических государств и, как известно, формально реализовал этот проект. Был сделан и ряд других неожиданных и поэтому встреченных негативно как со стороны турецкой элиты, так и значительной частью западного общества демаршей.

В то же время если быть объективным, то следует признать, что Н. Эрбакану в период его краткосрочного правления всего лишь не удалось изменить негативную тенденцию в социально-экономическом развитии страны, сложившуюся задолго до его прихода к власти. Не оспаривая выдвинутые против Н. Эрбакана обвинения, все-таки нужно отметить, что, например, в области экономики его правительство получило весьма неоднозначное наследство. С одной стороны, к 1996 г. спад в экономике, вызванный кризисом 1994 г., был в основном преодолен. Темпы роста ВВП, достигшего в 1996 г. 183,5 млрд долл., составили 7,9% по сравнению с 4% в 1994 г. Среднедушевой ВВП составлял 2713 долл., что было выше, чем, например, средний показатель по странам СНГ. Однако это практически никак не сказалось на оздоровлении финансового положения страны. Стремительно рос как внешний, так и внутренний долг турецкого государства. Уже к 1995 г. отношение внешнего государственного долга к ВВП Турции достигло 44,2%, а внутреннего – 20%. В 1995-1996 годов около 50% расходов государственного бюджета Турции было направлено на погашение основных сумм и выплат процентов по государственному долгу.

Правительству Н. Эрбакана не удалось справиться с неблагоприятной финансовой ситуацией в стране, и это понятно, учитывая

настороженное отношение к турецким исламистам западных инвесторов, многие из которых начали активно изымать свои деньги из турецкой экономики. Однако очевиден тот факт, что даже при этих крайне неблагоприятных условиях правительство сумело удержать, а на ряде направлений и улучшило общие экономические показатели. Так, правительство Н. Эрбакана сумело несколько оживить программу приватизации, продав в 1997 г. небольшие государственные предприятия на сумму 900 млн долл. Прирост ВВП составил на конец 1996 г. 7,9%.

Причем в структуре ВВП произошло резкое сокращение темпов роста сельскохозяйственного производства с 14% в конце 1996 г. до 1,1% в середине 1997 г. Вместе с тем удалось не только предотвратить падение, но и обеспечить некоторый рост промышленного производства с 7,4% в конце 1996 г. до 9,5% в середине 1997 г. При этом развитие промышленного сектора происходило в основном за счет предприятий, работавших на местном сырье. Этим, в частности, можно объяснить тот факт, что в первой половине 1997 г. объем импорта практически остался на уровне соответствующего периода прошлого года и составил 21287 млн долл. (в конце 1996 г. – 20399 млн долл.). Что касается объема экспорта, то он также существенно не изменился и составил 11751 млн долл. в январе-июне 1997 г. по сравнению с 10780 млн долл. соответствующего периода в 1996 г. Фактически стабилизация соотношения объемов экспорта и импорта предопределила и стабилизацию уровня внешнеторгового дефицита: 9618 млн долл. в январе-июне 1996 г. и 9536 млн долл. в январе-июне 1997 г. Незначительный рост импортных платежей в немалой степени обусловил тот факт, что Турции в период премьерства Н. Эрбакана удалось не только стабилизировать резервы национальной валюты, но и обеспечить даже некоторый их рост. Так, по данным ЦБ Турции, в августе 1997 г. их размер составил 25915 млн долл. по сравнению с 25008 млн долл. в декабре 1996 г.

Осуществив вышеприведенный экскурс в экономическую статистику Турции периода правления Н. Эрбакана, приходится констатировать, что обвинения в доведении им страны до серьезного экономического кризиса и тем более краха не подтверждаются фактами. При желании такие же тяжкие обвинения и с не меньшим основанием можно предъявить и предшествовавшему Н. Эрбакану правительству Т. Чиллер, и пришедшему ему на смену вполне светскому правительству Месута Йылмаза. Поэтому очевидно, что дело было не в экономике и даже не во внешней политике, проводимой правительством Н. Эрбакана, а в том, что исламисты продолжали набирать популярность после парламентских выборов 1995 г. на фоне дезорганизации и уныния в других партиях и все более громких скандалов, потрясавших политический истеблишмент Турции. Именно это заставило турецкий генералитет, стоящий на страже лаицистских установок кемализма, предпринять решительные шаги для блокирования «ползучей исламизации» страны. Учитывая, что в сложившихся условиях новый военный переворот вряд ли бы поддержали западные союзники Турции, а также высшее руководство страны и турецкое население в целом, генералитет решил действовать в рамках конституции. Главным рычагом воздействия военных на политический курс страны в тот период являлся Совет национальной безопасности (СНБ), куда входили все высшие представители вооруженных сил и где они составляли большинство. Этот орган и осуществил план мероприятий по «мирному» устранению Н. Эрбакана от власти.

28 февраля 1997 г. состоялось заседание СНБ, на котором был заслушан доклад «О деятельности радикальных религиозных организаций Турции». На этом заседании был принят меморандум правительству с рекомендацией принять меры по изменению политического климата в стране, которой угрожают исламские ретрограды. Под давлением СНБ и президента страны Н. Эрбакан вынужден был поставить этот вопрос на обсуждение правительства и понял, что оказался в меньшинстве. Вызов военным не решились бросить даже не-

которые из его соратников по партии. В июне 1997 г. Н. Эрбакан заявил, что добровольно слагает с себя обязанности премьер-министра и распускает правительство. Одновременно Высший кассационный суд инициировал возбуждение в Конституционном суде дело о роспуске ПБ по обвинению в попрании конституционных основ и втягиванию страны в состояние гражданской войны. В итоге, после более чем полугодового разбирательства, 16 января 1998 г. ПБ была запрещена, а группа наиболее активных членов ее руководства во главе с Н. Эрбаканом лишилась своих депутатских мандатов и попала под запрет в течение пяти ближайших лет заниматься политической деятельностью. Как бы предугадав подобное развитие событий, руководство ПБ, не дожидаясь решения конституционного суда, в декабре 1997 г. заявило о создании новой Партии добродетели (ПД), правопреемство которой от ПБ ни у кого не вызывало сомнений.

Давление турецких военных на исламистов продолжалось вплоть до очередных парламентских выборов 1999 г., и это не могло не привести к ослаблению позиций ПД. По итогам выборов она вышла на третье место, получив 15,4% голосов, но при этом организовала отдельную фракцию, уйдя в оппозицию к вновь созданному правительству. Вплоть до следующих выборов в 2002 г. исламисты продолжали укреплять свои позиции в турецком обществе и одновременно осуществили внутреннюю реорганизацию, которая внешне смотрелась как раскол в рядах исламистов. Часть из них во главе с Р. Кутаном заявила о намерении продолжать стратегию и тактику, исповедуемые оказавшимся не у дел, но продолжавшим оказывать серьезное влияние на исламистское движение в Турции Н. Эрбаканом. Другие, во главе с еще одним сподвижником Н. Эрбакана Реджепом Таипом Эрдоганом, создали новую Партию справедливости и развития (ПСР) и заявили о готовности соблюдать светские основы турецкой государственности и сотрудничать с армейским руководством. После этого новая партия быстро начала набирать популярность у населения и в ноябре 2002 г. одержала убедительную

победу на парламентских выборах, собрав 34,2% голосов избирателей и сформировав однопартийное правительство. Таким образом, впервые с момента провозглашения Турецкой Республики представители политического ислама получили возможность единолично управлять государством и осуществить изменения в политическом и экономическом курсе страны. Правда, понимая хрупкость своего положения, «новые исламисты» ведут себя крайне осторожно, но при этом с каждым годом все более укрепляют свои позиции и шаг за шагом осуществляют курс на устранение военных от власти. Им удалось кардинально изменить турецкую конституцию, в том числе, те статьи, которые давали военным право прямо вмешиваться в политическую ситуацию в стране. Так, Совет национальной безопасности, являвшийся до прихода к власти ПСР одним из главных центров принятия государственных решений, сегодня низведен до положения совещательного органа с серьезным ограничением членства в нем высокопоставленных турецких военных. Причем все нововведения вводятся в конституцию страны под предлогом необходимости приведения ее в соответствие с европейским законодательством, что является непременным условием вступления Турции в ЕС. Исламисты объявили войну коррупции и под этим предлогом начали парламентское расследование деятельности целого ряда бывших высокопоставленных чиновников, включая двух премьер-министров предыдущих правительств М. Йылмаза и Б. Эджевита.

При правительстве ПСР начали существенно улучшаться экономические показатели. В частности, постоянно растет турецкий экспорт, снизилась инфляция, укрепилась турецкая лира. Это стало возможным благодаря целому ряду мероприятий, призванных мобилизовать население страны на решение стоящих перед Турцией злободневных проблем. Так, правительство заключило новое трудовое соглашение с профсоюзной конфедерацией Тюркиш, представляющей интересы 454 тыс. рабочих государственного сектора. Этим соглашением предусматривается целый ряд социальных гарантий трудящим-

ся, в том числе и в случае приватизации их предприятий. Правительство приняло закон о продаже по льготным ценам государственных земель, в том числе принадлежащих государству лесных угодий, во владение сельскохозяйственным собственникам. Правительство успешно проводит программу приватизации нерентабельных государственных предприятий, намечая получить при этом не менее 4 млрд долл.

Нерешенной остается главная проблема погашения государственного долга, однако ПСР не без оснований может надеяться, что по мере сближения с Европейским Союзом постепенно будет решаться и эта задача.

В целом приход к власти турецких исламистов, несомненно, стабилизировал внутривнутриполитическую и экономическую ситуацию в стране. По опросам общественного мнения сегодня в Турции нет такой силы, которая могла бы конкурировать с исламистами в борьбе за власть.

В Афганистане политический ислам проявил себя с начала 70-х годов, после прихода к власти президента М. Дауда. М. Дауд следовал линии светских реформаторов и пытался ускорить развитие Афганистана, осуществив серию радикальных реформ во всех сферах жизнедеятельности афганского государства. Исследователи этого периода развития Афганистана расходятся в своих оценках деятельности первого афганского президента, и это понятно, так как за неполные пять лет его нахождения у власти достичь сколь-либо серьезных результатов в деле реформирования отсталого Афганистана не представлялось возможным. В то же время афганские исламисты после свержения монархии в Афганистане, видя решительность нового главы государства в вопросе ускорения социально-экономического развития страны, быстро встали в оппозицию новому курсу. Значительная часть наиболее радикально настроенных исламистов эмигрировали из страны, главным образом в соседний Пакистан, где они приступили к созданию первых происламских политических партий.

Именно здесь в это время возникли две самые крупные из них, в последующем принявшие активное участие в борьбе с режимом Народно-Демократической партии Афганистана (НДПА), – Исламская партия Афганистана во главе с Гульбеддином Хекматьяром и Исламское общество Афганистана, созданное Барханнудином Раббани. Уже в 1975 г. исламисты попытались совершить исламский переворот в своей стране, осуществив вооруженное вторжение в Афганистан с пакистанской территории. Однако М. Дауду удалось достаточно легко подавить это выступление, поскольку не оправдались ожидания исламистов на широкую поддержку афганского населения. Основные силы исламистов были разгромлены афганской армией, а их руководители вновь сумели укрыться в Пакистане.

Новый всплеск активности исламистов связан с приходом к власти в Афганистане НДПА в апреле 1978 г. Оценка этого явления также неоднозначна. Сами афганцы в тот период называли произошедшие события Великой апрельской революцией, общенародной революцией, социальной революцией, явно пытаясь провести параллель с Октябрьской революцией в России. В последующем произошедшее в этой стране многие исследователи квалифицировали как «государственный переворот», «военный путч», «коммунистический заговор» и т.п. Думается, что апрельские события 1978 г. все-таки подпадают под понятие «революция». Только это была революция не социальная и не общенародная, а политическая с национальным уклоном, поскольку после ее свершения на поверхность политической жизни вышли те национальные слои населения, которые столетиями подвергались дискриминации в афганском государстве. Во-первых, это пуштуны из племенного объединения «Гильзай», которые, в отличие от другого крупного племени «Дуррани», стоявшего у власти с момента образования афганского государства, всегда находились на вторых ролях и несли государственные повинности наравне с национальными меньшинствами. Во-вторых, это представители самих национальных меньшинств, прежде всего таджики и узбеки, активно

участвовавшие в подготовке апрельской революции и создании нового государственного аппарата. При этом все революционные события происходили исключительно в городах и вплоть до начала предложенных НДПА реформ никак не затрагивали сельскую часть населения страны. Однако сами эти реформы страдали все той же болезнью «копирования» опыта на этот раз развитых социалистических государств, прежде всего тогдашнего СССР, и никак не учитывали традиции и религиозно-культурные особенности афганского населения. В результате провальными оказались и широкомасштабная аграрная реформа, и реформы образования, судопроизводства, эмансипация женщин. В целом негативно была воспринята и попытка секуляризации афганского государства. Воспользовавшись просчетами, ошибками и злоупотреблениями нового режима, афганские исламисты начали мощную антиправительственную пропаганду. За несколько лет они приобрели широкую социальную базу, прежде всего, из миллионов крестьян, выступивших против «безбожных» реформ НДПА и бежавших за пределы своей страны, в основном в соседние исламские Пакистан и Иран. За короткое время в этих странах были созданы многочисленные происламские группировки, которые, опираясь на помощь мусульманских и ряда западных государств, в первую очередь США, начали активную вооруженную борьбу с правящим афганским режимом, а затем и с пришедшим к нему на помощь советским военным контингентом. Афганские просоветские реформаторы, по сути, повторили ошибки шахского режима в Иране, с тем лишь отличием, что интересы большей части населения страны здесь игнорировались не под знаменем создания общества капиталистического процветания, а с целью социалистической трансформации традиционного восточного общества.

Итог был один – крах инициировавших эти реформы режимов. Правда, следует сказать, что на последнем этапе своего правления НДПА нашла в себе силы осуществить попытку поворота к народу, начав политику национального примирения, целью которой было от-

казаться от диктатуры НДПА и создать широкое политическое поле для деятельности всех заинтересованных в решении созидательных задач сил. Но время было уже упущено. Ни высокие личные качества последнего президента от НДПА М. Наджибуллы, ни новая, в целом более привлекательная для широких народных масс программа Партии Отечества, пришедшей на смену НДПА, не смогли предотвратить крах правящего режима. В 1992 г. он был свергнут, и к власти пришло происламское правительство «моджахедов». Однако вскоре оказалось, что афганские исламисты настолько привыкли к многомиллионным зарубежным дотациям, которые как из рога изобилия сыпались на них в годы борьбы с режимом НДПА, что, лишившись их после захвата власти, они оказались совершенно не готовыми к выполнению созидательных задач, которые, как уже говорилось, были довольно четко декларированы в программах ряда происламских политических партий. Поэтому вместо того чтобы мобилизовать население на решение неотложных социальных и экономических проблем и создать условия для возвращения миллионов беженцев, моджахеды всю свою энергию бросили на борьбу за распределение мест во властных структурах и поиск новых спонсоров для обеспечения потребностей представителей власти как таковых. Народ остался предоставленным самому себе и занялся единственным, что ему оставалось — самовыживанием. В сложившихся условиях единственным доступным средством для этого стало производство и сбыт за пределами страны наркотиков, издавна культивируемых в Афганистане, но никогда не становившихся средством выживания основной массы населения. Таким образом, афганские исламисты, придя к власти, оказались не на высоте положения и, в отличие от иранских и турецких, не взяли на себя всю полноту ответственности за вывод страны из глубокого системного кризиса. Правда, вскоре на политической сцене Афганистана появилась еще одна происламская сила, которая на первых порах вселяла некоторую надежду на появление общенационального движения, призванного разрешить накопившиеся в

стране противоречия. Речь идет о так называемом движении Талибан, возникшем на территории Пакистана из среды афганских эмигрантов-слушателей учебно-религиозных центров – медресе. В 1994 г. талибы вступили на территорию Афганистана под белым знаменем мира, заявив о том, что они пришли с целью восстановить идеалы «чистого» ислама и восстановить единство и процветание афганского государства. Очень быстро они захватили южные и юго-восточные пуштунские районы Афганистана. За короткое время в этих районах им удалось разоружить вооруженные формирования так называемых полевых командиров, подавить бандитизм и коррупцию, обеспечить спокойствие и безопасность в населенных пунктах и на дорогах. В талибской зоне оживилось сельскохозяйственное и ремесленное производство, начала развиваться внутренняя и внешняя торговля. Был издан указ о запрете несанкционированного выращивания наркотических веществ и введены жесткие наказания за их продажу и употребление. Однако по мере продвижения вглубь страны, особенно при захвате населенных пунктов с непуштунским населением, талибы стали применять методы жестокого подавления всех недовольных или отказывающихся выполнять их суровые религиозные предписания, касающиеся поведения в быту, семье, ношения исламской формы одежды, длины бороды, тех или иных развлечений и т.п. Недовольство многих афганцев стало вызывать и то, что в руководство талибов стало проникать все больше арабских экстремистов, которые меньше всего думали о решении афганских проблем, а вели подготовку боевиков для участия в террористической деятельности за рубежом. Поэтому мирного шествия по Афганистану у талибов не получилось. Постепенно они вынуждены были перейти к широкомасштабным военным действиям, и хотя в 1996 г. им удалось захватить столицу страны Кабул, дальнейшее продвижение на север страны натолкнулось на отчаянное сопротивление так называемого Северного альянса, в основном состоявшего из представителей национальных мень-

шинств, главным образом таджиков и узбеков. В центре страны против талибов выступили шииты хазарейцы.

Все-таки представляется, что без международной помощи Северный альянс был бы вынужден, в конце концов, уступить талибам, и только после этого стало бы ясно, имеется ли у этого движения перспективная программа возрождения афганского государства. Однако история распорядилась иначе. После теракта 11 сентября 2001 г. США создали широкую международную коалицию против талибов, после чего Северный альянс получил необходимые силы и средства для наступления на Кабул. С движением Талибан на тот момент было покончено, однако проблема создания дееспособного правительства в Афганистане остается нерешенной до сих пор. И хотя Афганистан получил официальное название Исламская Республика Афганистан, правящий сегодня в этой стране режим Хамида Карзая является отнюдь не общенациональным, а марионеточным, и это означает лишь то, что, несмотря ни на какие видимые демократические преобразования, проводящиеся под его эгидой, ожидать коренного улучшения ситуации в этой стране не приходится. Только после вывода иностранных войск вновь можно будет рассчитывать на появление конструктивных (не исключено, что снова происламских) сил, поскольку другой идеологии, которая могла бы сплотить разнородные социальные страты афганского населения, на сегодня в Афганистане нет. А без получения вотума доверия у большинства населения, которое будет внутренне убеждено, что правительство осуществляет преобразования в его интересах, а не за его счет, надеяться на успех вряд ли возможно даже в такой отсталой и неразвитой стране, как Афганистан.

5. ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

5.1. Планы семинарских занятий

Тема 1. Китай после Первой мировой войны

1. КПК и Гоминьдан: история политических взаимоотношений и полемика о путях модернизации китайского государства.
2. Проблемы образования «единого фронта» в Китае.
3. Сунь Ятсен и его общественно-политические взгляды. Значение «идейного наследства» Сунь Ятсена.
4. Национальный подъем и «Северный поход».

Тема 2. Национально-освободительное движение в Индии

1. Основные этапы борьбы индийского народа за независимость (кампании гражданского неповиновения).
2. Конституционное развитие колониальной Индии (реформы 1909, 1919, 1935 гг.).
3. М. К. Ганди и гандизм. Гандизм как теория и как тактика политической борьбы.

Тема 3. Япония между двумя мировыми войнами

1. Итоги Первой мировой войны для Японии.
2. Становление японского милитаризма. Его влияние на развитие японского общества.
3. Политика правящих кругов Японии по ревизии итогов Первой мировой войны.

Тема 4. Корейский полуостров в послевоенный период

1. Причины раскола Кореи на два государства.
2. Политическое развитие КНДР в послевоенный период.
3. Идеи чучхе и их роль в социально-экономическом развитии КНДР.

4. Причины ускоренного развития Республики Кореи в послевоенный период. Проблема демократизации в Республике Корея.
5. Проблема объединения двух Корей.

Тема 5. Развитие Ирана, Афганистана и Турции после Второй мировой войны

1. Попытка ускорения социально-экономического развития Ирана в 60-70-е гг. Реформаторская политика Мухаммеда Резы-шаха в период «Белой революции».
2. Исламская революция в Иране. Проблема эволюции традиционного восточного общества.
3. Турция: проблема становления демократического государства в послевоенный период. Ислам и политика в Турции.
4. Попытка реформирования афганского государства «сверху» в период правления М. Дауда.
5. «Социалистический» эксперимент в Афганистане в период правления НДПА.
6. Кризис афганской государственности и перспективы развития афганского общества на современном этапе.

Тема 6. Китай после провозглашения КНР

1. Китай при Мао Цзэдуне: итоги политического и экономического развития страны.
2. Строительство в КНР социализма с «китайской спецификой»: основные достижения и проблемы.
3. Проблема «двух Китаев».
4. Экономические и политические реформы на Тайване: планы и перспективы.

Тема 7. Японская модель развития в современном мире

1. Становление послевоенной Японии на базе демократизации и модернизации.
2. Японская модель демократии.
3. Япония накануне XXI в.: необходимость системных реформ.

Тема 8. Истоки ближневосточного кризиса

1. Палестинская проблема и способы ее разрешения в 20-40-е годы XX века.
2. Сионизм как идеология «освобождения». Еврейская эмиграция в Палестину и ее основные этапы.
3. Образование государства Израиль и его историко-политические последствия.

Тема 9. Арабские страны Ближнего Востока во второй половине XX века

1. Египет в 40-60-е гг. XX века. Феномен Гамалея Абделя Насера.
2. Сирия в 40-60-е гг. XX века. Партия Баас.
3. Ирак в 40-60-е гг. XX века. Приход к власти «баасистов».
4. Ливан в 40-60-е гг. XX века.
5. Организация освобождения Палестины и ее лидеры (феномен Я. Арафата).

Тема 10. Основные проблемы современного Ближнего Востока

1. Арабо-израильские войны и их значение.
2. Внешняя политика арабских стран в 70-90-е гг. XX в. по решению палестинской проблемы.
3. Политика государства Израиль 70-90-е гг. XX века.
4. Политика США на Ближнем Востоке (от доктрины Д. Эйзенхауэра до наших дней). Американско-иракская война 2003 г. и ее причины. Феномен С. Хусейна.

5. СССР (Российская Федерация) на Ближнем Востоке, проблемы и интересы.

Тема 11. Страны Центральной Азии

1. Обретение независимости и поиск национальной идентичности.

2. Геостратегическая значимость Центральной Азии.

3. Политическая культура и проблемы социально-экономического развития.

4. Интересы Российской Федерации и ее взаимодействие с внешними игроками в регионе.

Тема 12. Страны Африки в постколониальный период

1. Причины политической и экономической стагнации стран Африки.

2. Причины и последствия перехода от авторитарных к «демократическим» режимам на континенте.

3. Особенности африканского «гражданского» общества.

5.2. Тесты

1. Политика «самоусиления» Китая в 60-90-е гг. XIX в. направлена на:

- а) модернизацию и вестернизацию промышленности страны;
- б) сохранение суверенитета;
- в) превращение Китая в жестко централизованную империю;
- г) создание боеспособной армии.
- д) б и г.

2. Основателем партии Гоминьдана в Китае являлся:

- а) Мао Цзе Дун;
- б) Сунь Ят Сен;
- в) Чан Кайши;
- г) Дэн Сяопин.

3. Целью «культурной революции» (1966-1976 гг.) в Китае являлось:

- а) ликвидация традиционных для страны госструктур с целью искоренения бюрократии;
- б) укрепление позиций партийной элиты КНР;
- в) воспитание «нового человека», чья деятельность основана на догматах коммунистической идеологии;
- г) а и б;
- д) а и в.

4. «Бандой четырех» в Китае называли:

- а) одно из многочисленных тайных обществ;
- б) группировку хунвейбинов в годы «культурной революции»;
- в) часть партийной элиты, выступающую за продолжение «культурной революции»;
- г) группировку во главе с Дэн Сяопином, выступающую за модернизацию страны.

5. Мао Цзе Дун умирает:

- а) в сентябре 1976 г.;
- б) в августе 1978 г.;
- в) в январе 1980 г.;
- г) в июле 1980 г.

6. Главная политическая цель «реставрации Мэйдзи» в Японии 60-70-х гг. XIX в.:

- а) укрепление власти сегуна;
- б) укрепление власти самурайского сословия;
- в) расширение политических прерогатив императорской семьи;
- г) усиление власти региональных синтоистских кругов.

7. Кокутай – это:

- а) официальная идеология императорской семьи;
- б) официальная идеология японского милитаризма;
- в) система народных синтоистских верований;
- г) политическая программа некоторых японских партий.

8. Пирл Харбор – это:

- а) военно-морская база США на Алеутских островах;
- б) военно-морская база США на Гавайских островах;
- в) военно-морская база США на Марианских островах;
- г) военно-морская база США на Каролинских островах.

9. Последствиями мирной конференции в Сан-Франциско (1951 г.) для Японии явились:

- а) установление мирных отношений между Японией и СССР, США и другими странами-союзниками;
- б) прекращение состояния войны между Японией и подписавшими соглашение странами;
- в) прекращение оккупационного режима;
- г) б и в;
- д) а и в.

10. Структурная перестройка экономики Японии («постиндустриальная революция») проходит:

- а) в 50-60-е гг. XX в.;
- б) в 60-70-е гг. XX в.;
- в) в 80-90-е гг. XX в.;
- г) в начале XXI в.

11. «Младотурецкая» идеология в качестве своих составляющих включала в себя:

- а) идею о воссоздании единой «османской нации»;
- б) идею пантюркизма и модернизма;
- в) идеи анатолийского национализма;
- г) исламизм;
- д) а, в, г;
- е) б и в.

12. Принятый 28 января 1920 г. в Стамбуле «Национальный обет» является для Турции:

- а) Конституцией страны;
- б) Сводом законов Турецкой республики;
- в) Декларацией независимости;
- г) Актом о ликвидации правящей династии османов.

13. В результате реформ под руководством М. Кемалю в Турции была установлена:

- а) парламентская республика;
- б) президентская республика;
- в) диктатура М. Кемалю;
- г) многопартийная демократия.

14. Нынешний президент Турецкой республики:

- а) А. Гюль;
- б) Р. Эрдоган;
- в) Н. Эрбакан;
- г) С. Демирель.

15. Традиционно власть в Афганистане начиная с XVIII в. и вплоть до Саурской революции принадлежала:

- а) таджикам;
- б) гильзаям;
- в) дуррани;
- г) хазарейцам.

16. Нур Муххамед Тараки – это:

- а) лидер антишахской оппозиции Афганистана;
- б) полевой командир в годы советско-афганской войны;
- в) лидер апрельской революции 1977 г.;

г) руководитель антиамериканского сопротивления в начале XXI в.

17. Талибан – это:

- а) военно-религиозный исламский орден;
- б) военная организация исламистов в Китае;
- в) исламское движение, зародившееся в Пакистане;
- г) салафитская группировка, претендующая на власть в Центральной Азии;
- д) «в» и «г».

18. Северный Альянс – это:

- а) террористическая организация на территории Пакистана;
- б) международные гуманитарные учреждения, оказывающие помощь и поддержку северным регионам Афганистана;
- в) союз таджикских и узбекских моджахедов, контролирующих северные провинции Афганистана.

19. Этатизм – это:

- а) особая политика, направленная на усиление роли государства в экономике;
- б) разновидность национальной политики, направленной на провозглашение ограниченного суверенитета конкретного этноса;
- в) политика провозглашения национально-культурной автономии в КНР.

5.3. Вопросы к экзамену

1. Особенности воздействия хода и результатов Первой мировой войны и Октябрьской революции в России на формирование политического мировоззрения афро-азиатской интеллигенции.
2. Практика коллективного колониализма. Англо-французский Камерун и англо-французское Того.
3. США и афро-азиатские общества и их так называемая «политика открытых дверей и равных возможностей».
4. Отражение решений Парижско-Вашингтонской конференции в судьбах афро-азиатских колоний и полуколоний.
5. Национально-освободительная революция в Турции.
6. Борьба народов Афганистана за обретение полной независимости.
7. Подъем революционного национально-освободительного движения в Индии, Индонезии, Китае.
8. Типология националистических идеологий в национально-освободительном движении в странах Азии и Африки в межвоенный период и их характер.
9. Идеи панисламизма. Халифатское движение в Индии и образование халифатской республики (1921).
10. Зарождение политического исламского фундаментализма в Египте, создание «Организации братьев-мусульман».
11. Проблемы арабского единства в освободительной борьбе (панарабизм) и создание Лиги арабских государств (1945).
12. Культурный национализм как начало процесса духовной деколонизации. Концепция негритюда (с начала 30-х гг.).
13. Национально-освободительная борьба народов Британской Индии. Обстановка в стране после окончания Первой мировой войны.
14. Подъем национально-освободительного движения в Индии в 1918-1922 гг.
15. Идеино-политические воззрения М. К. Ганди и его роль в антиколониальном движении. Эволюция позиций Индийского нацио-

нального конгресса и Мусульманской лиги в вопросе достижения независимости в межвоенный период.

16. Социально-политическое положение Китая после Первой мировой войны. Борьба милитаристских клик за верховенство. Распространение в Китае идей социализма. Сунь Ятсен, эволюция политических взглядов и деятельность после Первой мировой войны.

17. Революция 1911-1912 гг. в Китае. Контрреволюционный переворот Чан Кайши.

18. Япония после Первой мировой войны. Участие в парижской и Вашингтонской международных конференциях.

19. Социально-политическое развитие Японии в 20-е гг. XX в. Основные этапы и особенности фашизации Японии. Внешняя политика Японии в конце 20-х – 30-х гг. «Меморандум Танака», «Антикоминтерновский пакт».

20. Япония в годы Второй мировой войны. «Тихоокеанская война», экспансия в Юго-Восточную и Южную Азию.

21. Поражение Японии во Второй мировой войне.

22. Зарождение арабо-еврейского конфликта. Вручение мандата Лиги наций на управление Палестиной Англии.

23. Деятельность Всемирной сионистской организации. Зарождение арабо-еврейского конфликта. Борьба сионистов в Палестине за образование еврейского государства Израиль.

24. Образование Турецкой республики. Турция между двумя мировыми войнами. Подъем национально-освободительного движения. Роль Мустафы Кемалю в объединении патриотических сил в Турции.

25. Этапы перехода от монархической, теократической системы власти в Турции к республиканской.

26. Социально-экономические реформы в Турции. Идеология кемализма.

27. Внешняя политика Турции в 30-е гг. XX в. Проблемы проливов (конференции в Лозанне и Монтре).

28. Иран в 1918-1945 гг. Положение Ирана после Второй мировой войны. Национально-освободительное движение и антифеодальное движение в стране в 1918-1922 гг. Гиленская революция.

29. Причины и предпосылки государственного переворота 1921 года в Иране.

30. Буржуазно-помещичьи реформы Реза-шаха в Иране.

31. Иран в годы Второй мировой войны.

32. Социально-экономическое положение Афганистана в начале новейшего периода.

33. Победа младоафганцев и приход к власти в Афганистане Амануиллы-хана. Третья англо-афганская война (1919) и ее результаты.

34. Приход к власти в Афганистане династии Надиров. Внутреннее положение Афганистана в 30-е гг. XX в. и его внешняя политика.

35. Афганистан в годы Второй мировой войны.

36. Образование Монгольской народной республики (МНР). Монгольское общество накануне революции 1921 г. Внешнеполитическая зависимость.

37. Характер революции 1921 г. в Монголии. Помощь РСФСР монгольскому народу.

38. Концепция некапиталистического развития и ее реализация в МНР.

39. Социально-экономические и политические изменения в Монгольской народной республике к 1940 г. Принятие новой Конституции.

40. Политические институты «независимого» королевства Египет. Англо-египетские отношения.

41. Египет в годы Второй мировой войны.

42. Политическое и экономическое положение Эфиопии после Первой мировой войны.

43. Реформы императора Хайле Селасие в Эфиопии.

44. Основные направления внешней политики Эфиопии в 30-е годы XX в.

45. Южно-Африканский Союз (ЮАС) после Первой мировой войны. Деятельность Африканского национального конгресса и компартии Южной Африки. Вооруженное выступление белых шахтеров Витватерсранда («Красное восстание») в 1922 г.

46. Складывание системы «внутреннего» колониализма в ЮАС. ЮАС накануне и в годы Второй мировой войны.

47. Победа Народной революции в Китае (1949). Провозглашение Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г.

48. Китай в восстановительный период (1950-1952). Характер власти.

49. VIII съезд Коммунистической партии Китая (КПК) 1956 г. и его решения.

50. Китай накануне «Великой пролетарской культурной революции».

51. XI пленум ЦК КПК. Хунвейбины и их роль.

52. Этапы Культурной революции в Китае. Роль армии.

53. XI съезд Коммунистической партии Китая (сентябрь 1977). Критика культурной революции.

54. Программа «Четырех модернизаций» в Китае.

55. Китайская республика Тайвань. История и современность.

56. Гонконг (1991) – «одна страна, две системы».

57. Индия на завершающем этапе борьбы за независимость (1945-1947). М. К. Ганди и его деятельность.

58. Курс Джавахарлала Неру во внутренней и внешней политике.

59. Образование государства Бангладеш.

60. Поражение Индийского национального конгресса на выборах 1977 г. Победа блока правых партий (Джаната парти).

61. Выборы 1980 г. Победа Индийского национального конгресса. Правительство И. Ганди.

62. Индия в 90-е гг. XX в. Внутривосточная и экономическая обстановка.
63. Внешняя политика Индии. Отношения с Китаем, США, Россией.
64. Сан-Францисская мирная конференция (сентябрь 1951). Ее участники. Позиция СССР. «Пакт безопасности» США и Японии.
65. Функционирование полупартийной системы в Японии (либерально-демократическая партия Японии у власти).
66. Образование КНДР в августе 1948 г. Президент Ким Ир Сен.
67. Война в Корее под флагом ООН (1950-1953).
68. Переворот 1953 г. в Иране. Буржуазно-демократический характер «белой революции» шаха. Социальные последствия.
69. Революция 1978-1979 гг. в Иране.
70. Вооруженное восстание 10-11 февраля 1979 г. в Тегеране. Победа антимонархической революции.
71. Образование Исламской Республики Иран. Роль аятоллы Хомейни.
72. Ирано-иракский вооруженный конфликт (1980-1988).
73. Исламская революция в Иране как факт мировой истории.
74. Ближневосточный регион в 1945-2000 г. Расстановка сил. Провозглашение государства Израиль (май 1948 г.). Первая арабо-израильская война и ее результаты.
75. Президентство Г. А. Насера в Египте. Национализация Суэцкого канала (1956).
76. Суэцкий кризис (вторая арабо-израильская война).
77. Третья арабо-израильская война (июнь 1967). Захват Израилем арабских территорий.
78. Четвертая арабо-израильская война (октябрь 1973), ее результаты. Кэмп-Дэвидские соглашения 1978-1979 гг.
79. Начало демократизации общественной жизни в Афганистане в 1948 г.

80. Государственный переворот 1973 г. в Афганистане. Правительство Дауда. Конституция 1977 г.

81. Государственный переворот (Саурская революция) 27 апреля 1978 г. в Афганистане. Образование Демократической республики Афганистан.

82. Ввод в Афганистан советских войск 27 декабря 1979 г. Политика правительства Бабрака Кармаля.

83. Вывод из Афганистана советских войск (1988 – февраль 1989). Афганская оппозиция.

84. Исламская революция (апрель 1992 г.) в Афганистане. Захват Кабула. Падение режима Наджибуллы.

85. Начало движения Талибан (1984). Теократическая власть талибов. Режим «чистого ислама» в Кабуле с 1996 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиев, С. М. История Ирана. XX век / С. М. Алиев. – М., 2004.
2. Альтернативность исторического развития Китая во второй половине XX в. / сост. М. В. Карпов // Материалы науч. конф. – М. : ИСАА при МГУ, 1999. – 171 с.
3. Афганистан. Война и проблемы мира / Г. П. Ежов, М. Р. Арунова, Ш. М. Рустайи, Ю. В. Босин ; отв. ред. А. Д. Давыдов ; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. – М., 1996. – 190 с. – ISBN 5-89282-013-0.
4. Белокреницкий, В. Я. История Пакистана. XX век / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко. – М., 2008.
5. Всемирная история / под ред. И. А. Алябьевой и др. – Минск, 1996. – Т. 1-24.
6. Горев, А. Махатма Ганди / А. Горев. – М., 1984. – 2-е изд. – М., 1989.
7. Дорошенко, Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905-1911 и 1978-1979 гг. / Е. А. Дорошенко. – М., 1998.
8. Дружиловский, С. Б. Исламская Республика Иран на рубеже 80-90-х годов / С. Б. Дружиловский. – М., 1992.
9. Дружиловский, С. Б. Турецкая Республика в 80-90-е гг. / С. Б. Дружиловский. – М., 1998.
10. Индийская конституция в прошлом и настоящем. Из истории развития конституционного процесса в Индии (1919-1950) : учебное пособие / под ред. Л. В. Митрохина. – Рязань : Институт права и экономики Минюста РФ, 2000. – 205 с.
11. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 ч. / под общ. ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. – 2-е изд., стереотип. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – 712 с.
12. История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. – М., 1998.
13. История Японии : учебное пособие : в 2 т. / под ред. А. Е. Жукова. – М., 1998. – Т. 2.

14. Комар, Ю. И. Демократизация в Африке: 1980-1990 гг. / Ю. И. Комар. – М., 1997.
15. Кузнецов, Ю. Д., История Японии / Ю. Д. Кузнецов, Г. В. Навлицкая, И. М. Сырицын. – М., 1989.
16. Ляховский, А. А. Трагедия и доблесть Афгана / А. А. Ляховский. – М., 1995.
17. Мамаева, Н. Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919-1929 / Н. Л. Мамаева. – М., 1999.
18. Молодякова, Э. В., Японское общество: книга перемен / Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян. – М., 1996.
19. Мукимджанова, Р. М. Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики / Р. М. Мукимджанова. – М., 2005.
20. Новиков, С. В. Всеобщая история : справочник студента / С. В. Новиков. – М. : СЛОВО – Издательство АСТ, 1999. – 639 с.
21. Поликанов, Д. В. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию / Д. В. Поликанов. – М., 1998.
22. Портрет современного японского общества / под ред. Э. В. Молодяковой. – М., 2006.
23. Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991-2006) / отв. ред. А. Б. Каримов. – М. : ЦСПИ, 2006. – 270 с.
24. Райков, А. В. Опаснейший час Индии / А. В. Райков. – Липецк : Липецкое издательство Госкомпечати, 1999.
25. Республика Корея: опыт модернизации : сборник статей МЦК МГУ – ИВ РАН / отв. ред. В. М. Мазуров. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 212 с.
26. Россия и Корея в меняющемся мире : материалы международной конференции / сост. А. В. Торкунов. – М. : Международный общественный научный фонд, 1997.
27. Россия и Корея: модернизация, реформы, международные отношения / отв. редактор С. В. Волков. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 255 с.

28. Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии / под ред. Э. В. Молодяковой. – М., 2004.
29. Стрельцов, Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период / Д. В. Стрельцов. – М., 2002.
30. Сунь Ятсен. Избранные произведения / Сунь Ятсен. – М., 1985.
31. Торкунов, А. В. Корейская проблема: новый взгляд / А. В. Торкунов, Е. П. Уфимцев. – М., 1995.
32. Турция между Европой и Азией / под ред. Н. Г. Киреева. – М., 2001.
33. Хобсбаум, Э. Век революции. Век капитала. Век империи : в 3 кн. / Э. Хобсбаум. – Ростов-на-Дону, 1999.
34. Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права / под ред. К. И. Батыра, Е. В. Поликарповой. – М. : Юрист, 1996. – 520 с.
35. Юдовская, А. Я. История. Мир в новое время (1870-1918) : учебник для 10 класса сред. шк. / А. Я. Юдовская и др. – СПб. : СМАО Пресс, 1997. – 544 с.
36. Южный фланг СНГ: Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика / под ред. А. В. Мальгина, М. М. Наринского. – М. : Навона, 2005. – 456 с.
37. Япония: мифы и реальность / отв. ред. А. И. Кравцевич. – М.: Восточная литература, 1999. – 335 с. – ISBN 5-02-018128-5.
38. Япония 90-х: кризис системы или временные сбои / отв. ред. А. И. Кравцевич, И. П. Лебедева. – М. : Восточная литература, 1998. – 280 с. – ISBN 5-02-018040-8.
39. Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы / отв. ред. А. И. Кравцевич. – М. : Восточная литература, 1998. – 319 с. – ISBN 5-02-018040-8.

Учебное издание

**Игорь Валентинович Вовк,
Игорь Анатольевич Шебалин**

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ВОСТОКА

Учебное пособие

2-е изд., доп. и перераб.

Редактор
Е. В. Кондаева

Редактор 2 категории
Г. А. Чумак

Подписано в печать 08.04.2016 г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 10,9.
Тираж 300 (1 завод – 50) экз. Заказ 20/1466.

**Издательство Орского гуманитарно-технологического института
(филиала) федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15А